

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Основан 15 января 2008 года

МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

№ 12 (50)

ДЕКАБРЬ

2011

Литературной студии «Паруса» – 10 лет!

Стоят (слева направо): Джон Кудрявцев, Сергей Барабаш, Валерий Кулешов, Владислав Гусаров, Владимир Тыцких

Сидят (слева направо): Эльвира Кочеткова, Лариса Тучина, Людмила Семёнова, Нина Савченко, Галина Блинова

***Литературная студия «Паруса»** начала готовиться к десятилетнему юбилею. Студия основана в марте 2002 года и работала в Морском государственном университете имени Невельского. Сейчас собирается ровно в полдень в последнюю субботу каждого месяца в Русском географическом обществе (Владивосток, ул. Петра Великого, 4). История «Парусов» восходит к «Тихоокеанским зорям» (литобъединение Тихоокеанского флота), краевому литературному объединению «Творчество» имени А.А. Фадеева, лито «Серая лошадь» (Приморская организация СП России) и студии писателей баталистов и маринистов «Парус», существовавшей при Тихоокеанском региональном управлении Федеральной пограничной службы. Преемственность сохраняется в традициях, в формах работы, в составе участников. В их числе авторы научных и художественных книг, доктора и кандидаты наук, заслуженные деятели искусств, заслуженные работники культуры России, начинающие литераторы разных возрастов, библиотечные работники, педагоги и просто неравнодушные люди, любящие литературу: Е. Антипин, С. Барабаш, О. Борисовская, В. Бусаренко, Е. Газука, Е. Глебова, Т. Грицюк, В. Гусаров, Ю. Кабанков, Э. Кочеткова, В. Кулешов, А. Позднякова, В. Протасов, Н. Решетникова, М. Смирнова, Е. Супранова, В. Тыцких и многие другие. С «Литературным меридианом» студию «Паруса» связывают многолетняя дружба и творческое сотрудничество. В связи с приближающимся юбилеем «Парусов» редколлегия «Литературного меридиана» планирует публикацию материалов о жизни студии и продолжит печатать произведения студийцев, многие из которых являются нашими постоянными подписчиками.*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Декабрь 2011 года
№ 12 (50)

Главный редактор – Владимир КОСТЫЛЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Г.В. БОГДАНОВ, зам. главного редактора, г. Хабаровск.

И.В. БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск.

С.Д. БАРАБАШ, г. Владивосток.

И.В. КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Э.В. КОЧЕТКОВА, г. Владивосток.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Н.А. ЗИНОВЬЕВ, г. Кореновск.

Ю.Н. КАБАНКОВ, г. Владивосток.

В.Я. КУРБАТОВ, г. Псков.

Р.П. ЛЯШЕВА, г. Москва.

Г.В. НАЗИМОВ, Калифорния, США.

В.В. ПРОТАСОВ, г. Владивосток.

В.М. ТЫЦКИХ г. Владивосток.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель:
коллектив редколлегии.

Арсеньев
2011

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОКИ

Валентин КУРБАТОВ. Утро вечера мудренее 3

ПРОЗА

Николай БЕРЕЗОВСКИЙ. Что недано и Богу 28

Лидия СЫЧЕВА. Путь стрелы 49

Ольга ЛЕВАШОВА. Теленкино молоко 64

Владимир КОСТЫЛЕВ. Четверговые радости 78

ПОЭЗИЯ

Максим ЛАВРЕНТЬЕВ. Померк ослепительный сад 6

Эльвира КОЧЕТКОВА. Не успела и осень проститься 8

Владимир ТЫЦКИХ. Всё пока ещё впервые 23

Ольга ГРИГОРЬЕВА. Мне нужен камертон 36

Николай ЗИНОВЬЕВ. Быть непонятым печально 44

Юрий КАБАНКОВ. Неизрекаемое безмолвие 52

КРИТИКА

Руслана ЛЯШЕВА.

Турнир прозаиков: Лидия Сычёва и Ксения Букша 13

МОРСКИЕ ПРОСТОРЫ

Владимир ГАМАНОВ. 16

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Пётр ПУЗИН. Подводные мили командира субмарины 40

РЕБЯТА НАШЕГО ДВОРА

Ярослав СИЛУЯНОВ. Хочется быть похожим 54

Надежда ЯДЫКИНА. Мальчишки с берегов Катуня 84

Елена ЯЛЫННАЯ. Путешественники 90

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Владимир НАРБУТ. Вчера как сегодня 58

Егор СТАРЦЕВ. Буреломы, или Девушка с кувшином 68

При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна. Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год. Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция имеет право отказать в публикации.

© «ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»

Валентин КУРБАТОВ

УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНЕЕ...

Что делать хорошим летним вечером на дачке, когда солнышко забывается закатным светом и не может наглядеться на свои «художества» с облаками, золотыми соснами, долгими тенями, когда ласточки гоняются друг за другом с девчоночьим визгом? А взять да включить старую «Спидолу» и послушать какую-нибудь «Свободу» или «Би-Би-Си», у которых никогда не бывает вечеров и ласточек, а только «режимы» да «оппозиции». И вдруг услышать их ироническое напоминание, что в этом году двадцать лет, как нет Советского Союза. И тотчас резкой нотой вспыхнет в памяти, кажется, уже забытое старое стихотворение Татьяны Глушковой той поры «Когда не стало Родины моей, Тот, Кто явился к нам из Назарета, осиротел не менее поэта последних сроков Родины моей». А вот, оказывается, не забытое, и боль всё саднит в душе. И моей, и моей Родины не стало – осмеянной, разжалованной, торопливо ссылаемой в забвение. И как сразу вскипает гневом сердце!

Но вот, простите за наивность, почти за детскость поворота мысли: что с этим-то делать? Солнышко-то садится, ласточки смеются, скворец «вышел на крыльцо» да и раздумал лететь по делам, засмотрелся... И то же сердце вдруг оглядывается на вечер какими-то новыми глазами, словно надеется что-то подсказать тебе, помочь понять что-то новое, очень важное и как будто утешительное...

И я отчего-то тотчас вспоминаю, как малое время назад мы с моим гостем – поэтом Равилем Бухараевым – шли набережной речки Псковы в Пскове, одетой колониальными особняками новых властителей жизни. А видели не эти вызывающие особняки, а купающихся на запруде ребятишек, которые ждали, что мы на них поглядим, и тотчас радостно ныряли столбиком, чтобы не забыть посмотреть потом: видим ли мы еще и когда они выныривают. Мы видели. А у Гремячей башни, высмотрев в нас ценителей, в метре от нас даже не пел, а «являл свое искусство» соловей, пока мы не заоплодировали ему.

И был еще вечер в Изборске, когда мы говорили о тысячелетней истории этого города, а солнце грело старый бок Труворова креста и красило лебедей на Городищенском озере в розовый цвет, и крепость казалась уютной и покойной, как старики под последними лучами. Это-то что? Куда поместить этот свет вечера, если «не стало Родины моей»?

А потом мы ездили с Равилем на Пушкинский праздник в Михайловское. И я ехал с тревогой, потому что чуть не во все эти годы после смерти Советского Союза Праздник болел; а Равиль – только с нетерпением, потому что для него Михайловское было впервые. И там тоже случилось чудо. Другой улыбнется, а мне было счастьем, что на открытии Праздника у Пушкиногорского памятника поэту глава района Римма Валентиновна Бурченкова среди неизбежных торжественностей просто и радостно сказала Пушкину, что к Празднику закончена посевная. Вспомните, когда вы это последний раз слышали? И для меня это был тоже голос Родины, как ни наивно это прозвучит.

И то, что обычно переполненный зал Научного центра был не полон на первом поэтическом вечере, странно, не смутило, а тоже обрадовало меня. Поэзия в беготне за временем растеряла читателя, развела его по «течениям». Он перестал искать в ней единства и опоры. А эти, значит, еще верили Слову и Музе, потому что их настройка была умнее – пушкинский камертон.

Назавтра поутру на Поляну съезжалась торговля, ставились качели, открывалась музейная почта, девочки мыли скамейки для зрителей и солнце торопливо сушило их. Утро было нетерпеливое и как будто немного цыганское. Пушкин, скрестив руки, уже смотрел с портрета на Поляну и улыбался, видя, как девочки из театральной студии весело цитируют его школьными голосами, готовясь встретить поэтов у крыльца пушкинского дома. И вот уж поэты на подводах (устроители побаловали гостей) тянутся к этому крыльцу, и каждый, наверно, в душе немного Пушкин и Дельвиг. И поэт выбегал к ним с крыльца именно так, как выбегал к друзьям, и им уже потом не надо было искать интонации на Поляне – сам воздух пушкинского утра, многолюдья, птиц, листвы, ясного неба озарял душу светом.

И все, что было после поэтической Поляны – детская площадка поэзии и «Стихи.ру», где всяк мог прочитать свое (как в прошлом году крестьянин села Дедовцы прочитал трогательный лубочный эпос своего села – его «Илиаду» войны и «Одиссею» послевоенных дней) и общее сочинение самого длинного стихотворения, смешного километрового буриме, где каждый подхватывал слово предшественника, – всё было эхом этого дня и того счастливого состояния, которое и самого Александра Сергеевича побудило некогда сказать, что здесь он «провел изгнанником два года незаметных». Ведь «незаметных» – это и есть счастливых. Печаль мы видим сразу, и она сидит в душе долго, а от света только свет. Дети летали на качелях и ходили на ходулях, искушая и поэтов вспомнить это искусство. Старый великий директор Семен Степанович Гейченко вспоминал с экрана палаточного кинозала драматизм послевоенного начала Заповедника, но и оно, благодаря гению рассказчика и «домовому» этих мест, глядело радостным. И я не мог уйти, вспоминая долгие годы счастливого общения с этим волшебником музейного дела. Хотелось быть везде, слышать всё. И как в музыке радостно подпевала Поляна «кадетам» Игорю Черницкому и Николаю Романову (они привезли с собой фильм с этим именем), как вспоминала себя с казачьим ансамблем «Братина», как ликовала с Варварой!

День не хотел уходить. Соловьи перекликались с кукушками, словно возбужденные общим поэтическим ритмом. Аисты всходили над Поляной царственными кругами, как небесное благословение.

И вот тут я к самому-то главному и подхожу. Переполненное сердце искало обобщения, какого-то словесного закрепления увиденного. Вот уж и торговля уехала в золотой закатной пыли, ласточки захватили небо, как они всегда захватывают его вечерами, тени потянулись, остужая Поляну. Мы сидели в опустевшей «Березке» с директором Заповедника Георгием Николаевичем Василевичем и Равилем, и директор успокоенно провожал глазами Праздник – слава Богу, всё получилось. А Равиль, два десятилетия живущий между Лондоном и Москвой, всё поворачивал к возрождению России – что вот, увидь этот день каждое русское сердце, и все сами собой и поймут, что вот оно – возвращение лучшего. А мне вдруг открылось в этом дне не возрождение (ведь возрождение – это воскресение бывшего, даже если оно, как и в Италии, уходит дальше воскрешаемой античности), а, может быть, впервые просто рождение новой России, которая, перестрадав после смерти Советского Союза, искупавшись в стыде реформ и переделок, всех видов духовного предательства, на глубине все-таки не потеряла живой радостной силы. Как Владимир Соловьев говорил когда-то – что национальная идея не то, что страна думает о себе во времени, а что Бог думает о ней в вечности. И вот Бог-то в этот час и подумал о России. И это она сама, вроде помимо воли каждого отдельного человека, но именно живой частью этого каждого, вдруг при правильно взятой ноте (и разве случайно, что именно при Пушкине, при Пушкине!) вспомнила свое «всё» и показала, что готова обдумать и назвать себя, родиться новой из страдания и опыта, из заблуждений и передразнивания чужого. Словно почувствовала себя беременной, и в Пушкинский день дитя толкнулось внутри, осветив лицо матери.

Но, наверно, конечно, не так – не рождение. Всё-таки и 1150 лет наша государственность не на боку лежала. И не возрождение, а и скромнее и больше

– исцеление. Кризис миновал (не пошлый финансовый, а долгий духовный), и «воздух синь, как узелок с бельем у выписавшегося из больницы» (Пастернак). Не может, не может быть, чтобы «не стало Родины моей». И я уже без тревоги читаю только что сказанные В.Н.Крупиным при вручении первой Патриаршей премии, что «золотятся купола, издаётся Священное писание и труды отцов, и всё доступно, а Россия гибнет». Горечь и усталость его понятны, все мы устали и натерпелись унижения. Да, слава Богу, у нашей матушки-Родины еще хватает сил, и она, коли мы так и будем неразумны, сама, зная свою ответственность перед Божьим замыслом о себе, и без нашей воли повернется с боку на бок – кого задавит, кого вознесет, но света своего не уступит. «Тот, Кто явился к нам из Назарета» вовек не осиротеет в России.

Я видел этот день в Михайловском, и он уже не померкнет и не даст душе усомниться, как бы власть ни потакала неправде, ни подольщалась к миру и ни старалась следом за «Свободой» и «Би-Би-Си» обойтись без ласточек и вечеров.

Бог и Пушкин не попустят.

Максим ЛАВРЕНТЬЕВ

ПОМЕРК ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ САД

КЛЕТКА

Был двор неприметен снаружи –
Как будто бы это не двор,
А просто садовые группы
Решетчатый запер забор.
Однако внутри размещался,
Покуда совсем не исчез,
Остаток родного мещанства,
Паноптикум пошлых чудес.
Держа инвалидные палки
В своих узловатых руках,
Галдели глазастые парки
С утра на дворовых скамьях.
Тезей, ковыряя плетенку,
Кормил голубей и ворон.
Везти на вокзал за пятерку
Едва соглашался Харон.
Коты, сохранявшие светский,
Хотя и потрепанный вид,
Глядели, как цербер соседский
Бузонит у входа в Аид.
Порою с известной бравадой
Какой-нибудь пьяный сатир,
Гоняясь за местной дриадой,
В кусты забегал, как в сортир,
И вскоре под струнные враки
Летел его яростный хрип, –
Тогда в надвигавшемся мраке,
Под сенью каштанов и лип,
Среди пересудов и сплетен
Рождался трагический хор.
А в общем-то был неприметен
Зеленый обшарпанный двор.

Гулять меня вывезла мама
На детской лошадке во двор,
И тут восьмилетняя дама
Вступила со мной в разговор.
В руках загорелых и крепких
Вертя моего скакуна,

«Что, мальчик, ты знаешь о клетках?» –
Вдруг строго спросила она.
О клетках?! Представил я сразу
Картин будоражащих ряд
И выдал какую-то фразу
Про тигров, что в клетках сидят.
Она улыбнулась лукаво
И бросила мне с высоты:
«Какой несмышленный ты, право!
Какой еще маленький ты!
Знай, в клетке вся жизнь появилась,
Из клеток весь мир состоит.
Сама я слегка удивилась,
Когда старший брат Леонид
Показывал мне это в книге,
Где было рисунков полно.
Потом отдыхала я в Риге,
Там даже снимали кино.
Конечно, заметила мало:
Готовился сказочный бал...»
Она еще долго болтала,
Но я ничего не слышал.
Смотрел я на небо сквозь ветки –
И новую жизни главу
Читал – о безвылазной клетке,
В которой, родившись, живу.

Осилена до середины
Мной летопись эта с тех пор.
Сменились живые картины,
Иначе стал выглядеть двор.
Исчезли сатиры и фавны,
Померк ослепительный сад,
И только футбольные фаны
Здесь ночью истошно кричат.
С чего так визжат малолетки?
Когда я луною не пьян,
То вижу их – запертых в клетке,
Тупых молодых обезьян.
И в них, не имеющих воли,
Себя самого узнаю:
В такие же дикие вопли
Влагал я всю тщетность свою.
Таская железо по складу,
Попсовый заслышав концерт,
Дерьмовый косяк до упаду
Курнув на Бульварном кольце.
А если я все-таки дожил
Почувствовать мир и покой,
То паркам недремлющим должен
И маленькой вестнице той.

2011

Эльвира КОЧЕТКОВА

НЕ УСПЕЛА И ОСЕНЬ ПРОСТИТЬСЯ

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Тот день как будто очень близко где-то...
Я всё не верю, годы напролёт:
В моё окно, распахнутое в лето,
Медов июньских липа не прольёт.

В крылатках липы не утихнет ветер,
Не истончится месяц в вышине,
И не окликнет чайка на рассвете
Далёкий день, прижавшийся ко мне

Несмелым проливающимся светом,
Запутавшимся в тонкостях волос,
И не сорвутся воробьишки с веток,
Прочикчирикав: «Как тебе спалось?»

Не встрепенётся бабочка ночная,
На подоконник стряхивая сон,
И я, проснувшись, так и не узнаю,
Как пахнет мамин розовый пион.

Не зазвенит стакан на табурете
С клубникой первой, спелую почти.
И друг мой Колька потерялся в лете,
В которое мне больше не прийти...

МАЛЕНЬКИЕ МЫСЛИ

Голубь на подоконнике!
 Будто ко мне с вопросом.
Я птичьи глаза-бусинки
 разглядывала из тепла.
А голубь шагал важно,
 смотрел на меня косо.
Стояла над нами вечность,
 и медленно жизнь текла.
Она ускользала тайно,
 легко и неумолимо.
А надо начать дело,
 которое не на века.

Помыть, например, посуду
и снова пройти мимо
Волнующего мгновенья,
непонятого пока.
Как трудно начать дело,
которое меньше неба.
А кто-то вращает землю
во имя Нового Дня.
А я с каждым днём прощаясь,
иду за насущным хлебом
И столько ненужных мыслей
маленьких у меня...

МАМА

Мир когда-то был полон одними твоими глазами,
И у тёплой груди, у знакомого сердца мне не было страшно.
Голос твой у меня моё имя тихонько выспрашивал,
И лицо щекотало разлившимися волосами...

Ты ли это? Неровные пальцы с клокочом похожи на корни.
И глаза, помутнев, сквозь меня запредельные пробуют дали.
Ты не помнишь меня. Я не плачу уже. Не скандалю.
Я отныне – лежачего камня покорней...

* * *

Всеодинокство нездешнее, откуда
ты в мой счастливый день явилось невзначай,
когда дышал в красивой чашке чай,
и отступила наконец простуда?

Катила в осень тихая волна,
и память сердце согревала мне,
и теплилась икона на стене...
а всё-таки душа была больна.

* * *

Летим на белом катерке
В туман залива.
Сжимаю удочку в руке
Нетерпеливо.

Уж берег утренний отстал,
И так охота
Глядеть в разбрызганный хрусталь
Водоворота!

И ощущать себя в плену
Рыбацкой страсти,
Играя грузилом по дну
У рыбьей пасти.

Гадать – и всё ж не разгадать
Такую малость:
Ну почему она опять
Не мне попалась!

И успокоиться вполне
Красивой чайкой на волне...

* * *

Польнные места... мне дороги они.
Всё чаще рядом с ними умолкаю.
Их горечь сладкая, знакомая такая,
меня уносит в сказочные дни.

Беспечные. Я там кручу педали.
Не знаю цену счастью своему.
Там так легко и сердцу, и уму.
Там так легко цветенья опадали,

и полнились обочин закрома
лиственной берёзовой, дубовой и кленовой...
И знала я – всё повторится снова:
И лес, и листопад, и я сама.

* * *

Паучок. Спешит. Смешной.
Жизнь его в моих руках.
В это время в облаках
кто-то медлит... надо мной.

* * *

Люблю безумно каждый день земной!
Мне с каждым годом каждый день дороже.
И пусть земли обветренная кожа
блестит нерукотворной белизной
снегов, разбросанных куда попало –
мне хорошо среди зимы сутрбов.
В такой красе душевная хвороба
меня не тронет. Лишь крылом усталым
добавит ворон чуточку ветров,
к жилью людскому ближе подлетая,
и серость неба низкая, литая
не выдаст долго солнечных костров.
А что ветра? Ну что мне их немилость?
Бесовский танец в русской гололеди.
Как будто этот день у них последний,
как будто ось земная надломилась.
На эту силу есть иная сила –
травинки бледной тоненькая нить
под коркой льда уже желает жить.
В земной утробе жизни замесила
природы вездесущая рука.
Ей безразличны гневные потуги,
желающей извечно править вьюги –
у вьюги срок. И срока ждёт река.

И вот я вижу: раскололись льды.
И рыбаков уже уносят льдины.
И март уже дожид до середины,
до черноты асфальтовой воды.
И мне весна во всю орёт: живи!
И я в окно дрожащими руками
впускаю мир, настоящий веками
на вдохновенье, вере и любви!

* * *

Разобраны рифмы. Казалось,
Все умные мысли – бывали.
И мне ничего не осталось,
И вы отличитесь едва ли.
Горячее солнце потухнет,
И что-то случится, конечно...
И стало мне грустно на кухне,
Над спелой атласной черешней.
Но в сердце явились снова
И радость, и сладкий покой –
Как будто я к тайне готова,
Вот только... не знаю к какой.

ОСТРОВ

В.Т., О. Ш.
и Маше

И снова шторм, знакомый каждым вздохом,
осенний морок, пряные поляны...
предошущенье наготы и стыни,
и в сердце расставанья суматоха.

Под этим небом я в который раз!
Как на ладони. В немощи и грусти.
Обнимет радость и опять отпустит,
и ты увидишь землю без прикрас.

Но не поверишь. И согласишь жадно
в глаза друзей, которые с тобой.
И эту встречу назовёшь судьбой
и непогоде скажешь: ну и ладно!

Мои друзья... не здешние друзья.
А кто из нас под небом не прохожий?
Они со мной невероятно схожи,
молчат, когда помалкиваю я.

И с ними грусти не боюсь уже.
Хоть у паромов нынче «штормовое»,
но океан, как зеркало кривое,
меня смешит, качая на барже.

* * *

Не знает муравей, как грустно мне порой.
Ему в его траве известно ли о грусти?
Что слышится ему в моих шагах и в хрусте
всех веток подо мной и в осени сырой?
А может, он стихи слагает муравьише,
и муравьиный ямб ей нравится вполне,
и незабвенным днём безветренным и тихим
он удивит её на самом лучшем пне?
И скажет про меня: «Смотри, какая дура.
Всё ходит и грустит. И в росте толку нет.
К тому же у неё нелепая фактура.
Измяла нам траву и заслоняет свет».

* * *

Снегопады вернулись.
Не успела и осень проститься.
Вот и я не умею
 поспеть за порядком земным.
Удивительно всё.
 И, как в детстве, завидую птицам.
И по-прежнему клоун
 мне кажется дядей смешным.
С неизменностью жду
 новогодних чудес, замирая.
И щенка подберу,
 если будет дрожать на снегу,
И поверю в любовь.
 И навстречу пойду, и по краю.
Опьянею в лугах.
 И уйти от тебя не смогу.
Всё мне кажется внучка
 шаловливою дочкой моею.
Не заметила я:
 забасили с ухмылкой сыны.
Только небо ... всё то же.
 А я до сих пор не умею
К снегопадам привыкнуть.
 И верю в счастливые сны.

* * *

Есть формулы. Понятные вполне.
Их не нарушит сила тяготенья
и свет огня, играющего с тенью,
и звук, рождённый в трепетной струне,

и листопад в печальной тишине,
и грусть твоя, и мой восторг осенний,
и расставанье в мире всех со всеми.
И мой последний миг понятен мне.

И не было бы, в общем-то, мороки,
Но не постичь ни сердцем, ни умом
последний миг в кружении Земном,
когда исчезнут пушкинские строки...

Руслана ЛЯШЕВА

ТУРНИР ПРОЗАИКОВ: ЛИДИЯ СЫЧЁВА И КСЕНИЯ БУКША

Имя Ксении Букши – питерского прозаика – давно на слуху, а книги или хотя бы отдельные произведения мне как-то не попадались. Можно себе представить, как я обрадовалась подборке из трех рассказов в столичном журнале (Ксения Букша. Странные люди. Три рассказа. «Знамя», № 2, 2011). Наконец-то тексты в руках, можно отмахнуться от кривотолков и экивоков критиков и литературной общественности и обзавестись собственным представлением о 28-летней писательнице из Петербурга: выпускница экономического факультета СПбГУ, работает журналистом, замужем, имеет детей. При всем при том успевает писать рассказы? Подвижница, да и только. Это еще больше подогрело интерес к чтению, в предвкушении долгожданного знакомства я уткнулась в раскрытый журнал...

1. «Коля из Страны Советов» меня несколько озадачил. Бытовая бессюжетная зарисовка о нелепом Коле, зажатом обстоятельствами между странной женой Нелей и слегка придурочной соседкой Надей. «Пеньки вроде меня», – характеризует себя главный герой. Как мы помним, Андрей Миронов пел: «Я некрасивый, может быть, снаружи, зато красив внутри наверняка». Так вот, Коля в отличие от покойного актера снаружи и внутри, по словам другой песни, зимой и летом одним цветом. Снаружи: «На коленных ногах шерстяные носки и галоши. Штаны неопределенного цвета, вытянутые на коленях. Серо-буро-малиновый свитер. Засаленная кепка с надписью «California Dream» на седых вихрах». О внутренней неприглядности Коли свидетельствуют неуютные обстоятельства, им самим обусловленные. Соседку Надю Коля не любил, а дом ей построил, но после смерти своей матери женился на Неле, и соседка «теперь злится». О жизненных принципах Коли ярко живописует его «собственный дом», который «сбит добротой, крепко и нелепо: из чего попало. Коля его постоянно то подпирает, то перестраивает... Краска давно облетела, ну а что его красить? Красиво? Главное, чтобы стоял и не рухнул. То-то. А ты говоришь – «красиво».

Прагматик, короче: «Цветы – сор. Капуста и картошка – жизнь. Пенсия – цель. Дом – это фундамент и печка. Инструменты – топор и лопата. Вместе с тем Коля оптимист. Когда с неба всё лето льет, Коля любит бросить: – Ну, наконец-то дождик собирается. Хоть пыль-то прильет».

Под статью странному Коле – жена Неля: «Она создана как-то криво, косо-боко. Ходит прихрамывая. Зубы у нее торчат, глаза косят. Неля худа и молчалива... прошипит сквозь зубы что-нибудь недоброжелательное. Такой ее сделала природа и жизнь».

Где же Ксения Букша отыскала столько странных людей? Под Петербургом? Русские как будто.

2. «Грета» – второй рассказ о сумасшедшей больной старухе Аделаиде Казимировне, у которой «четкая» писательница тоже предполагает порок. Сиделка Грета почему-то догадывается (читателю этого не видно), что старуха мучается какой-то виной. За что? Перед кем? Ни сиделка Грета, ни дочь больной Ирена не знают, но Грета на всякий случай молится Богородице, чтобы та отпустила бабке грехи: «И избавь меня от многих и лютых воспоминаний и предприятий и от всех действий злых свободы мя».

3. «Мысль нельзя» – воспринимается уже обреченно: ни быт, ни религию, ни науку, конечно, странность не миновала. Опять сумасшедший, но выдающий себя за гения. Профессор Лев Наумович, математик, перестал ходить на работу, сидит дома и что-то вычисляет и вычисляет. Ученик Петя Ковальский уговаривает профессора прочитать цикл публичных лекций («До чего-то ведь он дошел, так сидя...»), он вроде и соглашается с оговоркой, мол, «моя работа, понимаете, она не в формате», но не приходит, хотя полная аудитория слушателей ожидает. Лев Наумович понимает: «мысль нельзя» (передать другому).

У меня после рассказов Ксении Букши осталось ощущение, похожее на тупую зубную боль... Прежде чем размышлять, надо было от боли избавиться.

Не раздумывая долго, я перечитала пару рассказов Лидии Сычёвой – тоже прозаика и журналиста, но проживающей в Москве. Тут я действовала наверняка: я писала рецензию на книгу Сычёвой, доводилось делать с ней интервью, а главное, лет десять уже мы с ней общаемся. В прозе, в публицистике и в жизни Лида – человек гармоничный, бодрый, смелый в отстаивании истины, всей душой связанный с русским народом. Вспоминается пародия на поэтическую популярную строку: все, мол, мы вышли из народа, как нам вернуться к нему? Так вот Сычёва не озабочена таким «возвратом», она из народа не выходила и не собирается выходить. Достаточно прочесть любой ее рассказ, чтобы в этом убедиться.

Открываю ежемесячник «Литературный меридиан», № 2, 2011 (Приморский край, г. Арсеньев) и пробегаю глазами рождественский рассказ «Иней». Кстати, просверкивает какая-то перекличка с рассказом Ксении Букши «Коля из Страны Советов» – в странные обстоятельства, под статью персонажам петербургской писательницы, попадает и Аня, главная героиня произведения Лидии Сычёвой. Аня, переводчица из фирмы в большом городе, с сынишкой Митей оказалась в морозную предновогоднюю ночь на улицах райцентра, потому что опоздала на последний рейс автобуса в деревню к больной матери. Гостиница переполнена, люди в холле сидят прямо на полу, постелив газету, малышка даже некуда посадить. В телеграф! Приходит спасительная мысль Ане, и она с сыном и тяжелой сумкой двинулась по пустой морозной улице в поисках телеграфа... Ее нагоняют трое (странных!) мужчин, один подхватывает на руки Митю, другой освобождает Аню от тяжести сумки, и вместе с нею, выслушивая о злоключениях ее дня, приходят на телеграф.

Высокий, весь в татуировках и с бледным лицом, как из погреба или из тех мест, где Макар телят не пас, предлагает Ане переночевать в его комнате, а он уйдет на ночь к друзьям и утром в 6 часов постучит: «Аня, открой», – и проводит на автобус. Ей страшно, но по его лицу она догадывается, что этому человеку, недавно вернувшемуся из заключения, очень важно, чтобы ему поверили... Аня соглашается! Это место – изюминка рассказа. Она с сыном переночевала в маленькой комнатке барака, рано утром «честные воры» проводили ее с первым автобусом. В деревне мать, обрадованная ее приездом, стала поправляться, и отец был рад и счастлив. Ну да, жанр рождественского рассказа выдержан. Доброта и доверие людей друг к другу, возможность душевного контакта – это, утверждает прозаик Сычёва, вносит гармонию в запутанные обстоятельства и укрепляет жизнь русского человека.

Второй ее рассказ – «Перед исповедью» (Дальневосточный журнал «СИХОТЭ-АЛИНЬ», № 8, 2010, Владивосток) тоже перекликается с произведением К. Букши – с рассказом «Грета», поскольку там и там речь идет о раскаянии за вину, но тема трактуется с противоположных точек зрения. Больная и сумасшедшая старуха у Букши якобы переживает мучения совести за не ясно какую вину; с тем она и остается даже после сострадательной молитвы сиделки Греты. А у Сычёвой в северном монастыре паломник Павел готовится к исповеди на следующий день и вечером изливает душу труднику Ивану – убил человека! Нелюбимая жена Катя умерла в 40 лет от сердечно-сосудистой болезни. Павел осознает свою вину – равнодушием довел ее до смерти. Трудник Иван, которому паломник днем помог монастырский огород прополоть и полить, выслушал и посоветовал: «А я тебе так скажу: не веришь в прощение – не верь.

Но и не усугубляй. Это тоже грех – лишку на себя наговаривать. А в Господа – верь. И молись. И все по твоему помыслу устроится. Господь наставит. А теперь – пора ко сну отходить. Поскорбели – и хватит...»

«Иней» и «Перед исповедью» – из числа лучших рассказов у Сычёвой. Она видит человека в тот момент, когда жизнь берет его на излом. Выдержит человек или сломается? Выстоять и распрямиться ему помогает другой человек – Аня возвращает бывшему «зэку» доверие окружающих людей, без чего он не смог бы достойно жить. Паломнику Павлу помогает другой человек с нелегкой судьбой – трудник Иван выслушал и подсказал, что вера в Господа и молитва – всё по «твоему помыслу» устроят. Господь наставит. Бог, подсказывает Иван, возвышает человека.

Несколько месяцев я собиралась написать рецензию на рассказы московской и петербургской писательниц, но что-то удерживало. В конце июня я бежала по Арбату к кинотеатру «Октябрь» на просмотр фильма 33-го Московского международного кинофестиваля и по дороге (полчаса оказалось в запасе) заскочила в книжный магазин. Книга Сергея Кара-Мурзы «Кто такие русские» (Политическое расследование. М., издательство «Эксмо», 2010) меня словно поджидала. Тоненькая книжка (240 страниц), читала я ее целую неделю. Рассказы Ксении Букши и Лидии Сычёвой – это просто художественная иллюстрация концепции политолога. Холодная война – информационная, психологическая и т.д. – после разрушения СССР не закончилась, теперь она продолжается против России и русского народа, как самого большого в стране. Русских стремятся «опустить» (опорочить, как Букша Колю), пробудить у них чувство вины неизвестно за что, лишь бы они каялись и каялись (но Иван говорит Павлу: не усугубляй – тоже грех), высмеять их научные исследования, разрушить науку (опять же «опустить»), что Букша старательно иллюстрирует «Мысль нельзя...»

Мне очень понравилось у Сергея Георгиевича Кара-Мурзы, что он наставляет своих читателей не поддаваться страху, сохранять спокойствие и научиться противодействовать внешним (и внутренним) манипуляторам народного сознания русских. Все встало на свои места.

Владимир ГАМАНОВ

НОЧЬ ПЕРЕД ВОЗВРАЩЕНИЕМ

В Ольгу заходили под вечер. У нас был план залива, и мы уверенно держали курс в тихую заводь, по сути, озеро, соединенное с заливом узким проливом. Дул галфвинд левого борта, и мы с хорошим креном мчались по гладкой воде через пролив. Мчались по отношению к воде, но по отношению к берегу яхта практически стояла на месте. Скорость отливного течения почти равнялась скорости яхты. Медленно вошли внутрь бухты. Течение здесь гораздо меньше, яхта без хлопот причалила к полуразвалившемуся пирсу. Пирс короткий даже для «Приморья», поэтому бросили с кормы якорь и привязались только с носа. Поужинав, легли спать.

Утром приступили к реализации планов захода. Во-первых, нужно было позвонить домой и доложить о себе, дать информацию о сроках возвращения. Во-вторых, и это главное, навестить двух моих однокашников – Володю Дедова и Володю Копырина, обосновавшихся здесь на командных должностях. Оба старше меня в среднем на восемь лет каждый. Владимир Федорович Дедов, мой тезка и земляк по Камень-Рыболову, был первым секретарем райкома КПСС. Как я сейчас понимаю, он, будучи секретарем комитета комсомола Ханкайского района, в училище поступил по партийной разнарядке с прицелом на партийную работу по выпуску. Володя Копырин работал начальником районного объединения «Сельхозтехника». На эту должность его перетащил тезка Дедов с Находкинского судоремонтного завода.

Первый путь проложили в райком партии. Его легче всего найти, а контакт с первым лицом района позволял сразу решить все имеющиеся проблемы.

Райком отыскивали быстро, поднялись на второй этаж, где находился кабинет первого и, ничуть не робея, зашли в приемную. Реакцию секретарши нужно было видеть! Она нервно заметалась за столом, то хватая трубку телефона, то бросая ее. Наконец поинтересовалась, чего нам нужно. Ответ, что нам нужен Владимир Федорович, почти успокоил ее. Она радостно сообщила, что его нет, что он во Владивостоке и вернется не скоро. Естественно, задала вопрос, кто мы такие.

Я дал подробный ответ, упомянув имя Володи Копырина и тем окончательно ее успокоив. Она дала адрес, весьма внятно объяснив, где найти дом. В общем, расстались очень даже ласково. Ну а нервное ее поведение легко можно было понять и нетрудно предвидеть, посмотри мы на себя в зеркало прежде, чем войти в приемную: натуральные бомжи, заросшие трехнедельной щетиной, в помятой, не первой свежести одежде. К таким посетителям в районном комитете главной и единственной политической партии Советского Союза явно не привыкли.

Пребывание на берегу утомило Андрюшу Бедрина. Он отправился отдыхать на яхту. Мы с Сергеем продолжили поиски Володи Копырина методом опроса местного населения. Через некоторое время наши усилия увенчались успехом. Дома Копырина и Дедова стояли рядом, немного на отшибе от основной зоны застройки районного центра. Но место было выбрано со вкусом. Рядом лес и приличный приусадебный участок.

Володя должен быть дома. Он находился в отпуске и, по информации секретарши Дедова, никуда не уехал. Зашли в ворота. На лай собачки вышла жена, очень серьезная женщина. Без радости в голосе поинтересовалась, чего нам нужно. Я попытался с ходу успокоить ее, сказав про Люду Кудрину, ее

однокурсницу по мединституту, которая с 1966 года носит мою фамилию, Гаманова, и про свою принадлежность к выпускникам 12-й роты судомехаников, где все мы обучались. Нам дозволено было пройти в дом для встречи с хозяином.

Тот уже спешил навстречу, заслышав суету во дворе. Это была наша первая встреча после выпуска, и поговорить было о чем. Мы, как порядочные люди, пришли не пустыми. Хозяйка стала накрывать на стол, а мы, беседуя, обходили усадьбу и окрестности. Потом – застолье и провожание до ближайшего пункта, откуда даже в темноте мы легко выходили на яхту. Идти с нами Володя категорически отказался, потому что был строго предупрежден супругой о последствиях. Мы попрощались.

Уже подходя к яхте, наткнулись на тело, с трудом переставляющее ноги. Мужичок вначале сильно испугался, а потом, когда понял, что мы не злодеи, очень обрадовался. И попросил довести его в порт на спасательное судно, где он работал радистом. Мы согласились, но предложили по пути заглянуть к нам на яхту. Он очень удивился, откуда здесь яхта, однако проявил интерес.

С трудом затащили вялое тело на борт, провели в салон. Включили свет, желтый по причине слабого напряжения от изрядно подсевших аккумуляторов, и... с трудом удержали мужичка от побега. Показывая на спящего Андрюху, он шептал трясущимися губами: он мертвый? Картина действительно была не для слабонервных. Худющий от природы Андрюша спал на спине, сложив руки на груди. Мерцающий желтый свет придавал соответствующий колер коже лица и рук. Вылитый покойник!

Чтобы не доводить мужичка до припадка, разбудили Андрюху. На радостях, что все живы, радист извлек из кармана початую бутылку. Мы возражать не стали. Прозвучал традиционный, но тут обретший совершенно особый смысл тост: «За здоровье!» Затем обратным ходом вытащили мужика на пирс, чуть не оторвав ему ногу, которая ступней попала в носовой релинг и застряла там. Довели в порт, с трудом отконвоировали по крутому трапу почти нежилое тело на пароход.

Утром привели себя в порядок, сварили обед, подняли паруса и отошли от причала. До родной гавани оставалось почти 190 миль.

Анализируя это путешествие с позиций современного яхтсмана, можно с уверенностью сказать, что в изрядной доле оно было авантюрным. У нас отсутствовало многое, без чего сегодня яхту просто не выпустят в море. Но мы зашли в те места, которых прежде не видели, преодолели маршрут длиной более 550 миль, осилив все трудности. К тому же на обратном пути, в Ольге, удалось пообщаться с одним из старых товарищей, с которым я давным-давно не виделся. Поэтому считаю, что путешествие наше состоялось в полной мере.

«РІДНА БЬЮТІ ПОІНТЦІНА И ФРІМАНТЛІЦІНА»

Приглашение принять участие в регате «Тол шип Австралия» по случаю празднования 200-летия Австралии двух яхт – «Адмирала Невельского» и «Командора Беринга» – стало новым этапом яхтенной жизни спортсменов Дальневосточного высшего инженерного морского училища (ДВВИМУ).

На октябрь 1987 года учебно-производственное судно (УПС) училища «Профессор Ющенко» было приглашено на юбилей Австралийского морского колледжа, который расположен в Лонсестоне на острове Тасмания, откуда рукой подать (через Бассов пролив) до Австралии. Для нас это была прекрасная возможность с комфортом добраться до места назначения.

Яхты загрузили на борт УПС, и 23 сентября 1987 года судно снялось в рейс. В экипаж «Командора Беринга», кроме меня, Сережи Сипотенко и Валеры Пузько, закоренелых членов экипажа, влился Женя Сафонов, выпускник училища, штурман Дальневосточного морского пароходства и заядлый яхтсмен, участник походов в северные моря. Молодое пополнение представля-

ли курсант пятого курса судомеханической специальности Андрей Тищенко и будущие судоводители шестикурсники Сережа Снаткин, Володя Дзембо и Федор Черных.

На борту «Профессора Ющенко» привели в порядок изрядно потрепанную за летний сезон материальную часть яхты. Особое душевное волнение вызывала процедура подготовки к длительным переходам запасов провизии. Продукты на весь период самостоятельного плавания мы получили из судовой провизионки. Тушенка, стуженка, рыбные консервы, мука и мучные продукты, различные крупы. Каждую баночку консервов покрыли тонким слоем солидола, аккуратно уложили по местам хранения и сепарировали, предохраняя от перемещений во время качки.

По приходе в Бьюти Поинт, аванпост Лонсестона на Тасмании, карантинные власти попросили показать наши провизионные припасы. Мы почестному показали, после чего... сдали все мясные, рыбные, молочные продукты и картошку на провизионный склад «Профессора Ющенко». В Австралии суровые карантинные законы, которые нам не мешало бы знать. В страну категорически запрещен ввоз мяса, молока, овощей и фруктов из других стран.

Визит учебного судна в Бьюти Поинт, да еще и с яхтами на борту, вызвал неподдельный интерес у местной общественности. Официальные и неофициальные гости ежедневно в большом количестве посещали УПС и наши яхты. Журналисты местной прессы освещали чуть ли не каждый день пребывания на Тасмании «Русского десанта». Но все когда-то заканчивается. «Профессор Ющенко» 19 октября вышел в рейс. Мы на две недели оказались предоставленными самим себе в «рідной Бьюті Поінтціне», так любовно назвал это прекрасное место Андрюха Тищенко, член экипажа яхты «Командор Беринг».

Скучать нам особо не давали. Местные яхтсмены дважды приглашали участвовать в гонках. Вывозили на экскурсию в Лонсестон и окрестности. Яхтсмен, хозяин и шкипер современной гоночной яхты «Adams Apples» пригласил оба наших экипажа на свою яблочную ферму. Надо сказать, что Тасмания является основным производителем яблок в Австралии.

Походили, посмотрели, сфотографировались на память и получили на дорогу по ящичку очень вкусных яблок. Они нам здорово пригодились на время перехода во Фримантл, поскольку основные продуктовые запасы были изъяты карантинной службой.

Слава Богу, у нас был ангел-хранитель в лице агентирующей компании «Опал меритайм эдженси». Ее содиректор с российской стороны капитан Анатолий Беликов, выпускник нашего училища, зная наше бедственное положение, предпринял серьезные усилия по продовольственному снабжению яхт. В тот день, когда наш кормилец «Профессор Ющенко» покинул причал Австралийского морского колледжа, агент компании привез на яхты картофель, капусту и другие овощи, какие-то мясные консервы. «Какие-то» потому, что, длительное время качаясь по волнам, я не едал ничего вкуснее нашей советской тушенки из мясных отходов. А в Австралии, где народ привык кушать натуральную пищу из свежих продуктов, тушенка не в ходу.

В море курсом на Фримантл, до которого было почти две тысячи миль, вышли 27 октября, в разгар австралийской весны. В Бассовом проливе подул свежий встречный ветерок до 18 метров в секунду. Яхты сразу разметало, мы потеряли связь с «Адмиралом...» После двух недель уютно-размеренного времяпрепровождения в тихой бухте такой суровый переход к колеблющейся морской действительности (амплитуда колебаний волн до 3–4 м) вывернул наизнанку души многих членов экипажа, и мы быстренько вернулись к рабочему состоянию длительного плавания.

Через сутки море успокоилось, но ненадолго. Во второй половине дня 1 ноября началось светопреставление. Дневной свет померк (его плотно закрыли тяжелые тучи), а на море появились громадные, причудливого вида фосфоресцирующие пятна. След за кормой яхты закипел, вспыхнул и стал гореть необыкновенным белым пламенем. На такелаже заплясали голубые огни «святого Эльма».

О чем-то подобном мы – моряки и достаточно опытные яхтсмены – слышали. Из лоцьи знали, что такие природные явления – предвестники настоящей бури в южных широтах. Но слышать, знать и наблюдать воочию, как говорят в Одессе, «вещи разные». Суеверного страха мы не испытывали. Тем не менее ощущение, что видишь мир «в его минуты роковые», охватило нас, что называется, с головы до пят.

Разразилась гроза, какую я больше никогда в жизни не видел и не слышал. Гром раскатисто, пушечными залпами грохотал над самой головой, уши закладывало, и казалось, перепонки вот-вот лопнут. Молнии – сверкающие раскаленной сталью изломанные копыя в руку толщиной – вонзались в волны то слева, то справа, то прямо по курсу. Буквально в нескольких метрах от борта. В то же время ветер стих. Чтобы вырваться из грозы, мы вновь включили двигатель.

Все кончилось так же внезапно, как началось. Ночью яхта прорвала грозовую фронт. Полная луна засияла на чистом звездном небосводе и... разделила мир на две части: за кормой осталась гремящая, черная, прорезаемая молниями мгла, а впереди расстиралось спокойное, почти штилевое море. Ветер упал до 3-5 метров в секунду.

И явилась... лунная радуга. Волшебная гигантская сферическая дуга словно прочертила границу между адом и раем. На фоне прорезаемой молниями черной стены она отливала белой платиной или серебром, переходящим в серое мерцание. Нижний обод очертила темная, словно усыпанная огненной пылью, линия, резко контрастировавшая с мглой у нас за кормой. Состояние, близкое к оцепенению: любоваться и обо всем забыть. Впору повторить за Фаустом: «Остановись мгновение, ты прекрасно!»

Видение постепенно растаяло. Мы продолжили путь в надежде, что от шторма сбежали. Не тут-то было. Нас встретил серьезный ветер, который вновь заставил убрать грот, потом и стаксель заменить на штормовой. Море расплескалось, расходилось не на шутку: волны выросли до 8-9 метров. Ветер ураганный – 35 метров в секунду, в порывах и за 40. Крен яхты порой достигал 60 градусов. К вечеру шторм понемногу стал стихать. Ветер упал до 20-25 метров в секунду, и я спустился внутрь яхты, чтобы немного отдохнуть и согреться. Почти весь экипаж – я, Сережа Сипотенко, Валера Пузько, Вова Дзембо, Сережа Снаткин и Федя Черных – находился в каюте, валялись (скорее – метались) в койках и пытались спать. Помимо качки, которую моряки называют «голованог» (разобрать, где что – невозможно!), еще и шум страшный. Волны бьют в борт, словно молот в стенку пустой бочки.

У руля остался Женя Сафонов, а на вахте в кокпите – матрос Андрюха Тищенко. Они, соблюдая правила безопасности, пристегнулись к корпусу страховочными поясами. Потихоньку сон стал одолевать нас, и вдруг прорвался вопль Жени Сафонова: «Берегись!» В следующее мгновение яхту накрыл гребень огромной волны. Все, кто был на наветренном борту, вылетели из своих коек, так как крен превысил 90 градусов. Ко мне в кровать шлепнулось что-то теплое и мягкое – это «прилетел в гости» (3,5 м свободного полета!) Сережа Сипотенко. В каюте темень. Откуда-то хлынула вода. Грешным делом подумалось: уж не пробил ли кто головой борт? Обошлось. Это вылетела из рундука и лопнула наша «медуза» – специальная двадцатилитровая емкость из синтетической пленки, где мы хранили запас пресной воды.

Наверху Тищенко смыло за борт. Но страховый пояс выдержал. Следующей волной его забросило назад за леера...

В штормах есть одна прелесть – они имеют свойство когда-нибудь заканчиваться. Утихомирился и наш «приятно-весенний». Мы начали подсчитывать убытки. Все с синяками, но живы. В каюте вдребезги разбит обеденный столик и часть посуды. Спинакер гик – металлическая труба диаметром около 150 мм – согнулся коромыслом, словно тонкая и мягкая алюминиевая проволока. Мачта держалась на «честном слове» и одном переднем штаге. Другой, оборванный, шуршал и извивался по палубе, как змея. У крепчайшего, сделанного из нержавейки внутреннего штага (ласково – «бобика»), который жесто-

чает мачту в диаметральной плоскости, разорвало концевую закатку, которой он крепится к мачте. Вот им-то мы и занялись в первую очередь. Ручной дрелью в стержне из нержавеющей стали толщиной 25 мм просверлили отверстие диаметром 9 мм. Если кто-то хочет повторить этот «подвиг» – попробуйте. Потом в отверстие вставили палец такелажной скобы, соединили этот кусок через скобу с тросом и все это закрепили на штатном месте. Восстановленный «бобик» служил нам еще долго и верно.

Мачту закрепили, поставили грот. Успели в самый раз к празднику: 7 ноября исполнялось 70 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Отметили знаменательную годовщину тем, что приготовили и съели «торт» из лепешек, заправленных кремом из вареной сгущенки, спрятанной в закромах яхты от бдительного глаза карантинного офицера.

Кстати, наши продовольственные запасы пострадали особо. Кто придумал, что в море на яхту можно брать продукты, закатанные в стеклянную тару? Мельчайшие осколки битых банок мы находили на борту и три недели спустя. А внутри корпуса поселился совершенно неистребимый запах укропного масла.

Больше за переход штормов не было, и 11 ноября «Командор Беринг» благополучно прибыл в порт Фримантл на западном побережье Австралии. Поставили нас к причалу «Success yacht harbor». Мы оказались первыми из иностранных яхт, кто должен был прийти на западное побережье Австралии для участия в мероприятиях «Тол шип». Яхта «Адмирал Невельской» пришла в яхт-клуб через три дня после нас. Как оказалось, по пути следования они заглянули в порт Олбани. На борту было все в порядке, хотя ураган их тоже изрядно потрепал.

Программа «Тол шип» начиналась на западе Австралии 8 декабря, поэтому у нас был практически месяц свободного проживания. За это время и родился термин «рідна Фрімантлшчіна». И хотя большую часть времени яхта стояла на привязи у причала, сказать, что это был период беспробудного отдыха, не могу.

Во-первых, нужно было непрерывно заботиться «о хлебе насущном». И это в буквальном смысле, потому что судовых запасов в виде любимой тушенки у нас не было, а народ молодой и кушать хотел непрерывно. Каши и макароны, конечно, сглаживали ситуацию, но мяса очень хотелось. Того, что выдавали нам денежным довольствием, так называемых «подфлажных», едва хватало на текущие нужды. Спасало ситуацию, что во Фримантле заработала такая часть программы, как проживание членов экипажей в австралийских семьях. Каждый день на причал приходили местные жители и требовали выдать им несколько человек в качестве гостей. Как-то сам собой установился порядок: каждый уходящий «в семью» должен был вернуться со съедобным гостинцем.

Во-вторых, местные яхтсмены регулярно приглашали нас принять участие в гонках различного масштаба. Особенно запомнилась гонка протяженностью 240 морских миль на мыс Натуралиста. Ее организатор Королевский яхт-клуб города Перта проводит гонку каждый год, и участие в ней весьма престижно. Мы, ни минуты не колеблясь, подали заявку и 27 ноября в 18 часов по местному времени стартовали.

На старт гонки вышли 28 яхт, а финишировали 12. Из 16 сошедших две яхты сломали мачты, две потеряли рули. Мы финишировали десятками, обогнав «Адмирал Невельской» примерно на пять часов.

Результаты гонки говорят сами за себя. Шквалистый ветерок задувал очень даже злобно, особенно на обратном пути от мыса Натуралист на финиш. На этом этапе разразился настоящий шторм, а идти значительную часть времени пришлось в узости между берегом и грядой рифов, которая тянулась параллельно берегу. Проход шириной около 800 метров преодолевали ночью при сильном встречном ветре, часто меняя галсы. На одном из поворотов в клочья разлетелась вторая генуя. Заменяли ее маленьким стакселем, затем совсем убрали зарифленный на две полки грот, потому что ветер временами усили-

вался до 25 метров в секунду. К утру влупил проливной дождь, но ветерок стал подкисать, что позволило поднять грот, а затем и разрифить одну полку. На процедуре награждения после финиша австралийские яхтсмены поздравляли нас от всей души, потому что дойти до финиша в таких погодных условиях было равноценно победе. С тех пор на «Командоре Беринге» бережно, как реликвия, хранится и работает подаренная нам рукоятка от лебедки с дарственной надписью Королевского яхт-клуба на память об этой гонке.

Успешной для нас была еще одна гонка – «На Мандурах», небольшой городишко на побережье в 32 милях от Фримантла. Удачно стартовали и, не очень напрягаясь, первыми пришли на финиш. Как награда за это у меня в доме до сих пор висят на стене и работают часы с дарственной надписью. Обратная гонка была не столь успешной, финишировали только четвертьями.

Понятно, что после каждой гонки нужно все имущество перебирать и сушить, латать паруса. Эта третья обязанность экипажа, которая не позволяла расслабиться. Каждый день находилась какая-то срочная работа, отдыхать было некогда. Но наконец-то наступил день официального открытия программы «Тол шип», посвященной празднованию 200-летия Австралийского государства. Наша жизнь стала более-менее регламентированной. Морская часть программы состояла в том, что яхты и большие парусные суда собирались в различных крупных портах Австралии и по плану организаторов праздника перемещались в порт Хобарт на южной оконечности Тасмании. Кульминацией этого мероприятия была запланированная гонка всех парусных судов из Хобарта в Сидней в январе 1988 года.

Перемещение парусников вдоль побережья Австралии начиналось с запада, официально из Перта, столицы западного штата, а фактически из Фримантла, аванпоста Перта. Как участники программы, «Командор...» и «Адмирал...» 8 декабря вышли из яхт-клуба и перебрались в морской порт на оборудованные для стоянки яхт места. Начались активные посещения яхт местными жителями, различные приемы и банкеты. Против банкетов мы никак не возражали, но силы старались сберечь на морские переходы.

Скоро гульбища закончились, и 12 декабря парусные суда вышли в море для перехода в следующий по программе порт Аделаиду, до которого по карте 1300 миль. «Прогулка» в Аделаиду обещала быть простой. Маршрут с запада на восток теоретически был вполне благоприятным: по многолетним наблюдениям, здесь в это время года почти постоянно дует попутный ветер. Но на сей раз все было совсем наоборот. С самого первого дня мы столкнулись с очень свежим противным ветром. Шли галсами и терпели нещадную качку. Несмотря на это, до места добрались своевременно, хотя и прошли 1600 миль, на 300 миль больше, чем по генеральному курсу. А большинство наших коллег, рассчитывавших, очевидно, на попутный ветер, в Аделаиде так и не появились. Некоторые яхты получили существенные повреждения. Скажем, индийская шхуна «Варуна» липилась мачт и такелажа.

Зато путешествие в Мельбурн оказалось легким. Здесь яхтсмены разных стран дружно отметили наступление Нового года. Все равнялись на нас. Когда пробило полночь по чукотскому времени (с Чукотки был член экипажа яхты «Адмирал Невельской» Саша Акулов), мы выпустили в небо зеленую ракету, что привело к неожиданному ажиотажу. Раздался возглас: «Русские празднуют Новый год!» К нам на борт посыпались многочисленные гости. Чуть яхты не затопили. Правда, гостей мы разочаровали, потому что свято блюли «сухой закон» и спиртного в заначке не держали. Но гости пришли со своим....

14 января, уже на пути из порта Хобарт, началась главная парусная гонка, посвященная 200-летию Австралии. Состоялся торжественный парад яхт, и наконец был дан старт на переход в Сидней.

Уже на первом этапе гонки у нас в ключья разодрало «неvezучий» спинакер. Позже постигла и вовсе редчайшая поломка. После непонятных самопроизвольных переключений руля и металлического скрежета мы увидели, как три четверти стального пера руля, обернутого в пубу из пенопласта, вначале всплыло за кормой, а затем, прощально булькнув, кануло в глубину. Думаю,

мало кому приходилось идти на яхте всего на одной четверти руля. Но, как говорится, «голь на выдумки хитра». Мы экипажем и всем, что можно переносить, утяжелили корму, огрызок руля погрузился в воду на всю оставшуюся высоту, и яхта послушно устремилась нужным курсом. Умудрялись даже нести спинакер, хотя частенько улетали в брочинг, не хватало площади руля.

Финишировали утром 19 января, конечно, не первыми, но совсем не плохо – 20-ми (при 117 участниках). Прошли 620 миль с ветрилами и без руля. За что при большом стечении народа в сиднейском театре «Opera House» под гром аплодисментов нам вручили специально для «Командора Беринга» учрежденный приз – оригинальную шкатулку с надписью: «Яхте, прошедшей наибольшую дистанцию без руля»...

Апогей праздника был запланирован на 26 января, день прихода судов «Первого флота» из Англии с первыми поселенцами и каторжанами на борту для освоения континента. Так совпало, что 26 января – и мой день рождения, поэтому праздник получился двойным, с большим количеством гостей из Перта, Мельбурна и Сиднея, с кем мы успели подружиться за время стоянок.

Утром 26 января все участники «Тол шип» и огромное количество местных катеров и яхт вышли в бухту Джексон порт для встречи «Первого флота». Действующие копии судов этого флота были изготовлены в Англии, а экипажи набирались по результатам конкурсного отбора из громадного числа желающих. Зрелище было грандиозное. Тысячи катеров и яхт, катера морской полиции, могучие буксиры, окружавшие суда первого флота и салютующие ему из пожарных стволов струями воды, – все находилось в непрерывном движении, гудело, свистело и орало, создавая атмосферу всенародного праздника, который вечером завершился грандиозным салютом. Мы наблюдали это стоя на якоре практически в эпицентре фейерверка.

Но все праздники, к счастью, заканчиваются. На следующий день нас бесцеремонно попросили покинуть престижное место у причала возле Сиднейского аквариума и перейти к причалу контейнерного терминала, где яхты должны были загрузить на контейнеровоз Дальневосточного морского пароходства «Иван Котляревский» и отправить домой. Так и произошло 2 февраля, а 26 февраля мы были уже дома.

Владимир ТЫЦКИХ

ВСЁ ПОКА ЕЩЁ ВПЕРВЫЕ

* * *

Последним солнцем исподволь подсвечен,
Плыл окоём в закатную зарю,
Но я всё верил – нет, ещё не вечер,
И думал вечно жить в родном краю.

А вдалеке, за озером Зайсаном,
За Тополевым Мысом, может быть,
Предночный ветер, как бродяга пьяный,
Внезапно начинал не то что б выть, –
Протяжным стоном, посвистом гортанным
Приречным ивнякам, степным барханам,
Лесным горам и каменным курганам
Пытался что-то петь и говорить,
Но заходилась плачем или смехом,
И пробегала дрожь по камышу,
И гулким, разбегающимся эхом
Сплавлялось время вниз по Иртышу –
Невозвратно, неостановимо,
Всего, что есть и будет, не шадя,
Водой иртышской уплывало мимо,
Клубилось и рассеивалось дымом,
Костром горело и туманом стыло,
И разрезалось струями дождя.

И улыбалось мысли: этим летом
Мне отправляться в неизбежный путь.
Лишь оставалось встать перед рассветом
И поглядеть, как ночь уносит ветром,
И вслед прощально руки протянуть.

ОСЕННЕЕ

Все стало и смутно и странно;
Опять разгулялись ветра,
Опять напозают туманы
На вянущий луг по утрам.

Опять над простуженным лесом,
Над грустью озябших полей
Предзимняя слышится песня
Летящих на юг журавлей.

Простились заезжие гости.
Пылятся проселки вдали.
Все чаще случается осень.
Все ближе кричат журавли.

Все громче печальные звуки
В вечерней густеющей мгле,
Как голос последней разлуки
Со всем, чем живем на земле...

ПАВЛУ ВАСИЛЬЕВУ

Там вечность заблудилась в тугаях
И на белках* все лета снег не тает.
Там живо всё – от сладкогорлых птах
До каменных морщин Тарбагатая.

Вернись туда! Там песнь твоя слышна.
Ты сам увидишь, возвратишься если:
Степная крепкокрылая весна
Летит на зов твоей горячей песни.

Вернись туда! В родимой стороне
Тебя поймут и ни о чём не спросят.
Ещё не поздно. Свет горит в окне.
И свет-Наталья распускает косы.

Что птица-гусь? Ведь жив еще орёл!
Что рыба-язь? Есть чудища доселе...
Твои скитанья – что ты в них обрёл?
Твои друзья – зачем ты им поверил...

Прости их всех и воротись домой.
Зайсан глубок. Разбой иргышский гулок...
Взошла звезда над вольной Бухтармой
И – рухнула в московский переулок.

* * *

И день, и два, и целых полнедели
Опять – за клином клин, за рядом ряд –
Летели гуси-лебеди, летели:
Весной они всегда домой летят.

На малых, средних и больших высотах
Опять – за строем строй, за валом вал –
Они тянули к отчему болоту,
Куда не каждый прежде долетал.

Как труден путь, они, конечно, знали.
Уже горели под крылом леса,
Уже стрелки патроны запасали, –
Они всё шли в неласковые дали,
То молча шли, то тихо клекотали,
То криком оглашали небеса.

* Белки – вершины гор на Алтае, на которых никогда не тает снег.

Они всё шли, не глядя на погоду,
Всё шли – за строем строй, за рядом ряд, –
Хотя любого встречной дробью с ходу
Мог сбить с пути бестрепетный заряд.

И кто-то расчехлял ружьё, а кто-то
Уже к плечу прилаживал приклад...
А я бы запретил на них охоту,
Когда они на родину летят.

* * *

Там всё пока ещё впервые,
И время медленно течёт,
И оба мы ещё живые,
И даже молоды ещё.

Там за высокими горами
Бессонный свет в твоём окне,
Нежданно вспыхнув между нами,
Зовёт меня и светит мне.

Он и сегодня там же, город,
Как все другие города,
Где всё проходит слишком скоро,
Не возвращаясь никогда.

Где вновь зима сменилась летом,
Где сердце вновь ответа ждёт,
Где нет меня, но мальчик светлый
По улице твоей идёт.

Твой верный рыцарь из последних,
Кто пил болгарское вино
Времени кинотеатров летних
И чёрно-белого кино, –

Из тех, кого уже не встретят
Ни я, ни ты, никто иной, –
Дитя ушедшего столетья,
Такой счастливый и смешной...

* * *

Ветка кленовая, заледенелая,
Словно живая, стучится в окно...
Что она плачет, метелица белая?
Не отворю я дверей всё равно!

Избы по самые крыши заснежены.
Глянесь в оконце – ни зги не видать.
Так-то зима разгулялась, сердешная,
Так безоглядно пошла бушевать!

Так разошлась, завелась, забуранила,
Перемела времена и пути!
Плачет метелица песнею раненой –
Не пожалеть, не унять, не спасти...

Экая силища неукротимая!
Птице ли, зверю ли – несдобровать.
Как же любить надо землю родимую,
Чтобы до смерти на ней зимовать!

* * *

По двору сонно плывут тополиные тени.
Эту аллею мы сами садили когда-то
Невдалеке от крыльца в две щербатых ступени
В городе первой любви – нашей первой утраты.

Вечной дорогой от этих истёртых ступеней
Выйдем с восходом и будем шагать до заката,
Опыт потерь и тяжёлые гроздья прозрений
Перегирая в ладонях судьбы грубоватых.

Если бы всё, что нечаянно мы пережили,
Мы сохранили, к последней приблизившись цели,
Мы бы, наверно, такими неглупыми были,
Мы бы так много хорошего сделать успели!

Все мы нездешние, все мы залётные гости –
Наши дороги недолги, а встречи случайны.
Зёрна прозрений собрать бы и полною горстью
Высыпать в поле, освистанном ветром прощальным.

Пусть он летит хоть куда и толкает нас в спину,
Только бы слабеньких всходов пока не тревожил.
Он-то останется, тощий родимый суглинок, –
Мы не увидим, но что-то здесь вырастет всё же.

* * *

Когда скудеющие нивы
Кольцом пылающих лесов
Уже почти без перерыва
Сжимаются со всех концов;
Когда опять грохочут взрывы
В чужих и наших городах,
И рек губительны разливы,
И слышен шум лавин в горах;
Когда в сердца стучится страх,
И даже стыдно быть счастливым;
Когда от долгих снегопадов
Среди зимы – звериный мор;
Когда от бомб, упавших рядом,
И быстрых выстрелов в упор
Нам кажется, что мир порушен,
Что наступил последний час, –
Любовь спасает наши души,
В беде не покидая нас.

Когда космические сдвиги
Видны с родимого крыльца,
Нет ни безвестных, ни великих,

Нет ни начала, ни конца;
Когда тебя возненавидит
Твой брат и лучший друг продаст, –
Она одна не даст в обиду,
Не убежит и не предаст.

В словах моих – пусть бесполовых,
Иль как их там ни назови –
Ни одного не будет слова,
Не посвящённого любви:
Средь многих зол и всяких сдвигов
Всё живо ей и вместе с ней –
От первой до последней книги,
От первых до последних дней.

* * *

Чьи свет и тень, приход или уход
Так неотступно властвуют над всеми,
Какой там поворот или исход
Бестрепетно для нас готовит время?
И то, и это всё равно пройдёт
Забудется и этими, и теми.

Нам столько незаслуженно дано
Земли и неба, вёдра и ненастья!
И жаловаться было бы грешно,
Что мы такой земной болели страстью,
Что вечно жить казалось счастьем, но
Ничуть не хуже – умереть от счастья.

Николай БЕРЕЗОВСКИЙ

ЧТО НЕ ДАНО И БОГУ

Глава из повести «Своего много не бывает»

О том, что слово «безотцовщина» – слово сложное, я узнал гораздо раньше сверстников. Раздел русского языка «сложные слова» изучают в классе, наверное, пятом или шестом, а когда моего отца не стало, я ждал осени, чтобы идти во второй.

Тогда была вершина лета – июль, и солнце пекло так, что лицо отца, вынесенного в гробу во двор для фотографирования родных и близких ему людей у последнего его пристанища, будто обуглилось, почернев, за полчаса съёмки.

Прощальный снимок сохранился в фотоальбоме, оставшемся мне в наследство от мамы, ничуть не состарившись, даже не пожелтев, в отличие от других того же времени, и мне на нём восемь лет и один месяц, а отцу ровно тридцать. И ровно тридцать дней назад он подарил мне на день рождения самокат – самый настоящий, сделанный на заводе из железа и с колёсами из дутой резины, а не сбитый из деревяшек и на подшипниках самодел, как у соседских мальчишек. Я стою к отцу всех ближе, лицо его на уровне моей груди, обтянутой белой майкой, и солнце бьёт мне в лицо, почему мои глаза опущены. Моя непокрытая макушка чуть выше головы бабушки. Баба Маня сидит, сникнув, на лавке, приставленной к гробу, справа от меня, повязанная не чисто чёрным, как полагается, платком, а со светлыми полосами по чёрному полю.

Склонившаяся голова двоюродного брата Вовки ровно наполовину выше моей, сразу за левым моим плечом, и, перекинувшись через левое Вовкино плечо тыльной стороной к гробу, безжизненно повисла на нём кисть руки его мамы, словно спрятавшейся за спиной сына, – отцовой сестры Полины, прилетевшей на похороны из Магадана. Мама, вся в чёрном, понурилась почти в изножье отца сразу же за бабой Маней, а на её коленях пятилетний Сашка. С двоюродным Вовкой мы лицо в лицо, а с родным – никакой схожести. Мы начнём сливаться внешне с годами, и незадолго до смерти Саши нас будет почти не отличить, а теперь, наверное, стали бы полными двойниками, не преподнеси он мне на мой пятидесятый день рождения страшный подарок – его похороны.

Отец был милостивее ко мне, но я тогда не осознавал этой милости и, опустив глаза, пряча их от солнца, на его руки, сложенные на груди, молил Бога, почитаемого бабой Маней, лишь об одном: чтобы отец, вдруг очнувшись, не спросил: «А где самокат, сын?» Он, конечно, мог спросить о самокате раньше, в один из последних своих дней, предшествующих самовольной гибели, но не спросил, потому что, понимаю я сейчас, навсегда простился со мной в день моего рождения, одарив царским по тем временам подарком. Так возвеличила самокат мама, когда отец принёс с работы и катнул ко мне это чудо:

– С днём рождения, сын!

Я онемел и одеревенел; самокат поймал, едва устояв на ногах, Сашка, а мама всхлипнула:

– Всю зарплату на этот царский подарок спустил, Василий?

– Не всю, как видишь, Зина, – смутился отец, выставляя на стол бутылку.

– Гулять – так гулять!

– Вася, Вася, всё бы тебе гулять... – сдержала слёзы мама, а баба Маня подбоченилась:

– С жиру беситесь?

– Мария Семёновна, вы бы хоть помолчали! – дёрнулась мама, а отец как-то виновато погладил бабу Маню по плечу:

– Мама, не каждый день у моих сынов праздники...

И впал в следующие предсмертные заботы – чем одарить сына младшего, жену и свою мать, а мне бабушку – Марию Семёновну, и рассказавшую, когда я подросток, почему она на похоронах повязана не по-траурному:

– Василий напоследок платок подарил, вот и повязалась. Приходит, в руках свёрток, газету с него на пол. Вот, говорит, мать, меня поминать, и на стол в кухне невесть что бах! – вроде куклы в чём-то тёмном и комом стоящей. Расправляет ком – и по клеёнке на столе как ещё одна – чёрная, да не совсем – с белыми полосами. А посерединке платка – казёнка.

– Тебе, мать! – возглашает.

– Белое вино, что ль? – не соображаю сразу.

– Платок! – заплакал тятя твой. – «Белой головкой» платок и обмоем.

И потом, как на платке энтот выпивали, плакал молча...

«Белым вином», или «казёнкой», баба Маня всегда, и в 96 лет, на исходе которых, благословив меня и брата, покойно почила, величала водку. Производство и продажа алкоголя раньше всегда были привилегией государства, потому и «казёнка». А что водка для бабушки была «белым вином» – она и вправду не красного или какого иного цвета, хотя, конечно же, и не белая, как молоко, – прозрачная, как вода. Но в её дореволюционной молодости водку иначе и не именовали. Поскольку, слышал, очищали тогда водку от примесей молоком. Потом, конечно, коровушек поубыло, да и Менделеев, оказалось, спирт не молоком до сорока градусов разбавлял, чтобы водка стала водкой. И баба Маня, любившая выпить, но в меру, не запивала – закусывала её молоком, как и мой отец, таким уже образом очищая горькую от примесей. О тёте Полине не знаю. Редко после похорон отца прилетала она в Омск, да и гостевала раз в три года и всего ничего – какой-то промежуток между пересадками, чтобы лететь дальше – подлечить колымские болячки на морском курорте. Но и дядя Гоша всем закускам предпочитал на молочной основе, начиная с плавленых сырков. «Без сырка «сучок» – считай, дурачок!», – частенько приговаривал он, выбив ударом ладони о дно бутылки пробку из горлышка, а затем закусывая. Ходили тогда слухи, что водку, как началась война, наловчились гнать не из хлеба – из опилок, почему официально «Московская» и кликалась в народе «сучком», а как сменили поверх пробки коричневый сургуч на белый – и «белой головкой».

С бабушкой ясно – отец её, Семён Алексеевич, держал в станице Усть-Заостровской, что в тридцати верстах от Омска, лучшее, пока не отобрали большевики, молочное стадо, и она выросла на молоке. И это баба Маня с детства и навсегда внушила мне, что молоко не пьют, а едят. И ела молоко, прежде крошив в него хлеб, из глубокой чашки до глубокой старости. Тюря – так величала она это кушанье. А вот её сынам передались, должно быть, гены сибирских дедов-казаков, знавших в своей жизни только «белое вино», гены и требовали молочной закуси.

– Заглянет свёкор к тятя повечерять, и усидят, вечеряя, четверть, – рассказывала баба Маня, а четверть – это два с половиной литра. – А едва зорька – уже в трудах. Не ломало их «белое вино» утрами, как Василия и Георгия нынешнее...

С младшим из четырёх старших братьев – Георгием, он на снимке у гроба притулился на табуретке в изголовье отца, – которого не забрала навсегда Великая Отечественная, и с сестрой Полиной, тоже вернувшейся с войны целёхонькой, но тотчас сбежавшей от нищеты в Омске на Колыму, отец простился в письмах. Я не знаю, что он им написал, они никогда не рассказывали и писем этих мне не показывали. Но отец рассчитал всё точно. Тогда почта работала

как часы. И когда он шёл от нашего дома на улице Депутатской к трамвайной остановке на улице имени Куйбышева, чтобы положить голову на рельсы, тётя Полина уже летела из Магадана на самолёте вместе с Вовкой, которого не на кого было оставить, а дядя Гоша, геолог, мчался на «газике» в Омск из Казахстана – спасать брата. Да прилетели-приехали, чтобы забрать из морга. Иначе бы, рассчитал отец, отбей им телеграммы даже в день его гибели, что было маловероятно, они не успели бы с ним проститься, провожая в последний путь. А прощальными подарками отца младшему сыну и жене, маме моей и братовой, разобрался я много позже, были деревянный конь-качалка и...

– Брата или сестру вам мне твой с Санькой отец на прощание подарил, да выскребли подарок, когда я после похорон в больнице очухалась, и – слава Богу! – в гневе призналась мне как-то мама, выведенная из себя моими распросами об отце. – Нищету плодить – разве подарок?!

Мама, догадываясь я всегда, ревновала меня к моему отцу. Маме казалось, что я люблю его сильнее, чем любила она, и всё сильнее даже и неживого, и убедился в этом, когда мама, уже почти унесённая в мир иной диабетом, не называла меня, полуочнувшись, по имени, а вот отца всегда – Вася, Васенька, Василий.

– Мама! – называла или звала меня мама, полуочнувшись. – Васенька! – шептала она, впадая вновь в беспамятство.

Коня-качалку, о котором вспоминал как об отцовом подарке брат, я не помню. А платок бабы Мани, каким она впервые повязалась в день похорон моего отца, я постелил на дно её смертного ложа, чтобы лежать было мягче. Отцу, вдруг вспомнилось, подостлали его шинель без погон. Погоны, и не только с шинели, сорвала с него хрущёвская демобилизация, объявленная в середине пятидесятых годов прошлого века, и отец, не мыслящий свою жизнь без армии, приспособиться к гражданской не смог. Да и как приспособишься, если с мальчишек в форме – артиллерийская спецшкола для подростков, расформированная накануне Победы, когда будущий мой отец уже готовился к выпуску и брать Рейхстаг, а потом – военно-медицинское училище. Нынче тоже прошлись частым гребнем по офицерскому корпусу армии, и сколько загублено судеб – об этом не ведаёт, наверное, и статистика. От армейского прошлого, если армия воспринимается судьбой, не освободишься, как от мундира, повесив его в платяной шкаф...

После демобилизации я видел отца в мундире дважды – когда он уезжал, а затем вернулся с военных сборов. И на его погонах было по три звёздочки, хотя, мама говорила, должно быть четыре, потому что отца уже на гражданке повысили в звании до капитана. И когда отца с военных сборов отпустили на побывку, так и оказалось. Правда, на побывку отец приехал не в мундире, а в полевой форме...

– Я ведь тебе, Слава, говорила – капитан! Видишь, звёздочек не три – четыре! – потянулась мама к отцу, а радостно запрыгавший Сашка чуть не спиби меня с высокого крыльца нашего дома, на котором мы отца и встретили:

– Четыле! Четыле!..

Баба Маня, начавшая с утра, на удивление маме и мне с братом, жарить картошку на сале, хотя день не был праздничным или выходным, прижалась к отцу на кухне:

– Я так и знала, так и знала, Василий! Вон, видишь, уже и жарёху твою любимую приготовила. А то ведь насухомятился на вашем Сахалине, да и на сборе твоём, чай, не разносольничаетшь...

– Чай, мама, чай, – гладил плечи бабушки отец. – Хлеб да каша – пища наша...

К полудню от первого снега не осталось и следа, что хорошо было видно из окон бабушкиной комнаты, но в комнате потемнело, потому что солнце перекаатилось на другую от улицы сторону, и отец, поднявшись из-за стола, заговорщицки подмигнул мне и Сашке:

– Может, на крыльце под солнышком последним погреемся, сыны? – и со

значением перетянул по ремню кобуру ближе к пряжке. Полевую свою форму с амуницией, приехав, он так и не снял с себя, лишь сапоги сменил на тапочки, расслабил ремень да расстегнул ворот гимнастёрки.

– Поглеемя, поглеемя! – прямо-таки свалился с венского стула давно уставший сидеть на нём Сашка, а я в полной боевой готовности соскочил со своего. В полной и боевой – потому что и за столом сидел в солдатской пилотке, привезённой отцом, хотя бабушка и приказала снять её в самом начале застолья:

– Отродясь в нашей фамилии басурманов не было!

– Да ладно, мать, пусть побасурманит до вечера – вечером мне возвращаться, – попросил отец, и бабушка сменила гнев на милость:

– Пущай, раз просишь, – да только за столом то и дело бросала на меня испепеляющие взгляды, после которых крестилась, шепча: – Прости, Господи, басурмана!..

Сашка елозил за общим столом тоже не по уставу бабушки, принятому в нашем доме. На лямке через плечо у него висела сумка из зелёного брезента с выделяющимся красным крестом, подаренная отцом, но баба Маня не укорила его за такую вольность ни словом, ни взглядом. А Петьке досталась пятиконечная малиновая звезда – должно быть, с отцовской фуражки, потому что он приехал на побывку со звездой на фуражке, а когда засобирился обратно, заметил я, от звезды осталась лишь дырочка на околыше над козырьком. Петька явился к нам за солью, понадобившейся его матери, почти сразу после появления отца, и отец, подарки которого мы как раз изучали, засуетился, сорвал с крючка вешалки в кухне фуражку, скрылся с ней в комнате бабушки, а вернулся уже без неё и со звездой:

– А это тебе, однокашник. Пятиконечная, а ты как раз в пятом классе учишься!

– В шестом! – обрадовавшись подарку, вытянулся по-строевому и без того длинный Петька.

– Ну, извини, однокашник! Шестиконечных у нас не водится, – засмеялся отец.

– Служу Советскому Союзу! – извинил отца Петька.

Однокашником отец называл Петьку из-за школы, в которой когда-то тоже учился, из-за неё же, наверное, уличные мальчишки кликали сына Аркашихи не только Аркашкой – по фамилии Аркашов, но и Горынычем. Школа эта, четырёхэтажная и кирпичная, высилась на горе, как именовали поселившиеся в низине под ней высокий в незапамятные времена правый берег Оми. В бывшей пойме этой давным-давно обмелевшей речки и были улицы нашей Луговой в обиходе округи, обеспеченной только начальной школой, продуктовым магазинчиком да трикотажной фабрикой на восточном краю, и её обитатели, отправляясь в школу среднюю, в больницу или на рынок, куда-нибудь ещё, так и говорили: «Идём на гору».

На гору можно было вскарабкаться по набитым ногами в её склоне тропинкам, придерживаясь за редкие кустики, или взойти по долгой и крутой деревянной лестнице с расхлябанными перилами. В сухую погоду тропинками подниматься было легче, чем по лестнице, но всё равно приходилось, поднявшись, переводить дыхание, и живущие на горе дразнили живущих на Луговой «лугашами-лягушами».

– Луга у нас здесь ране заливные были, скот пасли, и лягушки без счёта водились, а они, знаешь, дышат, как мы, на гору взобрались. Вот и лугаши, и лягуши, вот и Луговая – история такая, – объясняла мне, как умела, баба Маня.

– И ты тоже в мою школу пойдёшь, как свою начальную окончишь, и станешь моим однокашником, сын, – пообещал отец, когда впервые назвал Петьку однокашником, а я Петьке позавидовал. А вот Петькиной кличке Горыныч не завидовал, потому что, оказалось, Горынычем он стал, когда остался на второй год и в шестом классе, а до этого был второгодником во втором и четвёртом.

– Во умный, как змей, – на кажные две ступени по голове кладёт, а своей

не найдёт! Одному лишь и выучился, паразит, – взять, что где плохо лежит! – ругала Петьку баба Маня, обнаружив, что он в очередной раз обобрал её грядки. – Поймаю вражину – не уйти ему от меня живу!

Но Петька под горячую руку бабушки никак не ловился, а потом она остывала, и он, словно чувствуя это, переставал от неё прятаться, уже не опасаясь никакой трёпки. А под «ступенями» баба Маня подразумевала классы, как они значились в её детстве, хотя в школе она никогда не училась, и я представлял школу в виде нашего высокого крыльца, и первые четыре её ступени были за окнами бабушкиной комнаты – в барачного вида начальной школе №26. И когда отец поднял нас из-за стола погреться на крыльце под последним солнышком, наш поход чуть не сорвала Аркашиха:

– А Петьку моего, значит, не зовёшь погреться? – как-то шлепающе ударила она по столу кулаком – посуда на столе и не шелохнулась. – А он ведь тебе тоже не чужой, Василь Василевич!

Аркашова, и правда, не были нам чужими – доводились какими-то дальними родственниками бабушке. «Седьмая вода на киселе!» – определяла эту родственность баба Маня, не очень жалую Аркашиху, потому что считала её лоботряской: «Даже огорода не садит, лоботряска!» И если когда и привечала родственницу, то из-за невозможности дать ей от ворот поворот: «Я б от неё откристилась, да сама напросилась!» Напросилась к нам Аркашиха и в этот раз, прибежав следом за Петькой и напустившись на него с порога:

– Тебя не за солью – за смертью надо посылать! – и, увидев отца, только что вручившего Петьке звёздочку, выпучила глаза, как бы не поверив увиденному: – Ба, Василь Василевич, ты ли это? Отслужил что ль иль на побывку?

– На побывку, коллега, – вздохнул отец.

– Так и я с тобой тогда побываюсь! Когда уж в другой раз увидимся, и увидимся ли... – скинула телогрейку Аркашиха, и отец подхватил её, чтобы повесить на вешалку, виновато взглянув на бабушку:

– Побывайся, коллега...

Коллегой отец называл Аркашиху, может, и в шутку, но она и впрямь имела отношение к медицине – работала санитаркой в психиатрической больнице на горе, здания которой стояли ровно на половине пути от лестницы на гору и с горы до колхозного рынка, где торговала бабушка. Больницу эту, обнесённую забором из железобетонных плит, баба Маня именовала дурдомом, и только в дурдоме, была убеждена, работают так по-дурацки, как работала Аркашиха, – сутки через двое.

– Два дня и две ночи, значит, она дурью от безделья мается, а ночь и день, выходит, тень на плетень наводит. Какая с дураками тягота, коли они Богом привечаемы? – недоумевала бабушка.

– Не скажи, мать. Среди умалишённых и буйных немало, а усмирить их не всякий мужик сумеет. Да у санитаров и без буйных забот хватает. Утки, скажем, выносить, если лежачие. Так что не мёд у родственницы нашей работа, – возражал бабушке отец.

– Кто б её на дело доброе усмирил! Надоть же – даже огорода не садит, а о других судит и рядит! – стояла на своём баба Маня.

И когда отец виновато посмотрел на неё, принимая от Аркашихи телогрейку, бабушка сказала, поджимая губы, как делала всегда в недовольстве:

– Что ж, коль пришла, не гнать же от стола... Гость – не кость: не подавишься. Что, Галина, у тебя от работы твоей дурной опять выходной?

– Опять не опять – это мне считать! – не осталась в долгу Аркашиха. – А с вами посидеть и на Василь Василевича поглядеть – мне в радость всегда.

– Ну, так проходи, садись и гляди, – только и нашла, что ответить на такую бесцеремонность бабушка, и за столом Аркашиха и правда только сидела и глядела, выпивая и закусывая, на отца, а сорвалась, всегда скандальная во хмелю, когда отец забыл позвать на крыльцо и Петьку.

– Да твой Петька, само собой, с нами, коллега, – попытался успокоить её отец.

– Сам ты, Василич, калека! – раздувала скандал Аркашиха.

– Господи, упились уже! Я так и знала, так и знала, – закрестилась бабушка, после чего тоже, как Аркашиха, приложила рукой и к столешнице – не кулаком, а плашмя ладонью, схожей твёрдостью с ладонями дядюшки Хо; тарелки и стопки запрыгали, а мамина рюмка перевернулась.

– Ты чего, Галина, – кобылица, чтоб показывать копытца? Да ещё кому? – мне в моём доме! Ты мне пущай и сродственница, да на любую тёлку одна метёлка! Вон, – метнула взгляд на икону в углу, – Бог, а вон, – перебросила взгляд на выход из комнаты, – порог! Перекрестись, да окстись, дура, покуда я тебя не вздула!..

– Перекрестилась уже, перекрестилась, Мария Семёновна! – тотчас угомонилась Аркашиха, то ли протрезвев, то ли испугавшись, что её и впрямь выставят за порог.

Баба Маня никогда и никому, да ещё в своём доме, своевольничать не позволяла, осадить могла любого, как, впрочем, и умаслить, если возникала такая надобность, и словом, и действием. И её, замечал я, остерегался даже отец, потому что никогда не заступался за маму, если бабушка на неё напускалась за какой-нибудь непорядок, на её взгляд, в доме или во дворе.

– Достала меня уже твоя мать, Вася, – слышал я за стенкой, засыпая на своём сундуке, жалобы мамы отцу. – Ты ушёл на работу, свет в сенках не выключил, а это, оказывается, я жгу электричество почём зря. Купила сегодня сметану в упаковке, а она так на меня глянула – как ударила! А потом сама в магазин сбегала – развесной принесла. И бельё я всегда не по ней стираю... Ты приструнил бы мать свою, Вася...

– Да ладно тебе, Зина, не обращай внимания. Мама всегда, сколько её помню, такая...

– Какая, Вася?

– Ну, требовательная, что ли... – уходил от ответа отец.

– Ага, казак в юбке! Её так, если не знаешь, все на улице нашей за глаза дразнят. А еще она меня вчера, забыла сказать, вертихвосткой обозвала.

– За что, Зина?

– А губы накрасила. Рот, говорит, вертихвостки малюют, когда по мужику тоскуют, а ты мужня и мужу нужня. И так это... грудью вперёд и руки в боки: «Тебе что, Зинаида, Василия мало?» – передразнила мама бабушку.

– А что, тебе меня мало? – засмеялся, скрипнув кроватью, отец.

– Смеёшься... – скрипнула кроватью уже мама.

– Да как же не смеяться, Зина, когда, помню, мать тебе помаду и подарила. Или другой кто? – нарастал шёпот отца.

– Ну, она, на праздник женский. Только вот мягко стелет, да жёстко спать, Вася...

– Зина... – засыпал я под имена мамы и отца, а ещё и под вздохи бабушки, ворочавшейся на своей кровати у стены, противоположной перегородке, за которой была комнатка родителей.

Так же принималась она вздыхать, когда в какое-нибудь из окон её комнаты стучал участковый. И горюнилась: «Лбом стену не прошибёшь!», – доставая холщовый кошелек, всегда спрятанный у неё, как и крестик, на груди, а из кошелька – двадцатипятирублёвую купюру, чтобы вынести деньги милиционеру.

Весной и в июне огород, если не считать цветов, одаривал только редиской, луком-батуном, зеленью вроде петрушки и щавеля да первой клубникой из-под плёнки, и участковый довольствовался четвертаком в неделю. С июля промысел бабы Мани на колхозном рынке оценивался им дороже, потому что клубнику она уже продавала трёхлитровыми банками, как и малину, а огурцы снимала с грядок вёдрами. Тогда торговля даже со своего огорода считалась нетрудовым доходом, а за нетрудовые доходы наказывали вплоть до тюрьмы. Потом попевали помидоры, бахчевые... Доходы бабушки увеличивались, а значит, считал участковый, и он рискует больше, оберегая её от неприятно-

стей, и к дежурному четвертаку приходилось добавлять три рубля, а когда и пять. Цветы – самый прибыльный товар с огорода – денежной данью не облагались, но за своё цветоводство она одаривала участкового букетами к дням рождения членов его семейства – жены и четырёх дочерей. Список с этими знаменательными датами баба Маня хранила на кухонном столе под клеёнкой. Сам участковый в списке отсутствовал. Появляясь на рынке, участковый брал ещё и натурой, но по-божески, в отличие от милиционеров с других участков, прямо-таки обирающих, по словам бабушки, соседствующих с ней рыночных товаров почти под корешок.

– Энти хапают – едва уносят, а мой всегда понемногу берёт, как на закуску, – даже гордилась своим участковым баба Маня. – Ещё и спасибо скажет. Знает, не потерплю я хапанья без меры, – гордилась она немного и собой перед мамой, не забывая, погордившись, каждый раз напомнить, чтобы мама не проговорилась отцу о денежных и натурой поборах участкового.

– Сама знаешь, Зинаида, какой у Василия характер, не спустит служивому, если прознает, да и мне достанется, – заранее пугалась она, а мама усмехалась:

– Можно подумать – достанется... Что-то не припомню, когда вам Вася хоть слово поперёк сказал...

– Хороший сын на мать не станет рот разевать, – коллоче смотрела на маму баба Маня.

– Тогда вам и бояться нечего, если Вася о мздоимце вашем узнает, – повышала голос мама. – А сноха всегда плоха – рот разевает...

– Да я рази за себя прошу, Зинаида? За Василия! И за служивого, конечно. На евонную зарплату рази столько ртов прокормить? А что до тебя – ругают и любя. Ты спроси у люда – молвила я когда о тебе худо? И моя свекровь портила мне кровь, да оказалось, что для меня ж и старалась, царствие ей небесное. Поймёшь, когда с моё проживёшь... Не скажешь? – менялся коллочий взгляд бабушки на просящий, и мама терялась, не зная, верить или не верить услышанному, и кивала, поверив:

– Не скажу...

Мастерица на все руки, великая огородница – дядюшка Хо с ней и рядом не стоял, потому что дары с его огорода, удивляя размерами и причудливостью форм, на вкус были трава травой, а бабушкины – сладце сахара. – Баба Маня чудеснически владела и словом. Особенно в гневе. Как на Аркашиху, затеявшую скандал за столом, как на маму, нарисовавшую губы. Но гнев её чаще всего был не злым – миротворческим, что ли, как на Петьку, когда утихомирилась его мать:

– А ты чего расселся, как белены объелся? Сидишь, жуёшь – особого приглашения ждёшь? Катись, коли позвали, на крыльцо, как яйцо! – и развернулась к отцу и ко мне с братом возле него:

– А вы чего застыли, как себя забыли? Собрались, так идите, а ленивого не ждите. Ленивого ждать – себя не уважать!

– Я не ленивый, баба Маша, – стоял уже рядом с нами и Петька.

– Да я тебя, зараза, без очков и не разглядела сразу, – надела бабушка очки, всегда висящие на шнурке через шею, и все же немного принуждённо, но рассмеялась, потому что не разглядеть Петьку в такой близости не смог бы разве что слепой.

– Залаза, залаза! – «зарычал», пытаясь правильно выговорить новое для него слово, Сашка и перестал «рычать» только на крыльце, прижавшись к свешену на крыльцо отцу и оказавшись ближе всех к кобуре. Мне пришлось пристроиться к отцу с другой стороны, а Петька развалился в его ногах – на первой сверху и третьей снизу ступеньке крыльца. И я невольно прикинул, вспомнив бабушкины ступени, в каком сейчас классе должен учиться Петька, если бы не клал на каждые две по голове. Получилось – в восьмом. А ещё выходило, что на восьмой ступени он станет четырёхглавым, – тогда обязательным было восьмилетнее школьное образование. Но Петька, частенько пускающий мне дым в лицо и иной раз из-за дыма, наверное, и чудящийся трёхглавым, как Змей-

Горыныч из сказок, с четвёртой головой никак не представлялся. И не потому, что четырёхглавых Горынычей в книжках не описывали и не рисовали, а у меня не достало воображения увидеть Петьку с добавочной к традиционным. Невозможно, осознаю я много позже, вообразить то, что даже гипотетически никогда в близком или далёком будущем не случится с тем, кто пусть и едва, но всё же родствен тебе по крови. Такое не дано, наверное, и Богу. А Петьке не остаться на второй год в восьмом классе, потому что забьют его ногами сверстники, жившие на горе, сразу после окончания седьмого. За сумочку, вырванную у прохожей, оказавшейся матерью одного из этих сверстников. Но тогда, на крыльце, я решил, что Петька не представляется мне с четвёртой головой из-за пистолета, который я прямо-таки видел в отцовой кобуре, сдвинутой им почти к пряжке ремня.

Ольга ГРИГОРЬЕВА

МНЕ НУЖЕН КАМЕРТОН

ВСТРЕТИМСЯ У МАРИНЫ

- Встретимся у Марины?
- Конечно, встретимся!
Я прилечу в Москву –
Борисоглебский, шесть.
Мы не расстанемся
И никогда не изверимся.
Есть у Марины дом.
И памятник – есть.
Встретимся у Марины!
Что – расстояние...
Снова откроем
Томик её стихов,
И повторится
Наше с тобой свидание –
На горных тропинках строк.
На стыке веков.
Всё без неё – пустое,
Крутимся, вертимся...
Затормозив
На больших своих скоростях,
Все мы, конечно,
Рано иль поздно встретимся –
Там, у Марины.
Там, у неё в гостях.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАРИНЫ

Гроздья красные рябины,
Золотое чудо дня.
День рождения Марины –
День рождения меня.
Все поэты одиноки,
Но важна иная связь.
Не прочти я эти строки,
И душа б не родилась.
Я была бы комом глины,
Веткой хвороста сырой,
Без огня моей Марины
Я была б совсем другой.
Но – явилась и воскресла,
Подарила мир и жизнь.

Увела в такие бездны,
Подняла в такую высь...
И слились в одном теченье
И восторг, и страсть, и грусть.
И за все её мученья
Я сегодня помолюсь.
И благословляю снова
За поэта бытие
День Иоанна Богослова,
Подаривший нам её.

КОЛОКОЛЬЧИК ИЗ ТАРУСЫ

Вечер долгий, зимний, грустный,
Одиночество сквозит...
Колокольчик из Тарусы
На столе моём стоит.
Подержу его в ладошке,
Потрясу его слегка –
Разольётся под окошком
Синеокая Ока.
Вспыхнет полдень – жарок, ясен,
Захлестнёт иная жизнь,
И Марина вместе с Асей
Побегут с пригорка вниз.
Век прошёл – они всё те же,
С неизбывной жаждой жить!
А Таруса манит, держит,
Не даёт о них забыть.
...Встрепенусь, опомнюсь ночью
Над цветаевской строкой.
Чудо? Сказка? – Колокольчик
Бирюзово-золотой.

Я ПРИЕХАЛА...

Я приехала поцеловать землю,
где стоял цветаевский дом.
Но сделано так, чтобы это никто не смог.
Не целовать же, в самом деле, грязный бетон,
На котором топтались недавно сотни ног.
О, зловещий символ – плясать на памяти,
на костях...
– Танцплощадку надо?
Цветаевский дом снести!
Чтобы не был больше никто у сестёр в гостях...
Ты прости нас, Марина. Ася, ты нас прости.
Только гости едут и едут, идут и идут.
До земли поклонюсь Оке, берегам, лесам,
Детству светлому, что навеки осталось тут,
Двум девчонкам московским,
чистым их голосам.

РОДНИК

Струйкой вода утекает, сбегает с горсти,
Вот и осталось – на выдох, на четверть глотка.
Если сумеешь – замри, удержи, непусти,
Не замути этот чистый зрачок родника.
Кажется, миг – и Марина сюда подойдёт,
Чтоб затушить, остудить свой пылающий лоб...
Кто-то любовь осторожно, по капельке пьёт.
Я же всегда – окунувшись,
 взапой и взахлёб!
Пусть невозможно отведать её, не пролив,
Нежность моя не пройдёт, не иссякнет, пока
Будем мы слышать осенний тарусский мотив,
Воду волшебную пить
 из того родника.

ЦВЕТАЕВСКИЙ КОСТЁР

Мы рады друг другу, как будто родня.
А что удивляться – душа-то едина!
Запрыгал по веткам бельчонок огня –
То снова костёр зажигает Марина.
Она – между нами, она где-то здесь,
В Тарусу она не могла не приехать.
Ну, может, ушла за валежником в лес
И слышит стихов своих гулкое эхо.
На цыпочки встали берёза и клён,
Косится пичуга испуганным глазом...
И мир опарашен, и мир удивлён –
Он заново, заново, заново назван!
Пылают поленья, смолисты, сухи...
Слова – неподкупны. Сердца – неподсудны.
Вот так же порой обжигают стихи.
Сжигают поэты не ветки, а судьбы.
...Когда вдруг покажется:
 жизнь – это вздор,
Задушит змея равнодушья и сплетен,
Зажгите с друзьями Маринин костёр,
И руки, и лица, и души согрейте!

НА КАМЕ

То не лёд опасный, ладожский,
Зашатался, закрипел –
Это берег твой елабужский
Принимать нас не хотел.
Он закутался туманами,
Словно заячьей дохой,
Да с рябиновыми ранами,
Да с Марининой строкой.
Пробивали сосны выпсками
Тот туман, густой, как мёд.
Появлялся берег шишкинский –

Словно мишка воду пьёт.
Пелена спадала, таяла,
Млела камская вода...
Думала ль тогда Цветаева
Здесь остаться навсегда?

МАРИНИН КАМЕРТОН

Е. Поздиной

Когда со всех сторон
Обложит быгом жизнь,
Мне нужен камертон –
Настроиться на высь:
Летящую звезду,
Поющую струну...
Мне нужен камертон,
Чтоб не пойти ко дну.
Там пошлость и обман,
Липучий вязкий сон.
Пожалуйста, достань
Маринин камертон!

В Елабуге задень –
И полетят слова:
Таруса, Коктебель,
И Прага, и Москва...
Чтоб души, без оков,
Звучали в унисон,
Есть синий том стихов
И писем чёрный том.
Её прощальный взгляд,
И боль её, и страсть
Нас всех соединят
И не дадут упасть!
Как самый лучший друг
Меня спасает он –
Небесный чистый звук,
Маринин камертон.

Пётр ПУЗИН

ПОДВОДНЫЕ МИЛИ КОМАНДИРА СУБМАРИНЫ

Вся моя сознательная жизнь связана с военным флотом, поэтому проверенная временем классическая фраза «экипаж – одна семья» во все времена была и остаётся актуальной. Сегодня, несмотря на то, что я работаю заместителем начальника судоводительского факультета института «Морская академия» МГУ им. адмирала Г.И. Невельского, с военным факультетом нашего вуза контактов не теряю – там трудятся те, с кем в своё время приходилось проверять на прочность флотскую дружбу. Теперь мои товарищи преподают военное дело курсантам МГУ.

С одним из них, человеком уникальной судьбы, Анатолием Витальевичем Макаренко, ветераном подводного флота, заместителем начальника факультета военного обучения МГУ имени адмирала Г.И. Невельского по кадровой и воспитательной работе, контр-адмиралом в отставке я познакомлю читателей «Литературного меридиана» в своём материале.

Родился Анатолий Витальевич в станице Новолевошкоровской Краснодарского края в декабре 1935 года. Детские годы выдались нелегкими: шла Великая Отечественная война. «Я играл с ребятами во дворе, было очень пыльно, – вспоминает А.В. Макаренко. – Через дорогу стояла зенитная батарея, и немецкие самолеты часто летали на большой высоте через станицу, наши зенитки их не могли достать. Однажды зенитчики начали стрелять по немцам. Мы восторгались, поскольку они обстреливали врага, но, к сожалению, ни один самолет не был подбит. Через минут десять появились несколько самолетов и стали бомбить в семидесяти метрах от нас батарею. Ни одна бомба туда не попала, зато почти все снаряды упали в то место, где мы обычно играли. Страшное время было...»

В январе 1955 года Анатолия призвали на Черноморский флот, где он отслужил четыре года срочной службы. Во время службы был старшиной. Затем поступил в Высшее военно-морское училище имени П.С. Нахимова в Севастополе. Во время обучения Анатолий Макаренко зарекомендовал себя как наиболее подготовленный курсант. И по просьбе начальника училища на пятом курсе стал командиром первого курса. Но и у него была одна просьба: чтобы по окончании распределили на Северный флот. Мечта о службе в рядах подводного флота засела в голове ещё с детства, тогда он постоянно думал: «Я – подводник!»

«О море я мечтал с детства, читал много книг на морскую тематику, особенно военные. Служба на подводных лодках в то время мне казалась недостижимой, как полёт на Луну», – рассказывает военный моряк.

По прибытии на Северный флот Анатолий Витальевич добился назначения на атомную подводную лодку (проект 675), серийный выпуск которых в то время только начинался. В те годы ему пришлось строить свою лодку К-74 в Северодвинске, но потом на ней случилась авария, и её вернули обратно на завод для замены турбины. Анатолия Витальевича назначили на другую субмарину с повышением по линии БЧ-2 – ракетная часть. Спустя несколько лет он проходит обучение в Ленинграде, и его назначают командиром атомной подводной лодки второго поколения проекта 671 (многоцелевая противо-

лодочная ПЛ). В то время эта лодка была единственной многоцелевой и совершенно новой. Американцы тоже имели на вооружении подобную новую лодку типа «Стёржен». По своим характеристикам она походила на советскую субмарину 671 проекта. Пресса постоянно превозносила американскую лодку, как малошумную, быстроходную, технически хорошо оснащённую электроникой и намного превосходящую советский аналог. Однако А.В. Макаренко придерживался иного мнения: «Я не согласен с этой точкой зрения, поскольку никто не был компетентен, кроме военных, и сравнивать было бессмысленно без оценки двух лодок. По всем разведанным нигде не было сказано о преимуществах той лодки перед нашей...»

Вскоре весь экипаж переводят на Тихоокеанский флот, на Камчатку. Там Анатолий Витальевич прослужил командиром до 1979 года. Затем он продвигается по служебной лестнице до заместителя командира дивизии атомных подводных лодок.

В 1976 году проходили учения флота «Океан-76» под руководством главнокомандующего ВМФ адмирала флота Советского Союза С.Г. Горшкова. А.В. Макаренко также принимал в них участие. До прихода новой субмарины на Камчатку ситуация в том районе была, мягко говоря, беспокойная: американские подводные лодки часто заплывали в эти районы и проводили разведку, изучали побережье. Во время учений отрабатывались маневры, связанные с поиском и атакой противника. В ходе операции было задействовано немало сил. Разыграли два варианта учений. В одном из них лодка выступала в качестве противника, которого должны были найти надводные противолодочные корабли и атаковать, а во втором – Анатолий Витальевич совместно с экипажем должен был найти лодку противника и атаковать её по приказанию. И во время учебного поиска он обнаружил настоящую иностранную ПЛ. Как позже выяснилось, эта была субмарина типа «Стёржен», и её собственное имя было «Паффер». Она зашла в район учений и наблюдала за их ходом и тактическими приёмами. А.В. Макаренко немедленно доложил на командный пункт. Было приказано всем кораблям застопорить ход, а подводным лодкам всплыть. Американцы сначала не смогли обнаружить советскую лодку, но, когда все остановились, они поняли, что их запеленговали. Между двумя лодками началось взаимное слежение.

«Убедившись, что их обнаружили, они стали отрываться и уходить. Мы пустились в погоню, которая длилась 37 часов 40 минут. Всё движение было на больших ходах, чтобы догнать противника. Последовательно разгоняясь и останавливаясь, чтобы определить, где находятся американцы, мы преследовали их. Поскольку во время движения из-за собственного шума не был слышен шум винтов противника, приходилось периодически останавливать главный двигатель. По такой же схеме действовали и американцы. Слыша, что они уходят, мы развивали ход и догоняли», – вспоминает Анатолий Витальевич.

Уже потом, в Североморске, Макаренко был вызван главкомом. Главнокомандующий, подводя итоги учений, поинтересовался, как все было на самом деле.

– А ваше мнение как командира? у кого в случае взаимного слежения было наибольшее преимущество? – спросил главнокомандующий у Анатолия Витальевича.

– У меня твердое убеждение, что наша подводная лодка ни в чём не уступает американской. А основные преимущества могут быть за счёт тактической и психологической подготовки командира и экипажа. И командир с хорошей подготовкой и умением руководить экипажем будет иметь преимущества, – однозначно ответил Анатолий Витальевич. Начальнику понравилось, как командир лодки подходит к этому вопросу.

Имел место и ещё один случай. Анатолия Витальевича послали на боевую службу к острову Гуамп в бухте Апра. Там стояла эскадра американских баллистических ракетных лодок. Тогда у американцев были 3-мильные территориальные воды. Командование также распорядилось ближе 5 миль к территориальным водам не подходить. Стояла задача отследить американские суб-

марины на маршруте патрулирования. На тот момент на их базе находилось 12 ПЛ. Из них 8 были в состоянии готовности к выходу в море. И определить нужную лодку, уходящую на боевое патрулирование, было сложно. Для того, чтобы лодка не ушла, Анатолий Витальевич применил запрещённый прием. Направил сильную акустическую посылку в район. Вся электроника начала зашкаливать. И по докладу акустика стало ясно, что американцы всплыли. В воздух поднялась авиация, и противолодочные самолеты начали кидать радиобуи.

Анатолий Витальевич знал место в расположении американского полигона, где на дне лежало много металлолома. Наши зашли в тот район, сигналы отражались от поверхности металла, тем самым скрывая советскую подлодку. В течение двух недель они находились там, но американцы ещё долго помнили этот случай и были уверены, что советские лодки до сих пор находятся в этом районе, и обложили его. Перед уходом на базу Анатолий Витальевич позволил себе небольшую вольность. Стояла задача сфотографировать бухту Апра. Там стояли подводные лодки у пирса, а также три дома подводников на берегу рядом с базой. Он сфотографировал эти дома. Было раннее погожее утро, и на лоджии одного из домов загорали женщины, которые и попали в кадр. Позже из-за того, что эти фотографии не были вовремя изъяты, они попали на расширенный военный совет, где некоторые офицеры осуждали действия командира подводной лодки, недоумевая, чем он занимается во время выполнения боевого задания!

В 1988 году Анатолий Витальевич становится заместителем командира оперативной эскадры Тихоокеанского флота, а спустя ещё шесть лет его повышают до помощника командующего ТОФом.

В смутные перестроечные времена много говорилось о развитии демократии. Этим и воспользовались демагоги, которые не хотели трудиться, но хотели быть у власти и жить, ни в чём не нуждаясь. На волне псевдодемократии стала падать законопослушность в стране и воинская дисциплина в частях. Начали появляться бандитские группировки, которые для завладения оружием нападали на военнослужащих и оружейные склады. В этой непростой обстановке работать приходилось крайне напряжённо. Наиболее сложными в этом плане считались Приморская, Сахалинская и Камчатская флотилии, на флоте это были самые крупные соединения, у которых многие части и подразделения дислоцировались на большом удалении и в труднодоступных местах. Но надо отдать должное командующим этими флотилиями Г.Н. Гуринову (КФ), В.И. Куроедову (Сх. Фл., Пр. Фл.), В.Д. Фёдорову (Пр. фл.), их штабам и политотделам. Они делали всё, что было возможно, и сверх того, и обстановкой всегда владели и оперативно влияли на происходящие события.

Анатолий Витальевич, вспоминая тот период, пишет в одной из своих книг: «Забегая вперёд, хочу подчеркнуть, что позже, будучи в разное время командующими Тихоокеанским флотом, адмиралы Георгий Николаевич Гуринов, Владимир Иванович Куроедов и Виктор Дмитриевич Фёдоров в смутное для страны и вооружённых сил время остались верными присяге и не дали окончательно растащить, распродать и уничтожить флот. Они старались спасти флот для России и потомков. К сожалению, были адмиралы, которые ради личного обогащения поступились честью и совестью.

Нельзя не отметить, что тогда обстановка в стране изменялась стремительно в худшую сторону. Отчётливо было видно, что М. Горбачёв потерял авторитет и неспособен управлять страной. В этой ситуации видные политики и военные, не желавшие быть безучастными к судьбе своей страны, создали Государственный Комитет Чрезвычайного Положения (ГКЧП) – с задачей не допустить распада Советского Союза, наладить управление страной, исправить ошибки и просчёты, допущенные Горбачёвым во внутренней и внешней политике. Но из-за нерешительности ГКЧП бездействовал, и на местах не знали, что надо делать. Этим воспользовались те, кому советская власть, коммунистическая идеология и социальная справедливость всегда были костью в гор-

ле, – говорит Анатолий Витальевич. – В итоге члены ГКЧП были арестованы. Власть оказалась в руках так называемых «демократов» во главе с Ельциным. Был создан Верховный Совет страны, который Ельцин не поддерживал. Позже Верховный Совет был «демократично» расстрелян из танков по приказанию Ельцина. Погибло множество людей. В вооружённых силах началось преследование командиров и политработников, которые остались верными присяге. Все они были уволены из вооружённых сил. Эта же участь постигла и меня. После захвата власти «демократами» на флот прибыли какие-то люди, больше похожие на шулеров, чем на представителей власти. По поручению Ельцина они выявляли нелояльных к новому режиму руководителей. Через два месяца после этого и многие другие были уволены в запас. Я был из тех, кто открыто поддерживал и добросовестно выполнял указания министра обороны СССР маршала Советского Союза Дмитрия Тимофеевича Язова, входившего в состав ГКЧП. В том числе мною были подготовлены отряды для действий по особому указанию. Но указаний так и не поступило».

В 1991 году моряк-подводник, отдавший почти 30 лет своей жизни службе на подводном флоте, уволен в запас в звании контр-адмирала. Анатолий Витальевич при поддержке Геннадия Александровича Хватова трудоустроился в Дальневосточную государственную морскую академию им. адмирала Г.И. Невельского на факультет военного обучения. В этом плане для него было важно, что он снова оказался в офицерском коллективе. Работать было необходимо, потому что вновь установленные размеры пенсии для военнослужащих не позволяли сводить концы с концами. Демократическим правительствам стало не до военных пенсионеров: они тоже нуждались в деньгах – здесь офицеры оказались лишними.

Начальником академии (позже ректором университета) являлся Вячеслав Иванович Седых, всеми уважаемый человек, который много сделал для развития академии (университета). Благодаря его усилиям и авторитету академия выстояла в тяжёлые девяностые годы, сохранила научный потенциал, получили развитие новые направления в научных изысканиях. При его поддержке и непосредственном участии был создан факультет военного обучения и обновлена учебная материально-техническая база факультета.

Г.А. Хватов тоже трудился в академии. Смысл новой работы – воспитание курсантов и студентов, будущих офицеров запаса. Проблемы практически те же, что и в ВМФ. Их помогает решать А.В. Макаренко, используя свой богатый опыт. Большинство офицеров также имеют практический опыт службы на кораблях и в частях. Начальник факультета военного обучения капитан 1-го ранга Виктор Андреевич Иванов, его заместитель капитан 1-го ранга Ярослав Леонидович Виткалов и начальники военных кафедр командовали подводными лодками и кораблями. Преподаватели военных кафедр и командиры курсантских рот тоже офицеры, назначенные с кораблей и частей флота, в их числе начальник организационно-строевого отдела капитан 1-го ранга Алексей Иванович Тарасенко, имеющий большой опыт работы с людьми. Все они много делают для сплочения курсантских коллективов, поддержания внутреннего порядка и дисциплины в подразделениях, что способствует качественной подготовке специалистов для флота.

Ветеран флота, рассказывая о прошлом, подчёркивает, что, «несмотря на то, что в стране царит дикий капитализм, государством правят чуждые нам чубайсы, кудрины и им подобные, офицеры выполняют с честью свой воинский долг по подготовке для страны достойных защитников отечества. Впоследствии многие из них становятся кадровыми офицерами вооружённых сил».

Анатолий Витальевич Макаренко уже 16 лет работает на факультете военного обучения в МГУ имени адмирала Г.И. Невельского. Он является кавалером ордена «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени. Когда человек проходит жизненный путь от простого мальчишки, мечтающего о военном флоте, до контр-адмирала, сомневаться не приходится: подводник – его призвание!

Николай ЗИНОВЬЕВ

БЫТЬ НЕПОНЯТЫМ ПЕЧАЛЬНО

ПРОСТОЕ ПРАВИЛО

Такое мнение бытует:
Поэт лишь пишет, Бог диктует.
Но есть другая сторона:
Стихи диктует сатана,
И так порой скрывает ложь,
Что чьи стихи - не разберёшь.

Спасенье в правиле простом,
Которому две тыщи лет:
Не осенив себя крестом,
Ты не пиши стихов, Поэт.

* * *

Ночь созвездья развесила,
Чудно, что не говори!
Отчего же вам не весело,
Современники мои?

Свет луны по всей округе:
На дороге, на стерне...
А не весело вам, други,
Оттого же, что и мне.

* * *

*И полною грудью поётся,
Когда уже не о чем петь.*

Георгий ИВАНОВ

Довольно кричать и артачиться,
И верить несбыточным снам.
Пусть всем вам, друзья мои, плачется,
Ведь петь уже не о чем нам.

Упрёки и даже угрозы
Услышу за эти слова.
- Ты - нытик, Россия жива!
- Но мне-то виднее сквозь слёзы...

* * *

Забывши о своём родстве,
Иль помня, но совсем немного,
Душа сияет в торжестве,
А тело корчится убого.

Такую вот себе картину
Рисую каждый день, друзья.
Иначе жизни сей рутину
Преодолеть никак нельзя.

* * *

Хотел уйти от злобы дня,
Бежал вовсю, поверьте.
Но вновь она возле меня
Стоит, как мысль о смерти.

И с Музой поняли мы оба:
Оставим злобу дня мы с носом,
Коль нас накроют крышкой гроба,
Хотя и это под вопросом.

ВОТ-ВОТ

Столько зла мир сотворил,
Столько мы уже наврали,
Что архангел Михаил
Воздух в лёгкие набрал, и

Звук трубы вот-вот раздастся.
И кому спастись удастся,
А кому – наоборот,
Сможем мы узнать вот-вот.

СОСЕД

Он теперь не в силах пить помногу,
Он у нас большой оригинал,
Говорит: «Семью свою и ногу
Я по пьянке где-то потерял».

И в глазах давнишнюю тревогу
Вдруг сменяет бешеная грусть, –
«Выхожу один я на дорогу»
Он тогда читает наизусть.

И читает так, что дрожь по коже,
Глядя на него во все глаза,
Вижу: по щеке небритой – Боже! –
Лермонтова катится слеза.

ЕЩЁ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

Халат накинула ты мой,
Тебя слегка знобило.
А то, что мне казалось тьмой,
Слепящим светом было.

На чашку с кофе тень легла,
Дымилась сигарета.
А в синем сумраке угла
Дремала страсть, струилась Лета...

* * *

Родную землю тащат из-под ног.
Упал я и в родимую вцепился...
Задумчиво на это смотрит Бог,
А люди говорят: «Опять напился».

* * *

В. Скворцову.

Быть непонятым печально,
Но таков удел поэту
Предначертан изначально.
Вариантов больше нету.

Никого твоя пусть лира
Не посмеет обвинять.
Ты – поэт, ты не от мира,
Как ему тебя понять?

Даже если и захочет,
Исказив твои черты,
Мир лишь громко захохочет
Над чем тихо плачешь ты.

НИТЬ МОЛЧАНИЯ

Споткнусь о собственную тень
И, не сдержавшись, прокляну
И наступивший новый день,
И нищую свою страну,

И свой беспомощный народ,
Уже привыкший жить под пыткой,
И – всё. И наглухо свой рот
Я сам зашью суровой ниткой.

Но всё же верю в день, когда
Победоносным гулом труб
Все огласятся города
Земли моей. И навсегда
Я нитку выдерну из губ.

* * *

«Быть иль не быть?» – звучит убого
Такой вопрос, он не от Бога.
Такой вопрос от князя мира,
Соблазнившего Шекспира.

* * *

Весна наступила на горло зиме,
Безумные строчки рождаю в уме,
Весна наступила... зима задохнулась...
Душа, как гармошка с дырой, распахнулась.

* * *

О, как горланят петухи!
И небо ярко-сине!
А что не просится в стихи,
Не втискивай насильно.

– Зачем, поэт, ты режешь взгляд
Нам пьяницею в луже?
– Да потому, что он мне брат...
И брат родной к тому же.

* * *

Памяти двоюродного брата Сергея

Бог не издал ещё закона,
Чтоб сатана утратил власть
По одному нас из загона
Хватать – и сразу прямо в пасть.

НОСТАЛЬГИЯ

Мы волки старого закала,
Мы пришиваем злобу к дню,
Но вид беззубого оскала
Пугает только ребятню.

Пока нас смерть не отыскала,
Пока бутылка не пуста,
Не превратила жизнь в шакала,
Налей, браток, ради Христа.

Браток, давно уже поддатый,
Льёт под завязку: «Пейте, сэр...»
И, словно в год восьмидесятый,
Я слышу гимн СССР.

ЭПОХАЛЬНОЕ

Проснувшись, выглянул в окошко:
Мурлычет пёс и лает кошка.
Я понимаю, дело плохо:
Горячка белая, как снег,
Стоит в дверях и с ней эпоха:
«Ну, здравствуй, жалкий человек».

* * *

Я один остался дома,
Я по комнатам брожу,
Стало всё вдруг незнакомо,
Даже странно, вам скажу.

Я брожу в каком-то страхе,
Ох, всё это неспроста!
...страшно мне, как Каиафе
В день распятия Христа.

В КУПЕ

Встречный нам пузырит занавеску,
Вот луна за нами стала плыть.
Долго собирались мы в поездку.
Катастрофы может и не быть.

* * *

Мне любого знамени дороже
Над хатёнкой бабкиной дымок,
Пахнущий квашнёю и порошей,
Вьющийся вдоль всех моих дорог.

Пусть звучат любые укоризны
Страстью и пристрастием греша.
Только духом Бога и Отчизны
Вечно переполнена душа.

РОДИНА

Болотная жижа в канаве,
Мосток в три гнилые доски.
Корова по тощей отаве
Таскает пустые соски.

Сухими пучками укропа
Увешана хаты стена...
Родная моя сторона!
Моя ты родная... Европа.

Лидия СЫЧЕВА

ПУТЬ СТРЕЛЫ

Зима удалась – снег был везде, белый, свежий. Его вывозили грузовиками, топили в специальных печах, выгребали с улиц скреперами, а он всё равно падал – ровно и нежно. Метели были длинные, мелодичные, иногда в них наступал желанный – для дворников и автомобилистов – перерыв, казалось, что всё – снег на небе закончился, но потом накатывала особая, бездонно-безвременная пора, солнце слабым серебром просвечивало сквозь серую завесу, и снова, закрывая белый свет, деловито летели мелкие бессчетные снежины. Снега было так много, что лыжники, истосковавшись по нему в предыдущие, голые и тёплые зимы, теперь не успевали торить лыжню в парках – это был настоящий снежный потоп.

Продавцы мехов и шуб ликовали – товар наконец-то пошел нарасхват. В моду сразу вошли валенки и утги – финские сапоги из овчины. Крепкие ночные морозы и стылые зимние дни заставили вспомнить здоровую домашнюю пищу – пельмени, борщи с чесноком, квашеную капусту, отварную картошку, тонко нарезанное сало с розовыми прожилками... Зима возвращала к прежней, почти что позабытой русской жизни – сосредоточенно-трудо­вой и ответственной.

Так миновал январь, наступил февраль. Ваня стоял в храме, в плотной толпе верующих, хор пел положенное по службе, слова сливались в торжественный и грустный плач. От дверей, которые то и дело раскрывались, впуская и выпуская народ, тянуло зябкой стужей, так что между лопатками у Вани стало неуютно-мурно. Он потихоньку стал продвигаться в глубь храма, вправо от дверей; здесь, у старой тёмной иконы, дружно горели свечи, и ему стало тепло и покойно. Народ стоял плотно, даже перекреститься можно было с трудом; Ваня сначала смотрел на опущенные затылки и платочки, а после – вверх, на роспись свода, где художник в темно-зелёной гамме с примесью коричневого цвета изобразил св. Иоакима. Дальше виднелся растительно-цветочный орнамент, Архангел Гавриил со сложенными крыльями за плечами, надпись на церковнославянском «Серафимы», другие изображения горних сил.

Хор пел, Ваня думал – душа его была стеснена и смущена. Душа тихо металась: он думал о том, что из тысяч и миллионов людей для поклонения избираются единицы, вот, вроде св. Иоакима. Он думал, как неистребимо желание человека верить – подниматься над телесной и животной природой, искать истину, стремиться к прекрасному и сохранять его. «А вдруг Бога нет? – в очередной раз ужаснулся он. – Вдруг это просто красивая легенда, утешительная сказка?» – эти мысли иногда посещали его, и в такие минуты он пугался, что потеряет веру и что его «духовный дом», выстроенный долгими раздумьями и оплаченный жизненными потерями, в одночасье рухнет.

Но потом он подумал, что все эти метания – лишь кокетство мысли: в храме было так тесно, так по-человечески дружно, что, казалось, для этой мощной совокупной силы нет ничего невозможного. Бог жил – высокий, непостижимый и неизведанный идеал. Человек искал благодати, это чувство давала только вера, сопричастность неземному и неизведанному, и потому человек упрямо, через сомнения, шел в храм.

Хор пел...

В короткой проповеди священник (Ваня его не видел за колонной) густым и бодрым голосом призвал собравшихся не пытаться постигнуть и объяснить

Бога. «Надо просто верить. А то бывает, что демоны на человека набрасываются и всё идёт прахом – слаба наша природа».

Ваня вышел из храма навстречу летящей карусели снега. За оградой стояли три хорошо укутанные в тёплые одежды и платки тётки с пластиковыми судками для сбора подаяния. Ваня, погруженный в свои мысли, почти миновал их, но после вернулся, бросил мелочь. Тётки обрадованно загалдели. Ваня двинулся дальше, и взгляд его скользнул по афише с изображением М-ва, известного певца-гомосексуалиста. Рыжая бестия плотоядно, по-лягушачьи улыбалась, призывая на «шоу». Ваня запнулся у столба с объявлением, потом подошёл ближе, ковырнул афишу, дёрнул, отрывая длинный лоскут. Ещё пара движений, и мерзкая рожа исчезла со столба. Ваня поискал урну и подчёркнуто аккуратно опустил в неё скомканную бумагу.

«Вот интересно, – размышлял Ваня, – верно ли я поступил с точки зрения образцового христианина? Конечно, нет. Следовало бы не срывать афишу, а помолиться за спасение сей заблудшей души. Хорошо, что у нас много «неправильных» верующих», – Ваня усмехнулся. Он поискал взглядом другие объявления – продюсеры не поскупились на рекламу. Утешало то, что некоторые афиши уже были изуродованы непристойными надписями или изорваны.

Дома Ваня пил чай, слушал радио и смотрел в окно. Опять началась метель, и что-то романтически-возвышенное было в этом бесконечном перемещении снежных частиц в зимней вселенной, и нечто уютно-счастливое он ощущал в неспешных минутах заоконого созерцания, когда вспоминалась прошлая жизнь, минувшие времена, редкие, красочные минуты ликования, восторга... («Восторг любви нас ждёт с тобою, не уходи, не уходи», – даже это всплыло и благородным баритоном пропелось в его памяти.) Сороколетний Ваня, крепкий в плечах, с жилистыми руками, перевитыми усталыми венами, с сединой в потерявших блеск волосах, вдруг понял, что в душе он так и остался восторженным юношей, и это внезапное открытие обескуражило его. Он не знал – радоваться ли ему, грустить? Молодость души – свойство неиспорченной натуры, а может, свидетельство его инфантильности, незрелости?

Ваня сел спиной к окну, обхватил руками горячую чашку. Он вспомнил, сколько им всего упущено в жизни, сколько сделано не так, как следовало бы, и тут же, чтобы не погружаться в самоедство, в «анализ», прибавил громкость радиоприёмника.

Передача его сразу заинтересовала, переключила на новые думы. Ведущий беседовал с неким профессором Чудаковым, который, торопясь, будто его должны были вот-вот распять, с завываниями, всхлипами и трагическими возвышениями голоса, рассуждал о глобалистике. Якобы есть такая наука, весьма полезная человечеству и он, Чудаков, её апологет. Мировое правительство необходимо, оно есть ответ на вызов времени. «Человек проходит несколько стадий развития... У маленького ребенка отняли игрушку – для него это кошмар, трагедия. У взрослого – иные проблемы... Человечество миновало период детства, когда пребывало в диком состоянии, потом настала эпоха осмысления региональных проблем – в классической Греции и Риме, а во времена великих географических открытий люди осознали, что земля – это шар, так наступила юность земной истории... Мы стремительно приближаемся к цели...»

Ваня представил стрелу, которая, как в сильно замедленной съемке, чуть покачивая длинным телом и подрагивая опереньем, летит к пёстрой, чёрно-белой мишени. Из-за того, что воображение нарисовало ему это движение неспешно, он не мог оценить силу полёта... Ваня качнул головой, стряхивая морок. Чудаков всё вещал, торопливо возвышая голос, когда ведущий пытался вклиниться в беседу.

«Мы стремительно приближаемся к цели, к старости человечества», – подумал Ваня, выключая радио. Он, может быть, яснее других понимал этот путь – Ваня работал программистом и каждый день умножал иной мир, который открывался в цифровых пространствах Сети. Там, в зазеркалье, множились и саморазвивались обманные вселенные, и десятки тысяч первопроходцев виртуальной жизни уже тихо закончили свой путь, навсегда заблудившись в лабиринтах придуманных цивилизаций.

Ваня увлекался, работая с информацией – он чувствовал себя как рыба в воде, ныряя в пространства виртуальных заморочек. И всё же иногда на него наваливалась необъяснимая грусть, почти хандра, так, что требовались большие усилия, чтобы вернуть спокойствие и деловитость. Последняя такая замять его закружила вчера – он почти не спал ночь и утром, благо был выходной, после некоторых раздумий двинулся в церковь.

Религия – тоже, в общем-то, если рассуждать обыденно, есть виртуальная и придуманная реальность. Но она строилась «вручную», без участия цифры, возводилась веками и тысячелетиями с помощью избранных вроде св. Иоакима. К тому же, представлялось Ване, «небесный град» возвышался над землёй, устремляясь в космос, а мировая паутина виделась ему неким «подвалом», шахтами-каменоломнями (чуть ли не урановыми рудниками), «нижним» миром, поглощающим человеческие жизни... Настоящий мегаполис был там – в кружении «виртуальных душ», в перемещении по интернетовским супермаркетам и квартирам. Нижний мир мгновенно соединял людей из разных точек планеты, оглушал шумом медиа, поражал обилием досуга – от постановки виртуальной свечи перед цифровой иконой до погружения в разврат, красочный, утончённый. Там происходили мгновенные знакомства, назначались свидания, заводились друзья; там искривлялось пространство и время, там проходила его жизнь, и Ваня временами забывал, что это – всего лишь суррогат, обман...

Вчера он наткнулся в Сети на любительское видео, которое вышибло его из колеи. Ролик самого примитивного свойства: камера захватывала интерьер «советской» кухни (в хрущёвке или в малосемейке), на заднем плане виднелось мусорное ведро, на стене висел металлический дуршлаг, с другой стороны пространство было ограничено дверцей холодильника с прикреплёнными на ней магнитами. Через несколько секунд в кадре появился парень в красной футболке, в синих тренировочных штанах и в комнатных тапках на босу ногу, с баяном в руках. Он торопливо устроился на стуле и глухо объявил: «Прощание с родиной, полонез Огинского на кухне».

Музыка звучала без всяких пауз. Ваня потом пять или шесть раз просмотрел это видео, выложенное почти год назад 26-летним жителем города Королёва, – таковы были сведения из аннотации к ролику. Главным было не умение парня играть, не природный слух, не молодая энергия, которую он переливал в инструмент, не он сам (камера показывала лишь инструмент, меха и кнопки, и только иногда в кадре возникал подбородок исполнителя), главным была музыка, которая жила на этой бедной кухне. Музыка звучала в душе этого парня, горела «искрой Божьей», требовала выхода «на люди», говорила в нём помимо его воли. Ваня сразу это почувствовал и ощутил мучительный приступ зависти, который он тотчас же постарался придушить в себе – когда-то он тоже «баловался» гитарой, в молодости был заводилой в рок-группе, но быстро сошел с этого бесперспективного и бедного пути.

Он разволновался, ночью долго перебирал свою жизнь. В ней, если честно, добром вспоминались лишь дни, озаренные вдохновеньем, «Божьей искрой». Это и было счастьем ликующего полёта – безнадежного и неизбежного. В этом, наверное, и была единственная цель его жизни, от которой он так сильно отклонился.

Бог, похоже, не очень сильно натянул тетиву, когда послал Ваню в мир. Жаль... Жаль...

Что же оставалось ему?.. Следующий день выдался наконец безметельным, морозным и солнечным. Снега широко лежали на небольшом пустыре у речки, блестя богатством покрова, небеса набирали яркой лазури, на ракигах оживлённо чирикали воробьи – в пышных перьевых шубах, шустрые, шумные, заполошные в перелётах. Ваня шагал, снег скрипел под его прочной и крепкой обувью, солнце грело нос и щёки, слепило глаза, и тоска его по капле растворялась в сияющем дне, обманно обещающем счастье.

Мир был красив, вечен и бесконечен.

Юрий КАБАНКОВ

НЕИЗРЕКАЕМОЕ БЕЗМОЛВИЕ

*...зриши печали и скорби наша –
от болезней, голодов, потопления, запаления
и междуусобных брани происходящая.*

Из «Покаянной молитвы»,
«юже чтоша в церквах России
во дни смуты»

...тишина есть звук Господень, к которому так привыкли;
очи сами слезятся в неосязаемой тьме кромешной;
это могло бы – конечной целью, венцом и славой
всего, изрекаемого бессловесной ослицей в снегу по брюхо;

всё-таки, всё, что мы – языком и цоканьем по брусчатке,
музыкой сфер Алигьери, голодной травой кислицей,
в поте лица, по-чёрному, в горнице белой, в красном углу,
голубиной почтой,
думкою говорливой, нутром охрипшим, сердцем поникшим,
в пламени вечном, веером, циферблатом, чумацким шляхом,
меркнувшей памятью млечной, заживо отключённой,
горделивым умишком, компьютерной мышкой, –

всё, что мы говорим, говорим, лелеем, усердствуя, пишем-не-пашем,
пальцем грозим, мысленно изрекаем, пожинаям космической жнейкой,
камень за пазухой, извлекаем, слишком квадратный корень,
ваньку валяем,
гласные тянем куда-то, акаем по-московски, как в преисподней,
сплошной лавиной,
ящеры, олигархи, финансовые потоки, стэлсы, пустые файлы,
немилосердствуем, ведаем что творим, знать не желаем,
к чертям собачьим,
извергаем, куда подальше, в сердцах, видим-не-видим, со дна колодца,
зареве Царства
Небесного, в сердце, опавшем, как парашютный купол,
свет карамельный,
мир параллельный, почти стерильный,
пряничный домик, в устах гаранта,
серпом по горлу,
всадник без головы, органчик, почти щелкунчик,
идол тмутороканский, в ночном скафандре,
замкомпоморде,
мыльные пузыри над пашней, они не гаснут,
шуршим по листьям опавшим, –

всё это может возникнуть прямо сейчас, вот здесь –
как сфера Паскаля в дверном проёме пустой часовни,

прошуметь по яблоням, в воздухе отразиться, окинуть прозрачным взором,
скользнуть, свершиться, кануть бесследно в Лету,
срезав недобрым словом, как лезвием газосварки,
хрупкие створки сторожевой тишины Господней:
«всплеск в тишине» (тот самый), жалоба эха над одичалым полем,
голубь с голубкой в чердачном оконце памяти нашей ветхозаветной.

Начальнику хора, на струнных орудиях:

Буратино с виолончелью, пчелиный полдень, ноты в ключе басовом,
Басё с собакой, взирающей через море,
слуга покорный с псалтирью десятиструнной...

Вразуми, настави и помилуй нас, недостойных!

27/14 февр 2011
Неделя о Страшном Суде

РЕБЯТА НАШЕГО ДВОРА

Ярослав СИЛУЯНОВ

ХОЧЕТСЯ БЫТЬ ПОХОЖИМ...

Район имени Полины Осипенко Хабаровского края, где прошли мои детство, отрочество и юность, славится неординарными людьми, оставившими яркий, неизгладимый след в прошлом и настоящем не только одноимённого села и золотоносного района, но и в истории Дальнего Востока, а некоторые герои – всей нашей необъятной страны в целом.

ЛЁТЧИЦЫ-РЕКОРДСМЕНКИ

В 1938 году в таёжных дебрях Хабаровского края сел самолёт «Родина», совершавший героический перелёт Москва – Дальний Восток. Посадка была вынужденной. Экипаж крылатой машины в составе Полины Денисовны Осипенко, Марины Михайловны Расковой, Валентины Степановны Гризодубовой в одночасье сделал известным на весь мир небольшое селение Керби. Мужественных лётчиц приветствовали охотники, рыбаки, приискатели, рабочие, служащие, учащиеся местной школы некогда малонаселённого района. Позже Керби переименовали в село имени Полины Осипенко.

Давно нет в живых лётчиц-рекордсменок, ставших Героями Советского Союза, но память о них до сих пор живёт в названиях улиц, района и села. Взмыло к небу белое крыло, на лицевой стороне которого изображены три женских профиля. В праздничные дни приходят сюда люди, возлагают цветы к подножию стелы. И, хочется верить, что так будет всегда.

Приезжая в родной дом и выходя из автобуса, невольно останавливаешься перед памятником экипажу «Родина» и мысленно представляешь то, как доблестные женщины, преодолев тысячи километров воздушного пути, выполняя обычную лётную работу, прославили необъятный Советский Союз. Героями не рождаются, героями становятся – непреложная, проверенная веками истина.

ИСПЫТАНИЕ ДАМАНСКИМ

На малой родине вспоминаются и другие достойные внимания люди, которые проживали в нашем районе во второй половине XX века. Значимой фигурой, без всяких оговорок, является Виталий Дмитриевич Бубенин. Он плоть от плоти уроженец этих мест. Вот отдельные эпизоды его автобиографии: «С 1948 г. проживал с родителями в селе им. П. Осипенко, где и окончил в 1958 г. школу. Затем учился в Хабаровском техническом училище №2 при заводе «Дальэнергомаш», работал на том же заводе слесарем по ремонту промышленного оборудования.

С 1961 по 1965 гг. учился высшем пограничном училище в Алма-Ате, по окончании которого служил на Дальнем Востоке. В глухой уссурийской тайге возглавил строительство пограничной заставы и стал её первым начальником. Принимал непосредственное участие в ликвидации провокаций на государственной границе СССР на участке своей заставы.

2 марта 1969 г. вместе с пограничниками участвовал в отражении вооружённого нападения китайцев в районе острова Даманского». Был ранен, получил контузию, но из боя не вышел. За мужество и отвагу, проявленные при защите государственной границы, лейтенанту В.Д. Бубенину присвоено звание

Героя Советского Союза (указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1969 г.). Виталий Дмитриевич стоял у истоков создания легендарной группы «А» и стал её первым командиром. Позже она получила название «Альфа». В запас вышел в 1995 году в звании генерал-майора.

Мог ли кто-то предположить, что невысокий, хрупкий на вид паренёк в мирное время совершит подвиг и станет Героем в полном смысле этого слова. Март 69-го стал проверкой характера, силы воли, мужества молодого начальника заставы. Сотни китайских солдат нашли свой конец на заснеженной земле острова Даманского, сражённые метким огнём советских бойцов. На одного пограничника приходилось больше десятка китайских провокаторов, но парни не дрогнули и стояли до конца.

В 70-е годы прошлого столетия одна из улиц районного центра носила имя Виталия Бубенина... Наш доблестный земляк не забывает родные места, всегда горячо откликается на приглашение принять участие в том или ином празднике, юбилее района, а то и так, проездом, навещает школу, где работала некогда его мама, вспоминая беспечные детские годы, когда все жили одинаково – по средствам и дружно.

ОЛИМПИЙСКАЯ ЧЕМПИОНКА

Мало чем отличалась в детстве от сверстниц маленькая девочка Юлия Чепалова из национального села Владимировка. Как и многие школьники, занималась лыжным спортом, но время показало, что всё делала она лучше других. Сколько снежных трасс было исхожено этой подвижной девочкой, сколько пролито трудового пота, прежде чем покорились ей вначале рекорды России, потом мира и, наконец, XIX зимних Олимпийских игр, проходивших 9–24 февраля 2002 года в Солт-Лейк-Сити (США). Она победила, став олимпийской чемпионкой в спринтерской гонке.

Скоростные качества Юлии заметил отец и на долгое время стал для дочери действующим тренером. Семья переехала жить в Комсомольск-на-Амуре. Оттуда берут своё начало первые серьёзные победы Юлии. И всё же начальные километры пути к олимпийскому пьедесталу Юлия преодолела в нашем районе, став в один ряд с легендарными женщинами-лётчицами П. Осипенко, В. Гризодубовой, М. Расковой. В музее села отведён специальный стенд, на котором размещён фотоматериал о победах Юлии, другая информация о спортсменке-лыжнице из нашей таёжной глубинки.

КАК ПРОЖИТЬ ДВЕСТИ ЛЕТ...

Школьным учителем работал в селе Оглонги рекордсмен в ходьбе (без употребления пищи) Владимир Фёдорович Пинчук. Сегодня его имя внесено золотыми буквами в Книгу рекордов России. И он стоит на подступах к вступлению в когорту тех, кто внесён в книгу рекордов Гиннеса.

А в начале 70-х отслуживший в рядах Советской Армии молодой человек, хорошо развитый физически, лыжник-перворазрядник, прибыл в качестве преподавателя в Оглонгинскую восьмилетнюю школу. Владимир, в отличие от своего отца, работавшего собкором «Тихоокеанской звезды» по Охотскому району, затем редактором «Амгуньской правды», не стал журналистом. Он выбрал вначале факультет физического воспитания Хабаровского педагогического института, а позже поступил на заочное отделение филологического факультета того же вуза. Все упомянутые события случились уже после отъезда из Оглонгов. В селе же Владимир усиленно тренировался, «наматывая» круги на небольшом пришкольном озере, постоянно улучшая результаты в лыжных гонках на 10 и 15 километров...

Получив диплом о высшем образовании, вёл кружки и секции бальных танцев. Самостоятельно освоив русскую чечётку (степ), постоянно выступал на городских и региональных конкурсах, где неизменно занимал призовые места. Владимир Фёдорович разработал систему голодания, описав собственный

многолетний опыт в книге «В.Ф. Пинчук. Моя система полного, активного лечебного голодания, позволяющая прожить более 200 лет здоровым...» Совершенство несколько мужественных многокилометровых переходов исключительно на воде, В.Ф. Пинчук подготовил к изданию вторую книгу, в которой рассказывает о последнем своём многодневном переходе Санкт-Петербург – Москва. Финишировал Владимир Фёдорович в дни празднования Великой Победы – на Красной площади – в мае 2011 года. В планах нашего земляка – поездка в Англию, где, возможно, уже в новом году состоится новый так называемый лондонский переход.

Владимир Пинчук живёт в Хабаровске, занимается педагогической деятельностью, мечтает открыть институт «правильного» питания, возглавляет местное отделение регистрации рекордов России. Готов рассмотреть и выставить на публичное обсуждение любые неординарные возможности человека, проживающего на территории Дальнего Востока. Скоро ему исполнится 60 лет.

ТАЛАНТ И ТРУД ВСЁ ПЕРЕТРУТ

В городе Владивостоке, на берегах Тихого океана, живёт ещё один наш земляк – Сергей Михайлович Юдинцев, журналист, публицист, прозаик. Преподаватели помнят его по работе в школе. Здесь он вёл уроки физического воспитания, активно занимался футболом, хоккеем, коньками, лыжами другими видами спорта.

Как литератора читатели знают его по стихам и рассказам, опубликованным на страницах старейшей районной газеты «Амгуньская правда», в которой Сергей Михайлович, собственно, и начал публиковаться как внештатный автор. Стоит заметить, что первый его писательский опыт заметил редактор районной Юрий Сипин, опубликовавший в 1987 году отрывок из рассказа «Случай на зимней дороге». Тогда 20-летний молодой специалист после окончания Хабаровского педагогического училища и преподавательской работы в школе проходил срочную службу в Вооружённых Силах СССР в Московском военном округе.

Сегодня наш земляк является автором ряда альманахов, журналов, сборников. В приморских издательствах в разные годы увидели свет его книги «Супермен» (повесть, рассказы), «Стукач» (остросюжетная повесть, рассказы), «Лист милосердия» (стихи разных лет), «Рассказы для детей» (для младшего и среднего школьного возраста), «Колея чемпиона» (рассказы для подростков) и «Каска солдата» (книжка-раскраска). Общий авторский тираж составил 16400 экземпляров.

Сергей Михайлович участвовал в международном литературном конкурсе, становился призёром конкурсов, проводимых региональным изданием «Спортивная газета АТР». Был участником IX Всесоюзного совещания молодых писателей 1989 года в Москве. Его стихи и прозу можно прочитать в российском еженедельнике «Литературная Россия», региональном ежемесячнике «Литературный меридиан», краеведческом журнале «Сихотэ-Алинь», других изданиях. Он редактировал ряд газет, литературно-публицистический альманах «Голос», журнал «Океанский проспект», несколько лет был ответственным секретарём морского сборника «Паруса». Является действительным членом Русского географического общества – Общества изучения Амурского края.

Москвичка Руслана Ляшева, известный российский критик, в рецензии «Неподвластна рынку сфера просветительства» (журнал «Библиополе» №3, 2011) на сборник рассказов С. Юдинцева «Колея чемпиона» пишет: «Книжка небольшая, каких-то 50 страниц, и всего шесть рассказов, но, как говорится, мал золотник, да дорог». Заметим, что «Колея чемпиона» вышла в издательской программе Владимира Тыцких «Народная книга», которая на дальневосточной земле более 10 лет успешно осуществляет просветительские программы.

Стоит добавить, что проза для детей подкупает душевной добротой, а в

профессиональном плане – точной передачей деталей, которые порой в суете человек другой профессии просто не замечает.

На писательском столе нашего земляка – книга очерков о заключительном периоде гражданской войны 1918-1922 годов, в которой есть глава о трудном переходе Красной Армии ДВР под командованием Якова Ивановича Тряпицына летом 1920-го из Николаевска в Керби. События непосредственно связаны с районом им. П. Осипенко и его жителями. Остаётся только присоединиться к заключительным словам Русланы Ляшевой – «пожелать Сергею Юдинцеву – журналисту, публицисту, прозаику – новых книжек и больших тиражей для маленьких читателей», а также пожелать 55-летнему автору новых творческих побед. Остальное – талант и трудолюбие – всегда при нём.

ПОЧЁТНЫЕ ГРАЖДАНЕ РАЙОНА

Ветеранов Великой Отечественной войны – Василия Витальевича Бочкарёва и Якова Яковлевича Слушко знал каждый житель района. К сожалению, приходится говорить о них в прошедшем времени: они ушли из жизни в первом десятилетии нового, 21-го века, познав и голод 30-х годов, и сталинские репрессии, и индустриализацию, и послевоенное строительство развитого социализма, и брежневский так называемый застой, и, наконец, горбачёвскую перестройку. Всё вынесли на своих плечах два почётных гражданина района им. П. Осипенко. Каждый по-своему оставил для потомков память о добрых жизненных делах. Бочкарёв единственный, кто терпеливо, много десятков лет, по крупицам собирал архивные материалы о жизни нескольких поколений осипенковцев, которые прибыли на эту не всегда ласковую, чаще суровую землю переселенцами или сосланными сюда за свои политические и другие убеждения. Последняя книга, увидевшая свет перед уходом из жизни В.В. Бочкарёва, вышла несколько лет назад и заняла достойное место на полках библиотек.

Я.Я. Слушко ожидала другая планида – учащиеся средней школы №57 увековечили память о нём мемориальной доской на фасаде просторного здания нашей одиннадцатилетки. Посещая школу, каждый, кто когда-то учился здесь, останавливается и читает выбитые на металле слова: «В школе села имени Полины Осипенко в 1950-1978 годах работал учителем Слушко Яков Яковлевич, участник Великой Отечественной войны, почётный гражданин района имени Полины Осипенко». А ниже, в поллой пулемётной гильзе, в любое время года ярко горят живые цветы. Их приносят сюда те, кому этот человек передавал не только свои знания и навыки, но и сердечную теплоту. Таким он и запомнился выпускникам нашей средней школы.

Бывали в районе им. П. Осипенко разные люди, но в памяти сохранились имена именно тех, кому посвящён этот материал. Молодому поколению нового столетия не зазорно знать о своих известных земляках и хоть в чём-то быть похожим на них.

Владимир НАРБУТ

ВЧЕРА КАК СЕГОДНЯ

* * *

Было бы странно, если бы мы вообще не говорили о выборах. Но обсуждаются не политические платформы кандидатов и уж тем более не кто «свой», а кто «чужой». Речь идёт о другом – вменяемый кандидат или нет.

Леонид Драчевский, полпред президента России в Сибирском федеральном округе (бывший).

Да, нынче, чтобы роли отследить
В спектаклях политических театров,
Придётся при полпредах заводить
Штат профессиональных психиатров.

* * *

Женщина, идущая в политику, – это женщина, идущая за любовью.
Она хочет, чтобы её любили все.

Ирина Хакамада

Так можно и запутаться совсем –
Теперь гадай, что сказанное значит:
Ведь женщины, которых любят все,
Обычно называются иначе.

* * *

Если я вижу, что бандит достаёт пистолет, я достаю свой и убиваю его.
Я – в тюрьме, а бандит – в санатории.

Владимир Жириновский

Но в этой фантастической истории
Представить легче в тягостных кошмарах
Убитого бандита в санатории,
Чем вас, Владимир Вольфович, на нарах.

* * *

Эта схема создавала ползучую дыру в экономике.

Александр Починок,
министр труда и социального обеспечения (бывший).

Кто ж экономику спасёт,
Кто разберётся в этом бреде?
Уж ежели дыра ползёт,
То, значит, крыша точно – едет.

* * *

Для тех, кто хочет добра России, собственность – это главный вопрос.

Любовь Слиска

Земельный кодекс вас принять просили.
Вы приняли. Теперь спросить пора:
Кто руку «за» тянул – хотел добра России?
Или хотел российского добра?

* * *

Еврейская мафия захватила банки, все природные ресурсы – это добыча газа, нефти, золота. Русской мафии остались заводы такие маленькие.

Виталий Шандыбин

Закреть глаза и из страны бежать:
Какой позор, куда глядит начальство?!
Ведь мафию родную обижать –
Да это, в самом деле, верх нахальства!

* * *

Если ж всё-таки он решит всерьёз уйти из Думы, то, как говорят в деревне, БАБа с возу – кобыле легче.

Николай Харитонов – о Борисе Березовском,
которого в прессе для краткости именуют БАБ.

Насчёт кобылы – хорошо придумал,
Но БАБа – это всё ж не тот масштаб.
Ведь с воза под названием Госдума
Свалился в Лондон целый баоБАБ.

* * *

Как-то утром Ельцин меня спросил: «Что вас больше всего заботит, Борис Абрамович?» Я ответил: «Отсутствие веры в светлое будущее».

Борис Березовский

БАБ превратился в существо бесцветное
И как-то изъясняется растерянно.
Ведь вера в своё будущее светлое
Теперь им окончательно утеряна.

* * *

Вот взять, скажем, Константина Толстошеина, который сейчас временно исполняет обязанности губернатора Приморья. Он промёрз там у себя как следует, всё знает на практике.

Владимир Жириновский –
о кандидатуре на пост министра энергетики.

Такие кадры надо поискать,
Воистину, нет никого дороже их.
В министры надо срочно запускать
Приморцев, как людей свежемороженых.

* * *

За 300 лет наш народ менее вороватым не стал.

Владимир Устинов,
генеральный прокурор РФ (бывший).

Ах, Генпрокуратура, не права ты,
Страна не потому стоит у края:
Народ у нас, возможно, вороватый,
Да всё уже чиновники украли.

* * *

Беды большой не будет, если по лбу президента, который занимается восточными единоборствами, ударят традиционные российские грабли...

Николай Фёдоров, президент Чувашии (бывший) –
о новом принципе формирования Совета Федерации.

А сенаторы в прошлых боях поослабли,
Хоть словесную вновь и открыли стрельбу:
Неизвестно, кто первый наступит на грабли
И кого они первым шарахнут по лбу.

* * *

Депутаты... сами себе отрубили яйца, не понимая, что без этого они никому не нужны.

Егор Строев, председатель Совета Федерации (бывший).

Как намёки спикера понять?
Ведь, преодолевая боль утраты,
Продолжать законы сочинять
Смогут, вероятно, и кастраты.

* * *

Я против выборности верхней палаты: мы получим второй болтающийся орган типа Думы.

Аман Тулеев, губернатор Кемеровской области.

Тулеев вновь сомненьями издёрган.
Но что ж над этим голову ломать?
Ведь и второй болтающийся орган
Всегда возможно взять и оторвать.

* * *

У нас кишка тонка? Да вы нашу кишку ещё не видели!

Алексей Митрофанов,
член фракции ЛДПР (бывший, уже перебежал) в Госдуме.

Да, сей пассаж не уподоблю тосту я,
Тут Митрофанов явно дал лишка:
Чем тут хвалиться? Тонкая ли, толстая,
Кишка, пардон, она и есть кишка.

* * *

К сожалению, проститутка живёт лучше, чем чистая, верная жена...

Владимир Жириновский

Развивая свой настрой критический,
Отчего же он признать не рвётся,
Что и проститутке политической
Тоже ничего себе живётся?

* * *

У них в руках пресса, деньги... Евреев надо брать лаской. Я где их вижу,
стараюсь обнять, поцеловать, в баню приглашаю...

Владимир Жириновский

Нет, не столкнись теперь вовек их лбами:
ЛДПР смогла определиться.
«Где Жириновский?» – «Да всё там же – в бане.
Пошел просить деньгами поделиться».

* * *

Мы царя поддерживаем, хоть он старый, больной.

Владимир Жириновский

Наш Вольфович рождён был хватом.
Слуга царю и друг магнатам.
И не откажет он в поддержке
Всем, кто заплатит без задержки.

* * *

Недоделок у нас не будет!

Борис Ельцин – об очередном формировании
нового кабинета министров.

Наш президент опять утешить рад,
А нам уж не до водки, не до девок.
В стране, где нет ни пенсий, ни зарплат,
Теперь не будет даже недоделок.

* * *

Не собираюсь доказывать хамью, что народ меня поддерживает!

Виктор Черномырдин

Ах, Виктор Степаныч, ну кто же вас кроме?
Народ, он, вестимо, за вас, ё-моё...
Народ – в «Нашем доме», а также в «Газпроме»,
А все остальные, конечно, хамьё.

* * *

Духа Немцова в своём кабинете я не обнаружил.

Юрий Маслюков, первый заместитель
премьер-министра (бывший).

Чист кабинет теперь, как стеклотара,
Но над страной витает без преград
Амбре Чубайса, запашок Гайдара
И Кириенки пряный аромат.

* * *

У нас везде большая кухня. Кого-то жарят, как бедных чеченцев, кого-то в духовку суют с изюмом на Пасху, как Гусинского...

Валерия Новодворская

Отчего же игнорируют Валерию?
Ведь на вид она – что надо, дама сдобная.
Только, видно, повара вполне уверены –
Будет блюдо абсолютно несъедобное.

* * *

Вот мы сейчас подскребём, что есть в государстве...

Юрий Лужков, мэр Москвы (бывший).

Что же с памятью мэра столичного случилось?
Пуст карман государства – грусти не грусти,
Что украсть не успели – и того не осталось:
Всё сумела Москва для себя подгрести.

* * *

Каждая партия имеет неотъемлемое право иметь своих дураков, которые время от времени поднимают хай, отвлекая общество от насущных проблем.

Александр Лебедь

Снова шума поднято немало –
Пыль столбом да дым до облаков.
Судя по количеству скандалов,
В партиях хватает дураков.

* * *

Я Путина поддерживаю и буду поддерживать до дня выборов. А затем мы будем работать вместе.

Борис Ельцин

Вот это сказанул так сказанул!
Нет, разумом такое не осилишь:
Два президента на одну страну –
Не многовато ль будет для России?!

* * *

Мы по-прежнему продолжаем жить в стране прогрессирующего экономического отставания.

Владимир Путин, президент РФ (до Д. Медведева).

Проблем не счесть, они, увы, всё те же:
Коррупция, Чечня, долг вырос до небес...
И всё же президент сумел утешить:
Хотя бы в чём-то есть у нас прогресс.

* * *

Надо строить дороги. С этого начинался подъём экономики в Америке.

Егор Строев

Усилия свои удвоим и утроим,
Но две у нас беды – удел страны таков.
И если даже вдруг дороги мы построим,
Куда, помилуй Бог, мы денем дураков?

* * *

Тех лиц, которые они должны отвечать, мы не найдём на тех местах, на которых они должны быть.

Николай Аксёненко, первый вице-премьер (бывший).

...А ежели ещё как следует поддать,
Лицом к лицу лица ваще не увидеть.

Ольга ЛЕВАШОВА

ТЕЛЕНКИНО МОЛОКО

(рассказ)

Купили молодую корову-первогодку в деревне Бульга-Фадеево. Она словно ведала, что ее продадут: поздно, уже под вечер, пришла из стада домой. Особо не сопротивляясь, ступила в кузов грузовика.

Поздно ночью родители приехали, привезли, и я узнала, как ее зовут: Вечерка. «А она красивая?» – спросила я у мамы. «Очень», – заулыбалась мама. Но это не было главным. Хотя я и не видела ее, но по всему: по ночному пороху, по ветру, который дул теперь иначе, чем всегда, по настороженному принохиванию пса – было ясно: теперь в нашем хозяйстве прибавилась еще одна большая душа.

Новую корову взяли, как водится, в зиму: чтобы не убежала с непривычки от новых хозяев, чтобы местные коровы не забили «чужачку» в стаде; весной уже позабывшие друг друга коровы «знакомятся» заново, примут и Вечерку, сплотятся и так дружно проходят все лето.

Вечерка и действительно оказалась красавицей: бело-коричневая, с аккуратными симметричными рожками, с белой вьющейся челкой и белой полоской-лысинкой на лбу. Особенно поражали ее большие влажные глаза с длинными ресницами. Они будто вечно удивлялись и всегда жалели. Казалось, можно было утонуть в этих материнских коровьих глазах.

Она стояла в загоне за забором. Было отчетливо видно ее голову, шею и коричневую спину. Она смотрела на меня, не выражая ни страха, ни агрессии. Она выглядела просто печальной. «Наверное, скучает по дому», – подумала я.

Так ли это было, неизвестно, однако ее грустный вид был ее характерной чертой. Грустный и простой. Она была такой всегда, хотя по-своему, покоровьи, она была счастлива, намного счастливее своих сородичей. Ухаживали за ней хорошо. Кормили, поили. Сено из кормушки не исчезало, и лежать на полу, не убранном и не застеленном опилками, ей не приходилось.

Я почему-то просто липла к ней. Сначала заглядывала на нее через забор, стараясь встретиться с ней взглядом. Она чувствовала меня, разворачивалась от кормушки и тянулась через забор мордой ко мне. Доски забора при этом жалобно скрипели. Она тянулась к рукам, шумно обнюхивала мои ладошки в поисках того, что могло бы ее порадовать. Оставляла облизанные руки в покое. Я частенько приносила ей разрезанную на четыре части картофелину, самую большую, какую находила в ведре. Один за другим засовывала ей в рот кусочки, которые она проглатывала целиком.

Постепенно я стала замечать папу в уходе за Вечеркой: то убирала в загоне, то носила ей воду по полведра, то понемногу сена, покрикивая, для острастки, как папа: «Но! Отойди! Подвинься! Иди в сарай!». Однако и я, и Вечерка относились к этому смешному покрикиванию, как к традиции. Покрикивать мне было вовсе не обязательно, она и сама теснилась в сторонку, не зная, как лучше развернуться, чтобы дать проход в тесном загоне существу, мельче ее в четыре раза... Существо сновало туда-сюда: бегало то с ведром, то с сеном, то с опилками, то приносило вкусное и вызывало огромное удивление.

В начале февраля у Вечерки появился теленок. В тот день все ходили скрытные, никому об этом не говорили и ничего никому не давали. Молчала и я, хотя сердце колотилось, хотелось смеяться, не терпелось увидеть Вечеркиного теленка. Вечером со светильником отправились в Вечеркин дом. Теленок, шупленький, такой же бело-коричневый, как и мама, еле стоял на несурзных еще ногах, тряся от напряжения. Его и Вечерку разделяла стена из плоских широких досок. Между досками были такие широкие проемы, что Вечерка заглядывала через них страдающими материнскими глазами, стремясь разглядеть в темноте свое копошащееся дитя. Мычала, звала ребенка, тихонько бодая стенку; он же кричал, пищал, вытягивал мордочку вверх, шлепал губами, ища мамино вымя. Но их естественное стремление друг к другу разделяла перегородка. Тогда я поняла причину вселенского страдания Вечеркиных глаз.

На рога ей надели повязку, привязав к стене, задние ноги связали вместе, к ним же привязали и хвост. Подвинули под нее стул. Зацыркали струи молока в кружку. Больно. Она все еще мычала, заглядывая за перегородку, но безропотно, не беснуясь. Она просто плакала.

Вместо нее ее ребенка кормили мы не рассчитанным на то природой способом – из ведра. А он хватал за пальцы и пытался их беззубо всосать, причмокивал, вытягивая голову вверх. Хоть был мал, но по сравнению с человеком силен, и мы втроем не могли с ним управиться. Наконец кто-то догадался, что ему холодно, набросил ему на худой зад старую ветровку, прижал к стене и засунул его голову в ведро. Наконец он почувствовал вкус молока и стал смоктать его в ведре, еще не умея пить. Молоко было еще очень густое, желтое, с кровью. Его пока было так мало, что не хватило толком даже теленку. А мы улыбались. Он пьет! Наша одежда и весь загон были в брызгах этого первого, принадлежащего только Вечеркиному малышу молока.

Потом, летом, воздух жужжанием заполнили коровины кровопийцы. Они тучей стояли над стадом утром, не отставали и в самую жару, загоня коров в реку, прилетали следом в загон.

Вечерка вздрагивала кожей, переступала с ноги на ногу, вертела головой, слизывала противных насекомых языком. Мычала, ждала вечерней дойки.

Папа разводил курево (костерок в ведре, засыпанный сверху травой, не горел, а дымился, распугивая комаров). Мы шли доить: папа с куревом, мама с ведром для дойки и я с ведрком для телка. Вечерка, привыкшая к повязкам на рога и на ноги, ждала дойки – молоко, скопившееся за весь день, больно распирало вымя и капало на пол.

Мама, вымыв вымя теплой водой, доила, и было слышно, как молоко стучит по алюминиевому ведру. Несмотря на курево, мошка одолевала Вечерку, которая жалобно вздрагивала, закрывала глаза, терпела.

Я стояла рядом, веточкой сглаживала с нее кровопийц, убивала их. Приговаривала: «Наша кормилица, красавица, Вечерочка, за что эти гадости кусают тебя?» и обнимала за мягкую шею Вечерку, повисала на ее могучем теле, целовала ее в белую полоску, спускавшуюся от курчавого лба вниз к самому носу. Кормилица стояла смиренно, не противясь этой детской человеческой ласке; в этот момент она была вовсе не домашним животным – коровой, а матерью нас всех: ее молоко пила и я, и моя мама, и пес, охранявший наш дом, и кошка, ловящая мышей, и маленькие поросята, еще нуждающиеся в живительном молоке, и взбрыкивающий за загородкой в предвкушении лакомства ее коричневый теленок... Все мы были ее дети.

В деревне существовал, при котором хозяева коров по очереди пасли стадо. Каждое утро после дойки стадо отправлялось через поля на выпас, где, перейдя через мелкую речку, паслось весь день до вечера. Все это время стадо находилось под неусыпным (а иногда и усыпным) оком очередного пастуха. Он следил, чтоб телушки или особо вредные коровы не разбежались, разгонял бодающихся, а вечером собирал и гнал стадо назад. И конечно, очередь пасти деревенское стадо не раз доходила и до нас.

Это был бешеный день, а начинался он в 6 утра. От деревни до пастбища было около десяти километров, путь пролегал преимущественно по дороге, но там, где не удавалось уследить, стадо шло через лес. Особенно это обожали молодые телушки, которые так и норовили забежать подалее в лес, затаиться, а когда все пройдут, спокойно вернуться в деревню, где с удовольствием весь день надоедают старушкам, лезть в огороды, верховодить телятами и гонять живность поменьше, например пугливых овец. Именно эта молодежная часть стада заставляла меня носиться на предельных скоростях и голосить, словно индеец, и выгонять их хворостиной из самых труднодоступных мест. Особенно досталось белой телушке, которая по росту, габаритам и скоростным характеристикам скорее напоминала коня, чем молодую корову.

И вот, когда основная часть пути была пройдена, стадо почти бегом стало форсировать остаток пути, а именно кинулось в лес.

Без промедления кинулась я за бегущими ногами в туманный лес. Бежала по стоптанным узким коровьим тропкам, и ветки били меня по лицу. А я все бежала, размахивала хворостиной и улюлюкала, и бежать было так легко, словно я никогда не устану, словно и не было десяти километров за плечами.

Я знала, что где-то здесь они переходят речку на питомник, где пасутся весь день. Впереди уже было слышно урчание буйной, хоть и мелкой горной речки Поперечки. Когда я, осторожно ступая между скользкими камнями, оказалась на берегу, большая часть стада уже была на той стороне. Последние коровы, пугаясь меня, спешно бросались в воду. Вдруг из леса, торопясь, вышла Вечерка. Увидела меня, испугалась, как и все, но вдруг встала как вкопанная. Ее глаза перестали быть безучастными и глядели теперь с дружелюбным интересом и удивлением, а уши, словно локаторы, самонавелись вперед. Вечерка узнала меня, но все еще готова была убежать, ведь теперь я была в роли пастуха, хворостина в руках которого вызывала страх у коров. И я поняла это. Сняла капюшон (Вечерка дернулась), заговорила с ней, позвала. Она отозвалась, что-то родное, свое, домашнее почувствовав в моем голосе. Я поняла – она боится хворостины в моих руках, хотя та просто висит рядом с моим сапогом. Тогда я потихоньку откинула хворостину в сторону, оставшись совершенно без оружия против коровы.

И все. Вечерку будто отвязал кто-то, так она кинулась ко мне. Большая, теплая, с такими большими доверчивыми глазами и словно махровыми, мягкими ушами, она сама подошла ко мне, и мы обнялись. Вернее, это я обхватила ее большую, увенчанную ровными рогами морду, которую она аккуратно положила мне на руки, закрыв при этом глаза. И ничего прекрасней не было этого взаимного доверия и взаимной любви этим далеким утром в приморской туманной тайге. Утренняя дымка еще не сошла, рядом журчала холодная вода, и мы с ней были совсем-совсем одни, и нам было хорошо. Сколько теплых, ласковых слов было сказано моей Вечерке! И с какой благодарностью она их принимала!

Именно в этом положении нас и застала выбежавшая из леса белая телушка. Просто застучала. Для нее открывшееся ей зрелище, вероятно, было самым удивительным, что было в ее двухлетней жизни. Такой потрясенной физиономии я больше не встречала. Весь вид ее говорил, что скорее она увидит кошку и мышку в обнимку, чем меня, которая гоняла ее все утро из кустов, в обнимку с кем-либо из семейства парнокопытных. «Что смотришь? Марш через реку!» – посоветовала я ей строго, и она, словно понимая человеческие слова, кинулась к броду. Мы смотрели ей вслед. Нам тоже пора было расставаться. «Ну что, Вечерочка, тебе нужно идти? – спросила я ее. – Мне тоже пора. Давай иди, тебе пастись надо, а мне надо назад, наверное, меня родители уже потеряли. Давай попрощаться?» – и я поцеловала ее в лоб. А она словно знала. Последний раз прижалась ко мне и пошла. Осторожно, потихоньку спустилась в воду. Поток доставал ей до колен, иногда выше, но она хорошо знала дорогу. Перебралась на другую сторону и обернулась в последний раз, зная, что я провожаю ее взглядом.

...И пусть идет неумолимое время, я вовсе не стараюсь его удержать. Больше никогда нам не пережить момента нашей встречи. Прошло так много лет. Из окна домодедовской многоэтажки на меня глядит непривычно ровное пространство средней полосы России. Ну и пусть мне больше никогда не обхватить руками большую теплую шею, не повиснуть на ней. Зато теперь, Вечерка, ты будешь жить вечно. Потому что я хочу поделиться со всеми той великой тайной, что ты открыла мне. Тайной душевной привязанности и материнской любви.

Егор СТАРЦЕВ

БУРЕЛОМЫ, ИЛИ ДЕВУШКА С КУВШИНОМ

Всю ночь нестерпимо болело левое колено. Мой биологический барометр не обманул – к утру завьюжило. Февраль в наших краях суров. Вот и сейчас ветер швыряет в окно пригоршни снега, хлопает форточкой, стучит по балкону оторванным кабелем чьей-то телевизионной антенны.

Странно устроена человеческая душа: метель, непогода, колючий ветер, а на душе восторг сродни вдохновению. Сбросить бы сейчас десяток лет да эту боль в колене – схватил бы шапку в охапку – и на лыжню!

...А ведь сегодня пятница, надо бы позвонить моему хорошему приятелю Владимиру Сергеевичу Фирсову да попроситься «на баньку».

Живёт Володя в Сосновке, на самой окраине деревни, недалеко от озера Хрустального. Рядом сосновый бор. Тянется он вдоль берега до самой сопки Медвежьей. Хозяйство у Фирсова крепкое. На просторном подворье ладно срубленный дом, отменная банька из бруса и гараж на две машины. Гараж пришлось расширять для нового приобретения – армейского джипа «ГАЗ-69», который разработали ещё при жизни Сталина. Помог приобрести этого монстра советского автопрома закадычный друг Володи из города Нижнекаменска Павел Гаврилов.

Машина была на ходу, и Сергеич без особых приключений перегнал её в Сосновку из соседней области. С этим «газиком» мы возились с апреля месяца прошлого года до поздней осени. Зато к зиме Фирсов был на лихом коне. Вездеход выглядел так, как будто он только что сошёл с конвейера Горьковского автозавода. Теперь в «конюшне» Сергеича стало веселей. «Газик» слегка потеснил «заряженную» по боевому «шестёрку», над которой мы тоже немало потрудились. Равной Володиной «шохе» ещё не было по крайней мере в нашем городе Павловске.

Но не только любовь к автоделу объединяет нас. Фирсов – поэт, не без Божьей искры. Автор четырёх поэтических сборников. По профессии художник-монументалист. Учился у самого Варшавского. Любимый Володин материал – дерево. Почти половину дома занимает мастерская. Здесь пахнет стружкой, кедровым лаком, клеем и масляными красками. Фирсов – творец. Его творчество понятно и доступно. В свои произведения он вкладывает всё: душу, сердце, судьбу – всё, что болело, мучило и мешало спать ночами. Наверное, он был несчастен в семейной жизни, если в середине девяностых оставил шикарную городскую квартиру жене и, прихватив с собой самое необходимое, уехал в Сосновку. Подробности резкого поворота в судьбе Фирсова мне неизвестны. Сам он не любит вспоминать о своём уходе, а я не лезу к нему с ненужными вопросами.

По натуре Володя человек весёлый. Прекрасно рисует тушью дружеские шаржи, пишет меткие эпиграммы. Есть даже пара сатирических повестей.

Сергеич не только хорошо работает, но и хорошо отдыхает – с пользой для здоровья. Каждый год в конце лета он гостит у своего друга Гаврилова, в Нижнекаменске – небольшом городке, окружённом синими сопками и прозрачными озёрами. У Гаврилова есть собственный дом с большим приусадебным участком. В сентябре Володя привозит домой в багажнике своего «Жигуля» огромные арбузы, сладкие перцы, виноград и душистый мёд. Но главное

– это увлечение старых друзей охотой и рыбалкой. Обычно Сергеич в конце августа тщательно готовит свою «шестёрку» к рейсу в Нижнекамск, хотя, по нынешним меркам, 750 вёрст по трассе не такой уж долгий путь.

При всей открытости Фирсова в его дружбе с Павлом Васильевичем Гавриловым я усмотрел некую странность. О Гаврилове Володя рассказывал много. Во-первых, Папа Гаврилов – потомок первых поселенцев с Украины, очень гостеприимный и радушный мужик. Во-вторых, автор многих стихотворных книг. К тому же страстный охотник, рыбак и пчеловод. Много забавных охотничьих историй, услышанных от Гаврилова, рассказал мне Фирсов, но за всё время нашего знакомства ни разу не упомянул о творчестве своего друга. Зная характер Володи, я терпеливо ждал, когда приоткроется занавес таинственности над творчеством певца полей, и Фирсов познакомит меня со стихами Гаврилова.

Всё разрешилось само собой. В прошлую субботу я позвонил Володе и, как обычно, напросился в баньку. Погода стояла что надо – «мороз и солнце». Захватив с собой пару дубовых веников и любимый Володин чай с бергамотом (который, честно говоря, я ненавижу), отправился в Сосновку.

Когда город остался позади, зазвонил мобильник:

– Семён, я баню затопил, ты дров подбрось, присмотри, в общем.

В доме поставь на печку суповую кастрюлю, воды налей до половины.

Я скоро буду, дела, брат. Ключи на старом месте.

Телефон отключился. Я прибавил газу и минут через сорок въехал на расчищенную от снега площадку возле дома. Стайка воробьёв с чириканьем слетела со старой вишни возле забора. Полуденное солнце в морозной дымке лениво освещало двор. Тянуло дымком. Первым делом я направился к бане. Зашёл в предбанник и с наслаждением втянул в себя духмяный запах разогретого дерева и распаренного дубового веника, всей душой предвкушая предстоящую банную процедуру. Управившись с топкой, убедился, что через часок парная будет готова.

Теперь можно было идти в дом. Без труда найдя ключ на прежнем месте за наличником окна, отворил дверь. Огонь в печи еле тлел. Пошуровав в топке кочергой, подбросил дровишек. Сухие поленья занялись пламенем и весело затрещали. Поставил большую кастрюлю с водой на печь. Больше делать было нечего.

Я сел на табуретку и оглядел небольшую уютную кухню. Взгляд мой привлекла оставленная на подоконнике книжка в яркой глянцевой обложке. Это был сборник стихов Павла Гаврилова. Пододвинув табуретку к окну, я не без любопытства раскрыл книжку. На меня смотрел симпатичный мужчина с крупными чертами лица, лет 45. Пышные усы обрамляли волевой рот. Взгляд тёмных глаз был по-доброму открытым и немного насмешливым, выдавая уверенного в себе человека. Надпись под фотографией сообщала, что Павел Васильевич Гаврилов является членом Союза писателей России, автором 18 поэтических сборников и что в настоящий сборник «Озноб» вошли стихотворения, уже завоевавшие читательскую признательность, а также стихи, ранее не публиковавшиеся.

Я перелистнул несколько страниц и начал читать.

Саночки

Долгим зимним вечером
Я пишу стихи.
«Может, делать нечего?» –
Спросят мужики.

Ну, конечно, нечего –
Дров я нарубил.
А вчера до вечера
Санки мастерил.

И теперь на саночках
Воду я вожу
И на наших паночек
Весело гляжу.

В недоумении полистал снова и раскрыл наугад.

Сало

Сало любит каждый, знаю.
И морозною зимой
Я от сала угораю,
Наливай-ка по второй!

Щедро режь с прослойкой ломтик
И на чёрный хлеб клади.
Нет продукта благородней,
Хоть всю землю обойди!

Со смутным предчувствием чего-то нехорошего я перелистывал страницу за страницей. Казалось, что это чья-то злая шутка или я нахожусь в нереальном мире «страны дураков». Вернулся опять к началу сборника и ещё раз прочитал дарственную надпись: «Володьке Фирсову, моему другу и мастеру «золотые руки» от всего сердца на память». Дальше шла дата и размашистая роспись. «Может быть, в этот сборник вошли ранние стихи Гаврилова?» – подумал я и вновь раскрыл книгу почти в самом конце.

Злыдни

Завывают ветры,
А в сенях темно.
Мне на километры
Видеть суждено.

Вижу, как грохочут
С грузом поезда,
И гореть не хочет
Яркая звезда.

Выйду я до ветру,
Жуть вокруг стоит.
Восемнадцать метров
Путь мне предстоит.

Мне совсем не страшно,
Я привык уже
Видеть, как ужасны
Злыдни в кураже.

Под стихотворением стояла дата: 25.10.2010 г. В надежде отыскать хоть пару стихотворений, достойных звания члена СП, я раскрыл сборник на середине. Первая строчка стихотворения «Буреломы» вернула меня к реальности и рассмешила до слёз, но, дочитав до конца этот «шедевр» гражданской лирики, я вновь впал в уныние.

Буреломы

Буреломы в тайге – это гномы.
В кабинеты чинуш не пройдёшь!
Вам такие наставят заслоны,
Хоть ложись помирать ни за грош.

Здесь законы работают чётко –
Под себя их чиновник создал.
Чтоб машина и дача, и тёща
Чтоб безбедно жила за квартал.

Можно в доме, конечно, жить с тещей,
Только дом должен быть, как дворец.
И деньжат чтобы было побольше,
А мужик – загибайся вконец...

Дальше читать было невыносимо, поэтому я решил заглянуть в исходящие данные. Выяснилось, что книга была отпечатана в издательстве «Скрижаль» нашего славного города Павловска тиражом в 3 000 экземпляров – непозволительная роскошь в наше время. Редактором книги значился небезызвестный в литературных кругах прозаик и поэт Степан Чигирёв – бездарная личность, по мнению многих. Здесь сотрудничество Гаврилова и Чигирёва вполне объяснимо, но что общего у Фирсова с этими людьми? Вернее, с одним из них?

Обременённый тяжкими раздумьями, я сунул ноги в рабочие Володины валенки, накинул овчинный полушубок и пошёл проверить баньку. С севера натянуло какую-то хмарь. Солнечный диск еле пробивался сквозь пелену облаков.

В предбаннике, скинув полушубок на топчан, я открыл топку и подбросил несколько берёзовых поленьев. Термометр показывал +130 градусов. Парная была готова. Я прилёг на расстеленный полушубок и стал слушать простые, но такие проникновенные и милые сердцу звуки – потрескивали дрова в печи, басовито гудела закипающая в баке вода, за стенкой шумел ветер, шелестя несброшенной листвой молодых дубков у озера, по льду которого уже мела позёмка. Под эту ни с чем не сравнимую мелодию я задремал. Снились мне страшные клыкастые вепри, бородатые мужики с берданками и вилами. То ли охотники, то ли партизаны времён гражданской войны...

Разбудил меня громкий голос:

– Рота, подъём!

Ничего не соображая спросонок, я свалился с лавки вместе с полушубком, вскочил на ноги и уставился на запорошенного снегом Фирсова.

– Вот и доверяй таким, как ты, хозяйство! – продолжал греметь тот. – Вода в кастрюле выкипела, двери нараспашку, бери что хочешь и уходи!

– Обижаешь, Сергеич! Кастрюлю я на край отодвинул, а воров здесь вроде не было никогда. Ты сам говорил, что зона пограничная, чужие не ходят.

– Ладно, пошли в дом! – помягчел Фирсов. – Сколько дней у нас до Великого поста осталось?

– Да недели две с небольшим.

– Вот-вот. Надо сил набираться. Я в этом году решил ни грамма скоромной пищи в пост. Себя соблюсти хочу, да и Богу послужить надобно.

Мы вышли во двор. Володя вытащил из машины увесистый мешок, крепко завязанный тесьмой:

– Вот, гостинец от Пашки. Еле к поезду успел. Гаврилов, как всегда, в своём репертуаре: позвонить – «жаба» давит, так он мне СМСку отправил под самый занавес: «Встречай Московский. Вагон 9. Проводница Светка». Пришлось еще Светке 500 рэ отстегнуть за доставку. Я в мешок-то заглядывал – изюбрятинка, филейная часть. Давай ныряй в подполье за картошкой, да захвати пару крупных морковок, а я пока мясо нарублю.

Сбросив остатки сна, я полез в погреб. Всё у Фирсова в идеальном порядке: морковка – в сухом песке, картошка в специальном ларе. На полках тускло поблёскивали банки с разносолами. Набрав картошки и прихватив несколько морковок, я выбрался из прохладного погреба. Сергеич тщательно мыл мясо в никелированном тазу.

– Семён, быстренько чисти овощи. Мы с тобой сейчас такую шурпу заварим – за уши не оттянешь. Я тут по пути в наш сельский «Супермаркет»

заехал, перчика взял душистого, и молотого, и горошком, а то у меня закончился. Ты ж только чай привозишь да веники дубовые.

- Опять, Сергеич, обижаешь. Откуда мне знать, что у тебя перец чёрный закончился?

- Да шучу я, Сёма, шучу. Хороший ты мужик, только шуток не понимаешь. А ты, я вижу, Пашку Гаврилова читал? - Володя кивнул на оставленный мною на столе сборник стихов. - Ну и как тебе наш пиит, обалдевает?

- Ты меня, конечно, прости, Володя. Я что-то вообще в последнее время частенько стал обалдевать и перестал что-либо понимать в литературе. Но тебе честно скажу: бред сивой кобылы стихи твоего друга!

- Ладно, Семён. Не кипятись. Ты впервые с его творчеством столкнулся, а я без малого тридцать лет этот бред, скрипя зубами, терплю. Мы ж православные, терпеть должны немощи друг друга.

- А ты Божий дар с яичницей не путай. Поэзия - она либо есть, либо её вовсе нет. Сам знаешь.

- Нельзя, Семён, быть таким категоричным. Пашка - человек добрый и правильный. Можно сказать, наш человек. Но в поэзии, конечно, типичный графоман. Мы сейчас поставим мясо вариться и пойдём как следует попаримся да грехи смоем. А по ходу дела я тебе расскажу очень интересную историю, как Пашку Гаврилова принимали в Союз писателей. Двадцать лет прошло, но такой случай забыть трудно.

Сергеич отрезал две огромные луковицы от косы, висевшей сбоку посудного шкафа и стал их чистить над пластиковой миской, пояснив мне, что луковую шелуху собирает для окраски яиц на Пасху и никакого другого красителя не признаёт. Все овощи были нарезаны кубиками и приготовлены для варки. Поставив кастрюлю с мясом ближе к краю плиты, мы отправились париться.

Снегопад почти прекратился, лишь редкие снежинки, медленно кружась, опускались на землю. В сумерках занесённый снегом сад напоминал причудливую театральную декорацию. Не терпелось поскорей забраться на верхнюю полку парилки. Баню Фирсов строил по собственному проекту. Предбанник служил одновременно раздевалкой и комнатой отдыха, где за чайным столиком свободно могла разместиться компания из 4-5 человек. Здесь же стояли две удобные лавки для отдыха и широкий топчан, на котором я заснул, слушая завывание ветра в печной трубе. В моечной - два крана с холодной и горячей водой. Что касается главного отделения - парной, то здесь мне трудно подобрать слова. Одна местная поэтесса, побывав в этой парилке, выразила свои чувства анапестом.

У Фирсова везде свободное пространство стен органично заполнено резьбой по дереву. Даже в гараже висит несколько барельефов из капа. В бане, над вешалкой, на всю длину стены красуется фриз с забавными сюжетами из крестьянской жизни. Здесь и бородатые мужики с пивными кружками, и лесорубы с топорами, и бабы с коромыслами, идущие по воду, и коровы, пасущиеся на лугу. Фриз сделан из кедра, тонированного под красное дерево. Всё это создаёт неповторимую обстановку тепла и уюта.

Сделав по два захода в парную, сели к столу пить чай. С наслаждением отхлебнув несколько глотков, Володя начал свой рассказ:

- С Пашкой я познакомился в стройотряде. Он тоже наш институт заканчивал, только на другом факультете. Стихи вечером возле костра читали. А ведь тогда он хорошо писал, напористо, авангардно. Это его Чигирёв испортил, под свой стандарт подогнал. Всё подхваливал Пашку. А может быть, бездарному Чигирёву на самом деле нравились Пашкины стихи? Жаль, что тогда наши пути разошлись. Нет, мы не вели литературных споров, просто Пашка окончил вуз и уехал к себе на родину. Правда, связи не теряли, регулярно переписывались. Позже, когда у нас наступило горбачёвское потепление, я часто мотался далеко на юг мимо Пашкиного Нижнекамска. Ну и, конечно, заезжал к нему в гости. Благодатная у них область - охота, рыбалка, дичь непуганая. Это у нас на одну утку двадцать стволос со всех сторон.

Вскоре Пашка женился. Я тогда не смог на свадьбу приехать. Потом Гав-

рилов со своей молодой женой Антониной ко мне в гости пожаловал. Красавица она у него и по характеру добрая. Нарожала ему деток, два мальчика и две девочки-близняшки. Сейчас дети уже выросли, давно из дома упорхнули... – Фирсов на минуту замолчал, потом махнул рукой, как бы отгоняя нахлынувшие на него воспоминания. – Ну что, Семён, по последнему заходу? Изюбрятина, поди, готова, как думаешь?

– Да я не думаю, как скажешь – так и будет. Я ж человек военный. Только после твоей бани, кроме чая и воды минеральной, ничего не хочется.

– И то верно. А ведь всё зависит не только от конструкции бани. Главное – вода из моей скважины. Помнишь, в прошлом году насос сторел, и мы воду с озера таскали? Совсем не та баня была. От воды многое зависит...

За окном стемнело. Мы, распаренные и невесомые, завернувшись в простыни, побежали к дому. Володя засыпал овощи в кастрюлю, добавил несколько корешков петрушки и ещё каких-то сухих трав. Несмотря на хорошую вытяжку над плитой, по кухне распространился аппетитный аромат.

– Семён, а может, по стопочке, как в былые времена, а?

– Володя, ты что – забыл наш девиз: «Забвеньё в алкоголе находит только умственно отсталый человек»?

– Молодец! Это я тебя проверить решил. Да и не держу я в доме спиртного, ты же знаешь. Беда России, Сёма, не дураки и дороги, а безудержное и повальное пьянство.

Фирсов снял с плиты огромный медный чайник, ополоснул кипятком фаянсовый заварник и засыпал в него добрую горсть привезённого мной листового чая.

– Четыре минуты – и наш чаёк готов. Давай хоть по кусочку изюбрятинки попробуем. Зря что ли старались?

Мясо действительно было необыкновенно вкусным. Володя мычал от удовольствия, пережёвывая очередной кусок.

– «Мир до подлого материален и пребудет ещё таковым», – процитировал Фирсов, видимо, самого себя. – Ну как здесь на Пашку обижаться? Такую дичь подогнал – пальчики оближешь. Это он со своим приятелем из Дымовска, Мишкой Здановским, браконьерничал. Так на чём я остановился?

– Про детей Гаврилова говорил, что выросли они.

– Да, конечно, времечко летит. Девчонки замуж повыходили, красавицы – все в мать, да и Пашка гусар лихой. На него и сейчас бабы глаза пялят. А тогда, в девяностых...

Сергеич вышел из-за стола, прошёл в комнату к книжному стеллажу, занимающему всю стену, достал книжку в суперобложке и вернулся на место.

– Вот что пишет в предисловии к очередному Пашкиному сборнику сам Яков Петрович Гетман, крупнейший литератор Дымовской области: «Самобытный талант Гаврилова растрогал меня до глубины души». Дальше сплошная патока лести с ложью. О, как я сейчас понимаю эту крылатую фразу: «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами!» В то время я только начинал готовить к печати свой первый сборник стихов, а Пашка издал уже четвертую или пятую книжку. Мобильников тогда ещё не было. И вот получаю я по почте приглашение на презентацию очередной Пашкиной книги стихов «Буреломы». У него эта тема почти в каждом сборнике лейтмотивом проходит. Он и пишет так, как будто через буреломы пробирается по тайге, размахивая топором... Ну, думаю, надо ехать. Тем более что начало моего отпуска совпало с презентацией Пашкиного сборника. Тогда у меня была старенькая, но надёжная «копейка». Осталось только масло перед дорогой поменять. Пока менял масло, обнаружил непорядок в подвеске. Мелочь, но провозился до вечера. К Гаврилову подъехал к трём ночи. Смотрю – в летней кухне свет горит. Соседские собаки как будто ждали меня – залаляли дружно на всю округу. На шум вышла Антонина, жена Пашкина. Оказывается, она ещё спать не ложилась и к моему приезду едва успела перемыть всю посуду после вечернего банкета по поводу встречи знатных гостей. Вместе с Антониной хлопотали ещё несколько женщин из многочисленной родни Гаврилова – готовились к очередному и са-

тому главному застолью – после презентации. Мне постелили в доме на полу. Все места повыше были заняты гостями из областного центра. Но, несмотря на дружный мужицкий храп и сивушный перегар, заснул я почти мгновенно и спал так крепко, что в полдесятого утра меня еле разбудили. Быстренько привёл себя в порядок, умылся студёной водой из рукомойника и скорей за калитку. Вижу, уважаемые гости-литераторы сидят на лавочке под черёмухой, курят. Мы познакомились. Так получилось, что как-то сразу подружился я с ответственным секретарём областной писательской организации Валентином Ивановичем Кухтой. Замечательный поэт и обаятельный человек. Переписываемся с ним до сих пор. Кроме Валентина, из всей писательской делегации запомнился мне тогда ещё один человек – Яков Петрович Гетман. Жилистый, сухопарый мужчина лет 65 с копной седых волос. По должности – заместитель Валентина Кухты. В то утро Яков Петрович сильно страдал с похмелья, но пить в одиночку не мог. Он долго приставал ко мне с уговорами выпить за знакомство. Наконец среди прибывших нашлись сразу три служителя муз, пожелавших вместо утреннего кофе опрокинуть по стакану доброго первача.

Пашка Гаврилов подготовился к презентации с размахом – самогона нагнали столько, что, наверное, всю нашу Сосновку можно было упоить в усмерть. Мы с Валентином обошлись крепким чаем с ватрушками. Еле отделались от «поправлявшей здоровье» компании и пошли прогуляться по живописной Овражной улице. До торжества оставалось несколько часов.

Официальная часть презентации с телевидением и журналистами из области, цветами и здравицами в честь автора утомила не только меня. Под занавес публика залила паркет городского Дома культуры шампанским, разбила несколько фужеров «на счастье» и под звуки духового оркестра Нижнекаменской мебельной фабрики отправилась двумя автобусами к дому Гаврилова. Там уже было всё готово к приёму гостей. Лента сдвинутых вместе столов тянулась от ворот до середины сада. На белоснежных скатертях цвели салаты, мясное ассорти, маринованные и солёные грибочки, золотисто подрумяненная индошатица, заливная рыба и ещё много всего, чему я и названия не знаю. Внушительная батарея бутылок сверкала в лучах заходящего солнца. Кроме Пашкиного самогона, который все ласково называли «гавриловкой», стояли бутылки с дымовской водкой, известной своим отменным качеством далеко за пределами области. Вкусовые пристрастия гостей были учтены – десяток бутылок коньяка «Белый аист» украшали стол. Но что я всё-таки попробовал и оценил – это самодельное вино из местного винограда. Его даже пить необязательно, можно просто наслаждаться великолепным ароматом и созерцать необыкновенно насыщенный рубиновый цвет. Так я и просидел весь вечер до глубокой ночи, держа в руке фужер с волшебным напитком.

Всё внимание гостей было обращено на виновника торжества и литераторам из центра, сидевшим рядом с Пашкой. Пашка, преисполненный гордости, с довольной улыбкой на лице, сиял как начищенный медный таз.

Яков Гетман похлопывал Пашу по плечу и с восторгом повторял одно и то же:

– Вот он, самородок земли Российской! Самобытный талант! А корни-то, друзья, корни откуда? Не знаете? Да это ж моя родня! У нас, у Гетманов, в роду были Гаврилы! Я вам документально могу доказать! Подыдем бокалы за нашу молодую смену!

А между тем давно стемнело. Народ потихоньку стал расходиться. Часть столов унесли назад соседям. Статоватная лампа с отражателем от автомобильной фары уютно освещала середину стола, за которым остались самые стойкие. Моим собеседником был художник-график Кирилл Пинчук, оформлявший Пашке почти все сборники. Он мне рассказал, что букву «в» в конце фамилии Павла добавил переписчик метрик и подлинная фамилия поэта не Гаврилов, а Гаврило. Пинчук, как и я, ломал голову над популярностью певца полей и пытался оправдать его творчество с точки зрения художника. Мол, течений в живописи много: суперреалисты, авангардисты, абстракционисты, экспрессионисты, кубисты и т.д. Среди всех течений нередко встречаются художники-

примитивисты. Их живопись сродни детским рисункам. Она яркая и наивная. Вот и Паша в поэзии – примитивист. Конечно, формулировка Пинчука, с одной стороны, была привлекательна, но поэзия – это не живопись. Поэзия, может быть, и должна быть глуповатой, но не глупой. Пинчук попытался сказать ещё что-то в защиту Гаврилова, цитируя раннего Заболоцкого, но здесь кто-то предложил читать стихи по кругу.

Естественно, Паша начал первым. Он неторопливо раскрыл свой сборник, дождался полной тишины, сердито глянул в мою сторону – видимо, что-то уловив из нашего разговора, и начал монотонно бубнить себе под нос:

Федот и Морфлот

Губы мне твои шептали:
«В жёны ты меня возьмешь?»
Врал я кареглазой Тае,
Мол, возьму, коль ты так хошь.

А хотелось Тайке очень –
Видно было по глазам.
Бегал к ней я тёмной ночью,
Пробираясь по садам.

Лето быстро пролетело.
В сентябре ушёл в Морфлот.
Тая замуж так хотела...
Замуж взял её Федот.

Яков Гетман ликовал. Опять начались здравицы в честь Пашки. Писатели стали всерьёз говорить о принятии Гаврилова в члены СП. Через полчаса вспомнили, что надо дать слово другим авторам. Дымовский поэт Егор Кузьмичёв прочитал отрывок из своей поэмы «Перестройка». Кстати, неплохая сатира на тогдашнее положение дел в стране. Валентин Иванович Кухта стал цитировать Максимилиана Волошина:

В мирах любви неверные кометы –
Закрыт нам путь проверенных орбит...

Ограничившись магистралом из венка сонетов, Кухта рассказал о жизни Максимилиана Волошина в Крыму, где земля наполнена эллинизмом и помнит о развалинах Венецианских башен. Вообще, Кухта на литературных вечерах почти не читает своих стихов. Так было и на этот раз. Закончив своё странное выступление, Валентин Иванович, смущённо улыбаясь, поклонился слушателям и сел.

– Видишь, Паша, – сказал Гетман, – наш ответственный секретарь, как всегда, умничает, своего любимого Волошина читает. А мне вот не нравится Волошин. Давай-ка, Гаврилов, прочитай нам своё новенькое.

И снова Пашка долго и нудно читал свои «вирши». Что ж, это был его день. Я рассеянно слушал.

Что с того, что я город прославил,
Свой родной Нижнекаменск в стихах?
Никогда я не думал о славе,
Да и некогда мне, я в делах.

Но народ понимает поэта.
Часто просят меня: «Почитай!
Без стихов нам твоих, как без света,
А наш дом без стихов, как сарай».

Вот поэтому я сочиняю
Для простого народа стихи.
И не надо мне славы, я знаю
Я – крестьянский поэт от сохи.

– Молодец! – Гетман порывисто вскочил со стула, крепко обнял Пашку за шею левой рукой и, притянув к себе, поцеловал.

– Без пяти минут член СП! Вы обратили внимание, товарищи, какая открытость, искренность и самокритика?!

Все одобрительно зашумели и опрокинули ещё по одной за новоиспечённого кандидата в члены Союза писателей. А я подумал, как можно было влить аж три буквы «я» в одну строфу?

Наконец, настала моя очередь читать стихи. Не знаю, что меня дёрнуло, но я решил, не называя автора, прочитать одно из моих любимых стихотворений Бориса Пастернака «Гамлет». Прочитать именно так, как читал его Владимир Высоцкий – без третьей строфы. Я вышел из-за стола, облокотился на столбик невысокого крыльца летней кухни и, чеканя каждое слово, стал читать:

Гул затих. Я вышел на подмошки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отголоске
Что случится на моём веку.

На меня направлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Дальше произошло непредсказуемое – мне не дали дочитать знаменитое стихотворение. Как только я произнес слова «Авва Отче, Чашу эту мимо пронеси», Яков Гетман вскочил, поднял правую руку и угрожающе прорычал:

– А вот этого нам не надо! Что вы здесь богоискательством занимаетесь? Какой ещё Авва Отче? Что вы себе, в конце концов, позволяете? Прекратите! Кто следующий? Нет никого? Паша, читай своё, порадуй душу!..

Не помню, в котором часу ночи потушили лампу над столом, и честная компания пошла отдыхать. Я, почему-то удовлетворённый тем, что уважаемые члены СП приняли стихотворение Бориса Пастернака за моё, пошёл спать в свою машину, попросив у Антонины одеяло и подушку.

На следующий день проснулись только к обеду. Делегация писателей из Дымовска загружала багажники своих машин «гавриловкой» и домашним виноградным вином. Конечно же, не забыли прихватить с собой огромную подборку стихов Гаврилова. С Валентином Ивановичем мы обменялись адресами и распрощались, сердечно пожав друг другу руки.

Мне торопиться было некуда, и я остался у Пашки ещё на несколько дней. Если раньше он еще как-то прислушивался к моей критике, то после презентации встал в позу и слушать не желал никаких замечаний по поводу своего творчества. А здесь ещё Чигирёв со своей похвалой, у которого Пашка издавал книгу за книгой, как блины пёк.

Побродив по окрестностям Нижнекаменска и вдоволь надышавшись чистым воздухом голубых озёр, я возвратился домой. Представь себе моё удивление, когда через месяц я получил письмо от Валентина Ивановича. Он писал: «Ломаю голову и не знаю, что делать с подборкой Гаврилова. Читали всем коллективом и не нашли ни одной поэтической строки. Ты Павла знаешь не первый год. Объясни ему деликатно, что пока он ещё не созрел до членства в СП. Подборку мы ему возвращаем. Пусть работает дальше». Очнулись, значит, литераторы. На трезвую голову прочитали. Но «гавриловка» сделала своё дело. Через некоторое время Кухта оставил свой пост ответственного секретаря СП. Его занял Яков Гетман. Павла Гаврилова приняли в Союз писателей. Вот такая история, Семён.

Фирсов встал из-за стола, налил в свою огромную кружку чаю и спросил:

– Ты у меня ночуешь?

– Да, пожалуй, останусь. Скажи, Володя, как ты, ревностный служитель муз, литературный критик, находишь общий язык с откровенным профаном в поэзии?

– А мы с Пашкой на литературные темы не беседуем. Говорим о живописи, о резьбе по дереву. Недавно он мне заказал скульптуру «Девушка с кувшином». Я заморачиваться не стал – в гравюрах Доре есть интересный образ. Пашка хочет себе в кабинет поставить.

– У него дома есть кабинет?

– Зачем дома? Павел Васильевич Гаврилов теперь занимает высокую должность ответственного секретаря Нижнекаменского отделения областной писательской организации с мая месяца прошлого года. Скульптура должна символизировать Музу поэта. Я уже работаю над заготовкой. Как закончу – покажу.

– И много посетителей бывает в кабинете ответственного секретаря? – спросил я, усмехнувшись.

– Напрасно иронизируешь, Сёма. Я прошлой осенью три часа не мог пробиться к нему в кабинет! Народу в приёмной, как к зубному врачу. Секретарша молоденькая грудью стоит возле двери в кабинет. Грудь, между прочим, у неё красивая. Моя очередь подошла к концу рабочего дня. Зашёл в кабинет, поздоровался. Пашку не узнать. Ладно спитый тёмно-синий костюм, белоснежная сорочка, модный галстук. Соответственное выражение лица. «Присаживайся, – говорит, – посмотри, как лучше можно оформить мой кабинет». Вот тут и созрела у нас совместная идея поставить в углу по правую руку Павла Васильевича «девушку с кувшином».

– Послушай, Володя, у меня тоже идея созрела. Твой рассказ о Гаврилове так и просится на бумагу. А что, если я его литературно обработаю – и в печать?

– Не дай Бог! Ты просто не знаешь, Семён, каким Пашка бывает в гневе! Во-первых, он мне этого не простит, а значит, изюбря ты ел в последний раз, и мне больше нечего делать в Нижнекаменске. Он же сразу догадается, что это с моей подачи написано.

– Володя, я же в корне всё поменяю, и фамилии, и место действия, оставлю только самую суть. И вообще, я не уверен, что он читает нашего «Одинокого странника».

– Дело твоё, но я бы не советовал. Хотя валяй! Кто сейчас читает? Настало время глянцевого журналов. Горы книг на помойках. Ты знаешь, Сёма, меня даже умиляет творчество Гаврилова, его упорство и, в конце концов, достижение конечного результата... Ну ладно, пойдём спать. Что-то я сегодня подустал.

– Володя, можно я в баньке, как в прошлый раз, заночую?

– Иди спи. Не забудь только под голову берёзовое полено положить, как епископ Василий Кинешемский.

– Куда мне до Кинешемского, грешнику окаянному. Я полушубок возьму и одеяло на всякий случай.

Пожелав спокойной ночи, я вышел на улицу. Небо было чистым. На его чёрном бархате мерцали далёкие звёзды. В городе таких не увидишь. Где-то на другом краю деревни незлобиво брехала собака. В бане было ещё тепло. На всякий случай я закинул в топку несколько поленьев и плотно прикрыл поддувало. По стене метались красные блики пламени, пробившиеся сквозь узкую щель печной дверцы. Со стороны железной дороги послышался шум поезда. Под этот приглушённый расстоянием звук я крепко заснул.

Владимир КОСТЫЛЕВ

ЧЕТВЕРГОВЫЕ РАДОСТИ

ЗИМОГОР

/Госка по Новосибирску/

– Минувшего – нет, минувшее – не случилось! – ответственно заявляю, клянусь [не дай Бог вязаться в спор с очередным «Фомой» – за себя не ручаюсь].

Весь мир – аллегория, а мне-то что? Живу надменно, собственные гематомы памяти на полставки вывожу [работодатель – время; задарма пусть «дядя» «пашет»], отчаиваться не собираюсь покуда...

Второго дня [в полдень] сидел в «Лодке»; обжигаясь, глотал мокко, рисовал дождь. Полтора часа мучился, нарочно не отвлекался даже на болтовню с неизвестно почему притихшей Лизой – она не умеет молчать, неустанно удивляясь самым обычным вещам, таким, как, например, перестук трамвайных колёс по увалу трамвайных путей на улице Джамбула. «Трамвай "Пятёрочка"»... Ничего особенного в металлическом скрежете, конечно, нет, но девушка слышит нечто таинственное, если не сказать мистическое, она торопится поделиться парализующими сознание переживаниями, боясь позабыть о предмете своего монолога главное.

Так вот – Лиза молчала, я – рисовал. Дождь – шёл. Каждый – занимался своим делом, никто никому не мешал. Идиллическая картина, потому и запомнилась [вот бы – надолго!].

...Сейчас – закрываю глаза, и всё катится к пьяной чёртовой матери. Всё – исчезает. И улица Джамбула, и трамвай, и только теперь непонятно почему вспомнившаяся родинка на внутренней стороне правого бедра Лизы. Любимая моя родинка. Самая любимая.

* * *

Конечно, мне было прекрасно известно, что правила дорожного движения запрещают остановку на мосту. Но я поклялся [непонятно кому] остановиться и сдержал слово [вот это слово – сдержал, за неисполненное – прости, Радость].

Два перламутровых камушка легко выскользнули из моей ладони и, играя лучиками солнца, будто в замедленном кино, невыносимо медленно стали падать вниз. Спусти вечность они коснулись подрагивающей от августовского холода водной поверхности и опустились на дно. *Два перламутровых камушка...*

...Краем глаза я заметил бегущих ко мне охранников моста.

ТРЕМОР

/графическое оформление сомнения/

Забывающие нас делятся на предающих и оставляющих. Первые – убийцы, вторые – суть пустоцвет, ибо не имеют корней в верности и склонны увлекаться соблазнами.

И не существует отдельных оправданий – для исключений – третьих [единственных, почти невозможных] забывающих.

От возвращения домой Одиссея до вчерашнего самоубийства самарской девочки-подростка [да – любовь! Именно – вопреки] непреложный факт: нет никакой разницы кого забывать – Agnus Dei на кресте или «вот уже несколько вздохов» как чужой человек.

[Никто никогда ни в чем не виноват (догма) – наши сердца в метастазах забвения.

«Равенства не надо. Это лишнее.», «Никто. Никому. Не равен. Никогда.» – умер гениальный Володин.]

* * *

Которых секретов сторониться разуверившемуся в тонкости неба? Мир мой, доброго тебе утра!

В кандалах исихазма бреду к идеалам святого Григория Паламы. Немеют губы от несмолкаемой Иисусовой молитвы, трескаются окаменевшие альвеолы.

* * *

[сквозь шум застолья]

– Милый мой созерцатель, одиннадцатый бокал вина – лишний. Ты за рулём. [Она их считает? В смысле – бокалы. Безусловно, я в надёжных руках – усмехаюсь.] Ты сегодня на удивление разговорчив (ластится). Кажется, нам пора, поздно. <...> У тебя неотвеченные вызовы, кто такая... – капризно поднимает бровь, тянет за рукав.

Отвожу взгляд в сторону. Обладатели неприятных голосов – чужие люди вокруг – её друзья. Должно быть, пришло время и мне стать палачом забывающим.

НАСЛОЕНИЕ

Этажом выше – дождь.

Этажом ниже – сизое небо.

Вдовствующие тучи. Гулливые. Гурьбой – по горизонту.

Вдохновенный вдох Создателя ввосьмеро больше – от моего инакомыслия. Силось понять – замысел, промысел. Тщетно, конечно. Истосковавшись по простоте, истёрханный сомнениями, бросаю на полпути исследования источника истины.

* * *

Троезвучия – истовые поклоны испытаниям. Нелегко – мыслете выписывать. Ищу консонанс.

Ну и денёк выдался! От воли до своеволия.

Хочется – на поклон покаянию. Что-то останавливает – гордыня, стыд, скромность (Господи, прости!)...

Велико Небо, мал путник, а путей – не заблудиться бы...

В НЕБО

/набор прозаизмов – ни для кого/

Прокусить губу – настало утро. «А не сегодня ли пора бросить курить? – затянув галстук, хватаю обжигающий чай. – Не опоздать бы на метро».

* * *

Безнадёжное межсезонье... В сентябре я начинаю забывать тебя. Вопреки снам, вопреки всему, во что почти не осталось сил верить. Глупая моя... Как же по-разному мы понимаем это горькое «ты – для меня»!

А на площади Ленина – по лужам – голуби в белых штанах.

[Почему-то особенно ясно запоминаются никчёмные мелочи.]

* * *

Там, где ты – облака, облака. Далеко! Радость, Радость – не звони мне, не выдумывай повода. У меня всё в порядке. Честное слово.

Не важно: вечера мои – мотыльки у бра, Deja Vu.

На последней странице выпадает из рук Псалтирь. Ты – не мой воздух, к этому ещё предстоит привыкнуть.

...Электронные письма. Дрожь морфем. Проказа сердца.

Прокусить губу...

ЖЁЛТЫМ ПО ЖЁЛТОМУ

/факты, ничего, кроме фактов/

Amar é viver duas vezes.

Любить – жить дважды (португал.).

Lormar, Andrea Conti, Rick Cardona... – только Богу известно, что отдал бы я, только бы никогда не слышать этих имён на романских наречиях!

– Мартина!

Многие женщины обладают талантом опустошать мужские кошельки, но эта... эта кареглазая с живой орхидеей в волосах – непревзойдённый мастер сводить счёты с моей Visa Infinite.

Она почти не говорит по-русски, но прекрасно умеет считать на любом языке мира.

* * *

Странное чувство нередко охватывает меня в любом уголке земного шара – едва закатное солнце касается горизонта, и тьма осторожно протягивает липкие щупальца во все концы света, дикая тоска обжигает сердце. Ничем не оправданная грусть заставляет вырываться из объятий любимой женщины, в другой вечер – прерывать разговор с добрым человеком [etc.]. Бегу сломя голову прочь – побеждать своё одиночество, одиночество вопреки всему. Ведь человек всегда одинок, кто бы ни был рядом... От неодионочества спешу к неодионочеству.

Помнишь, Лис обещал Маленькому Принцу плакать?

«Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь».

Normal.dot

Цветочные чашечки, увядшие розовые лепестки — медовая благодать минувшего. Белая моя знакомая коснулась счастья в разговоре с кудрявеньким мужчиной, мне-то что? — похлопаю веками друг о дружку, даже и отворачиваться не нужно — чужие судьбы умиления не вызывают.

* * *

[Непреренно глядя в одну из сторон света (кроме востока и запада, а между югом и севером — выбор очевиден)]

— Давай договоримся, что мои записи не имеют отношения к твоей замечательной фамилии и освещённому стареньким лампионом имени. У тебя нет права закрывать мои уста — отказавшись их размыкать, не претендуй на большее, старушка. Последнее — безусловно, с иронией [ну ты понимаешь...], — шамкаю.

* * *

Двойным пунктиром тянется неделя. Липкие каучуковые дни. Борюсь с простудой, благодарно принимая от доброй доброе — участие, сочувствие, поцелуи в лоб; благодарю за шёпот разговоров и горькие лекарства.

Последнее тепло октября... Если подтянуться к краю кровати и, вытянув шею, посмотреть сквозь тонкие солнечные лучи в окно, обязательно обратишь внимание на одинокие пирамидки туи, неведомо чьей любовью прижившиеся в наших не самых тёплых краях.

* * *

Сторонись производных от моих рефлексий. Ты не обязана жить «по [чужому] уставу». Оставь моему утру — утреннее правило, шелест листов Псалтири. Бог справедлив в неустанном стремлении превратиться из Дающего в Отнимающего. Оставь не своё.

Ничего страшного не случится, пока ты спишь...

БАЛЯСНИЧАТЬ ОТРЕКАЮСЬ

Как перед Богом: душно мне! Гагатовый крестик — будто жернов на шее, а в полушаге — бездна, на дне которой пылают грехи и сомнения, чужие шорохи, последние соблазны... Но душу из тела не так-то просто выморить... Цепляется замазашка — то за Евангелие, то за уголки губ Единственной.

Десять тысяч крузато — тому, кто вернёт мне покой! — нёбные миндалины воспаляются. Минувшее в синих одеждах непрошеным гостем садится за столом напротив, требует чашку мокко.

Уж лучше умереть от какого-нибудь паратифа, чем небылицами опаивать вечера. Душно мне!

Чернотропы мои... Закаты бордовые... — затуманился взор. Хы!

Друзья настоящие! Какие ж вы друзья? Щёки надули, кто — в скопидомы, кто в мать, кто в масть, кто — пилотку на лоб, кокарду — на пилотку... Добрые вы люди, и вам — охулки на руку не класть. Дайте что ли папиросу. Ведь доверялся вам, печенегам...

Широко шагая — либо придёшь быстрее, либо быстрее же выдохнешься. А назавтра — кто ты был, что за память оставил, кому помог?

Всё у меня было. Уроки добра. Сердечности. О, сколько я желчи вычерпал из себя, поверив Сердцу. Кланяюсь ему благодарно. Кланяюсь его сегодняшней молчаливости...

Всё у меня будет. Зажав в ладони пропуск с красной каёмкой, пройду через заветную проходную в любой час. И выйду – обратно – когда заблагорассудится. Ох уж мне эти режимные предприятия...

До скончания века – душно мне...

«КРАСНЫЙ ВЕТЕР»

На придуманных самолётах – придуманно улететь. В неудобном кресле трястись в ознобе воспоминаний или, попирая забвением радость избранных мгновений, сделать вид, что не было ничего – ни молчания, ни желания жить, ни серебряной благодарности. Спешить?

Твоя воля. Но, пожалуйста, делай это не так явно.

Словно арабийский самум, пронеслись твои мгновения разочарований, мои месяцы белой тишины. Я научился бегло читать по-французски и научился доверять тайны друзьям. Ты – кажется – стала ещё лучше разбираться в людях, но забыла о том, что лучшее чтение – это разговор с автором книги.

Каждый из нас стал мудрее.

Но как ты далеко сегодня, Радость! Так далеко, что у меня совсем не осталось сил бороться с ледяными торосами в сердце. Очень скоро, полагаю, – к ближайшему маю кристаллы льда спрессуются в алмазные, и тогда растопить их сможет разве что падение метеорита.

Ночью, когда уснуть нет никакой возможности, не зажигаю бра, хотя и боюсь темноты не меньше одиночества. В тёмной комнате, прислонившись спиной к стене, опускаюсь на пол. Закрываю глаза и ловлю затылком прохладу стены. Борюсь с воспоминаниями, ворующими сон.

СОН

Господи! Только и есть у меня – небо и земля.

На небе – Ты и это облачко. А на земле – она, та, без которой ни земли нет, ни самого высокого неба.

Господи! И кто же я сам? Неустанно терзающий Тебя маловерием странник, спешащий по земле за вечно ускользающим облаком?

О, если бы облако летело чуть медленнее... Мне никак нельзя без той, чьи глаза синее синего неба.

Господи! Дивно в мире Твоём! Всё спешу за облаком, не отпускаю руку той, без которой свет – тьма, а самые нежные мелодии подобны завываниям беззубой старухи-вьюги в январскую ночь...

Замираю, прислушавшись к шелесту тополиной листвы. Неостановимо ликует сердце моё, когда, поднявшись на вершину холма, гляжу на окружающие холм луга, где переливаются под июльскими ветрами волны густой полыни. Распахиваю объятия навстречу семи ветрам – ветрам памяти, ветрам веры в будущее, ветрам вдохновляющей надежды на благоую волю Твою.

Господи! Облачко растаяло над самой моей головой.

Теперь у меня только Ты и та, в чьих глазах отражается Небо.

ДРУГ

Хороший был у меня друг – Колька Атаханов.

Любил стихи. Любил радоваться обыкновенным пустякам, вроде шелеста тополиной листвы. Он и тополя-то всё время почему-то путал с осинами.

– Ничего вы, хабаровчане, – говорил Коля, – не понимаете в дальневосточной флоре. Ваши тополя – обычные приморские осины: и листва похожа, и стволы одного цвета...

Никто из нашей компании не старался разубедить Николая, все понимали – чудака он редкий, какого не переспорить. Улыбался и я, глядя в зелёные глаза друга, спешил перевести разговор на что-то иное.

Не могу сказать точно, когда человек переступает порог взрослой жизни. Наверное, у каждого он свой – этот порог.

Наша компания распалась сама собой, как бывает сплошь и рядом. Кто-то уехал учиться, кто-то женился, кто-то погнался за длинным рублём... Незаметно всем стало не до всех.

Шли годы. Николай – а мы изредка созванивались – работал всё в той же школе учителем-словесником, писал стихи, где-то даже публиковался. Кажется, у него был роман с матерью одного из учеников.

Ранней осенью 2004-го я с женой Ириной приезжал к Николаю на 30-летний юбилей. Посидели, как принято... Вино, воспоминания. Помню, весь тот вечер меня преследовало чувство, что Коля что-то хочет сказать мне: он набирал полную грудь воздуха, произносил два-три слова и... отведя глаза и махнув рукой, замолкал. Потом вспоминал что-то из детства, юности...

...В ноябре того же года в одну из чёрных ночей мне позвонил наш общий приятель Серёга Зайнулин:

– Влад, приезжай... Колька... разбился.

Коля выпал из окна. На его столе нашли чайную розу и записку: «Скажите ей, что люблю её».

Кто эта «она», мы так и не смогли узнать...

Дурак, скажут некоторые, суицид – глупость. А главное – проблем не решает.

А вы не верьте. Не верьте. Любовь – превыше всего.

* * *

Хороший был друг. Любил листопады.

ДАЙ МНЕ СТРАШНЫЕ ДНИ ПЕРЕЖИТЬ...

А ведь не станешь даже самым близким твердить неустанно, что который день задыхаешься от боли в груди, что даже скрежет зубов не помогает закрыть веки перед сном. К чему им откровения такие?

Забываюсь под утро. Тону в зыбких видениях (всегда об одном и том же): вижу поле, засеянное пшеницей, – далеко впереди, над горизонтом – полоска золотистых облаков. Понимаю, за ними – мытарства воздушные. Слава Богу! – мой срок зажать в зубах серебряный крестик.

* * *

У Любви – великая сила.

Дай мне страшные дни пережить...

Пасха – ранняя.

РЕБЯТА НАШЕГО ДВОРА

Надежда ЯДЫКИНА

МАЛЬЧИШКИ С БЕРЕГОВ КАТУНИ...

Скоро, скоро лёд растает,
Пароходы поплывут.
Скоро в армию забреют,
По винтовочке дадут.

Мы с товарищем вдвоём
В кавалерию пойдём.
Коней рядышком поставим,
Сами к девочкам пойдём.

Наши кони вороные,
Как соколики летят,
А милашки дорогие
Из окошечек глядят.

Вот такие частушки пели мальчишки с улицы Береговой села Сростки. Этот край называли Низовкой. (В селе было несколько краёв: Баклань, Мордва, Верхние и Нижние дикари, Харчёвка, Голожопка...).

Именно в Низовке, почти на берегу Катуня, точнее, на протоке этой своенравной реки, жил мальчик, затем юноша, в дальнейшем взрослый парень, отслуживший на Военно-Морском Флоте, Вася Шукшин. (Отсюда он в 1953-54 годах будет каждый день ходить на работу – в вечернюю школу в качестве учителя русского языка, литературы, истории и одновременно – директора вечерней школы; отсюда поедет в Москву и поступит во ВГИК.)

А тогда, в нашем далёком детстве...

Пели мальчишки задорно, гордясь немного собой, непобедимой Советской Армией и своей принадлежностью к Советскому государству. Им было тогда по 12-13 лет. Так и хочется назвать их поимённо. Это Олег Бычков, Сергей Бедарёв, Сергей Валиков, Виктор Пономарёв, Сергей Зяблицкий, Александр Куксин и Вася Попов, Василий Шукшин, будущий писатель, актёр и режиссёр (родной отец Василия Шукшина Макар был репрессирован, как «враг народа». Чтобы уберечь детей – Наташу и Васю – от гонений и преследований, Мария Сергеевна, мама, записала их на свою, девичью фамилию).

Руководил низовскими ребятами «предводитель», инвалид с детства, на костылях, Иван Мазаев. Друзья слушались и подчинялись ему.

Я не случайно начала свои воспоминания с частушек. В те годы их пели все: и малые, и старые, и, конечно же, мальчишки. Пели, искренне выражая свои чувства. Во многих частушках звучала гордость за свою великую Родину. Гордились тем, что скоро подрастут и пойдут служить в самую могучую армию любимой страны.

Поверьте, я нисколько не преувеличиваю их отношение к непобедимой и несокрушимой Советской Армии...

На долю этих пацанов выпало тяжёлое испытание – Великая Отечественная...

Некоторые из них, закончив всего четыре класса, уходили из школы работать в колхоз. Выполняли посильные и непосильные работы, «ворочали за мужиков», как говорили у нас. Косили траву, метали сено в стога, садились на

жнейки и убирали хлеб с заходом солнца до заката под его палящими лучами; скирдовали снопы в клади-скирды, чтобы потом обмолачивать хлеб на току. Если не успевали это сделать в осенне-летний период, то молотили зимой. Машина-молотилка была одна на все колхозы и бригады, поэтому приходилось ждать очереди, а потом работать от темна до темна. (Комбайны появились позднее, стало легче, но это потом, после войны...)

Обмолоченный хлеб надо было очистить на ручных веялках. Их крутили поочередно день и ночь, чтобы вовремя приготовить зерно к сдаче государству под девизом «Всё для фронта, всё для Победы!».

Снаряжали обозы, украшали красными лозунгами и флагами, на подводы садились те же мальчишки-гужевые и отправлялись в город Бийск на элеватор.

Рядом с подростками работали старики, женщины и мы, девчонки. Особенно трудно было поставить связанный сноп в суслон, в одиночку не могли, брались 2-3 девочки и ставили тяжёлые, неподъёмные снопы (суслон – это когда снопы ставятся вместе колосьями друг к другу и сверху прикрывают другими снопами). Руки горели от боли, от жары... Тяжело вспоминать, как боролись за хлеб, за каждый колосок.

Но молодость есть молодость. Наступал вечер, начиналось веселье, и усталости как не бывало... Всю неделю жили на пашне, в бригаде (в поле). Дом с нарами, на которых спали, днём – работали до упаду, а вечером у костра пели, танцевали, плясали, выкладывая все свои таланты в пляске, танце, народных песнях и частушках... Приходила суббота, под вечер шли по домам в баню, а потом на «тырло». Это название места сбора молодёжи пришло к нам в село с приездом депортированных из Поволжья немцев. До того звали «вечёрки» и «мысок». Это возвышенное место прямо около сельсовета.

Немецкие семьи расселили по квартирам местных жителей, молодёжь пришла на вечерку, на мысок. Помню, принесли с собой скрипку, мандалины, балалайки. Этот целый струнный оркестр исполнял танцевальные мелодии, под которые веселилась молодёжь.

Увидев, как мы под гармошку пляшем, танцуем, просто гуляем с песнями, они окрестили эти молодежные вечерки «тырло». (У них там, в Поволжье, в загонах овцы так же суетятся, двигаются, и место стоянки овец так называют.) Это слово укоренилось в обиходе сибиряков, и даже в программе братьев Заволокиных звучит в песенном жанре.

Вернёмся к мальчишкам нашего села.

Наступали осенние холода, а следом – матушка-зима. Они опять в работе за мужиков. Возят на лошадях сено на колхозную ферму, солому, лошади слабые от недокорма (овёс-то весь на фронт отправляли)... Колхозникам на трудодни тоже мало доставалось; слава Богу, картошка выручала, да хорошо, если во дворе корова-кормилица была. А если с ней что-то случалось (как с коровой Райкой в семье тёти Мани Поповой, матери В.М. Шукшина), тогда уж точно – слёзы горькие. Но люди в те годы крепко дружили, поддерживали друг друга, как могли. Не всегда в доме были спички, чтобы печь растопить, и не у всех. Утром выходила хозяйка на крыльцо и смотрела, у кого дым из трубы идёт, брала кизяк (их делали летом из коровьего навоза с соломой, а зимой ими топили печи), шла в тот дом, разжигала и несла в своё жилище, чтобы печь затопить.

Василий Шукшин потом скажет об этом трудном времени, что «зимой было два врага: голод и холод».

В обед на поле садились есть, и тот, у кого с собой была бутылка молока, обязательно забелит чай всем, кто не имел коровы. Делились всем, даже одеждой и обувью, помогали выживать друг другу.

Зимой молодёжь по праздникам и выходным дням собиралась на вечерки в доме какой-нибудь одинокой бабушки («откупали избу» – так это называлось), а платили за это продуктами или копейками, если такие случались у парней.

Там организовывались игры: «третий – лишний», «фантики», «игра в со-

седи» (это когда парни выбирают себе девушку, сидящую рядом, а «палач», то есть ведущий, с ремнём в руках спрашивает: «Сосед, соседку любишь?»

- Да или нет?

- Сколько раз?

- Пять (может, десять).

Если ответ «да», то парень целует девушку столько-то раз, а если ответ «нет», «палач» столько-то раз бьёт её ремнём.

Особенно популярным танцем в Сростках (кстати сказать, мало где встречается) была знаменитая и любимая всеми «Шестёрка». Два парня брали под ручку двух девчонок (шесть человек танцуют на кругу) и под плясовую музыку вытанцовывают сложные коленца, а сидящие поочерёдно поют при этом частушки.

Много позже Шукшин с удовольствием вспоминал: «В войну нам было по двенадцать – шестнадцать лет. Никакого клуба у нас не было. А многие уже работали. Как ни трудна жизнь, а через шестнадцать лет не переступишь. Собирались на вечеринку. С девушками. Была балалайка, реже – гармонь. Играли в фантики, крутили «шестёрку»... Целовались. И у каждого (кто повзрослей) была среди всех, которая нравилась. Когда случалось поцеловаться с ней при всех – обжигало огнём сердце, и готов был провалиться сквозь землю. Но – надо! И этого хватало потом на всю неделю. И ждётся опять субботу – не приведёт ли случай опять поцеловаться с желанной. Неохота говорить тут о чистоте отношений – она была. Она всегда есть в шестнадцать лет. Было весело – вот что хочется сказать. А кто организовывал? Никто. Лежала на печке бабка и иногда советовала «палачу» с ремнём: «А ты огрей её хорошенько, раз она капризничает. Огрей по толстой-то!.. Ишь какая!» И ещё подсказывала: «А ипо вот так раньше играли: садитесь-ка все рядком...». И работалось. И ждалось...

Что-то убили с вечёрками... Зря покалечили народное творчество в этом деле. Обычай не придумаешь, это невозможно».

А у меня есть об этом такая песня:

Вечерами зимними
Пряли нити длинные,
А весной, в Великий пост
Ткали белый тонкий холст.

Собирались девушки,
Вышивали рушники
Крестиком и стебельком,
Гладью и фигурным швом.

Вышивали скатерти,
Шторочки, подушечки,
Украшали кофточки,
Пришивали рюшечки.

Волновались девушки,
Смотрели за окошками:
Не идут ли молодцы
С весёлыми гармошками.

Ну а парни тут как тут
К ним с гармошкой идут,
Начинают петь-плясать,
Вальсы, польки танцевать.

А потом домой идут,
Песни про любовь поют,
А на завтра в тот же круг
На посиделочки придут.

Летом на «тырло» собирались парни и девушки со всего села, с разных краёв. Со своим гармонистом, с балалайкой, а если таких не было, то просто пели частушки под «тына-тына». Одна девчонка поёт эти два слова на частушечную мелодию, а все другие исполняют частушки поочерёдно или хором. А уж там, на месте, начинался настоящий концерт-соревнование. И пляшут, кто кого перепляшет, и поют частушки друг перед другом, и, конечно же, надо перепеть и переплясать соперниц или соперников и молодёжь из чужого края села.

Если у девчонки всё хорошо с кавалером, она на круту поёт, чтобы он слышал:

Мой милёнок – первернёнок,
Перверни – вернёночек.
Первернётся, улыбнётся –
Чистый голубёночек.

Или такую:

Ох, подруженька моя,
До чего же Саша мил.
Из ворот выходит, курит,
До меня доходит дым.

А то две подружки объясняются:

Ох, подружка, запевай,
Запевай запевочки.
Знаю, ты не подкачаешь,
Боевая девочка.

Запевай, моя подружка,
Запевай наедине.
Твой весёлый голосочек
Раздаётся в тишине.

Уж очень много частушек пелось про соперниц:

Изменяешь, изменяй,
Печатку мыла покупай,
Чернокожую соперницу
Белее промывай.

А про парней-изменщиков частушки лились беспрестанно:

Мене милый изменил,
Он пошёл, как господин.
Я двенадцать перменила,
А он трепетя один.

Мене милый изменил,
Изменяй, пожалуйста,
Я пойду позавлеку
Твоего товарища.

У парней свои частушки. Кроме армейских, у них ещё много драчливых было.

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пытались,
А мы тоже не сидели –
Того дожидались.

Нас побить, побить хотели,
Не на тех наехали.
У нас саночки свои –
Мы сели да уехали.

Нас побить, побить хотели,
Собирался весь аул,
А мы в каждом переулочке
Поставим караул.

В годы войны в клубе (бывшей церкви) хранилось зерно. После победы открыли клуб для молодёжи.

Наши мальчишки преобразились. Откуда-то появилась сдержанная элегантность. Оказалось, что они танцевать умеют и одеваться стали по-городскому: воротничок рубашки чуть распахнут, рукава ловко подвёрнуты чуть ниже локтя...

Повзрослели наши мальчишки, а мы и не заметили, как и когда. Военные годы сделали нас намного серьёзнее и взрослее.

Василий Макарович в годы детства и ранней юности тоже «прошёл этот путь», как потом признается сам: и в одном из четырёх колхозов села поработал («Катунь»), на быке воду возил – табачок поливать, а спустя годы появился рассказ «Бык», и хлеб убирал, и скирды охранял вместе со всеми. Шукшин напишет об этом в рассказе «Дядя Ермолай», почти ничего не изменив, даже фамилии пацанов оставил без изменения.

Из всех мальчишек нашего детства самое серьёзное и высокое образование получил Вася.

Мария Сергеевна (я звала её, как и все соседи, родственники, – тётя Маня) всеми силами старалась, чтобы Вася и Наташа (Таля её звали в семье) учились в институтах.

Василий Макарович прошёл тернистый путь от незаконченного автомобильного техникума до ВГИКа, стал известным писателем, актёром и режиссёром.

Он часто приезжал в Сростки, и в каждый приезд старался встретиться со своими друзьями детства, не хвастал достигнутыми успехами, не любил хвалиться вообще, больше расспрашивал их о работе, о семейной жизни. Его интересовало всё. Друзья детства с удовольствием собирались, плыли на остров, как раньше, рыбачили, варили уху, выпивали и рассказывали интересные случаи из своей жизни. Василий Макарович любил больше слушать, а потом многие эпизоды появлялись в его рассказах и фильмах.

Это были уже опытные шофёры Чуйского тракта, слесари, трактористы и комбайнеры, знали почём фунт лиха, хлебнули в детстве горького до слёз, а теперь, встретившись в каком-нибудь дальнем, своём любимом уголке Поповского острова, смеялись и плакали, «митинговали» по поводу несправедливости и правды, вспоминали первую любовь, тырло и вечёрки...

И, конечно, войну... Ведь именно им, мальчишкам, «...упала на слабенькие плечи огромная, недетская беда»...

Через много лет мы встретились уже не с Васей Поповым, а с известным всей стране и далеко за её пределами актёром, режиссёром и писателем Василием Макаровичем Шукпиным. После одной из таких встреч под тополями на остановке Чуйского тракта у меня сложилась песня:

Тополя, тополя, тополя,
Вы стоите у края села.
Распахнув свои ветви,
Шукшина каждый раз
вы встречали,
А когда уезжал он из родного села,
Грустным шелестом листьев
вы его провожали.

На Поповском шумят тополя,
Старожилы, а рядом подростки.
Хорошо помнят те времена,
Как встречали здесь праздники Сростки.
И до позднего вечера здесь
задорные песни звучали,
А влюблённые пары
до рассвета гуляли.

И живя от родных вдалеке,
Вспоминал Чуйский тракт
и любимые Сростки.
И грустил он о вас,
тополя, тополя, тополя,
И любил вас не меньше,
чем родные берёзки.

А закончить мне хочется такими словами:

Живя вдали от родины прекрасной,
С любовью о протоках вспоминал,
В своих рассказах, фильмах и романах
Шукшин село родное воспевал.

Идут года, Катунь меняет русло
И образует плёсы, острова,
А память остаётся неизменной,
Здесь люди чтут и помнят Шукшина.

РЕБЯТА НАШЕГО ДВОРА

Приключения Алисы и все её переживания – это приключения и переживания мои, моих друзей и одноклассников, живших на острове Русском в те годы. Тогда морской гребешок лежал на глубине вытянутой детской руки, а первозданная красота не была тронута бульдозерами и экскаваторами в катастрофических масштабах. Алиса и её папа дороги мне с детства. Сама Елена Яльнинная – девочка из «нашего двора», моя одноклассница. Её дебют в «Литературном Меридиане» – большая радость для меня.

Эльвира Кочеткова

Елена ЯЛЬНИНАЯ

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Алиса ощутила прикосновение солнечного тепла на своей щеке и нехотя открыла глаза. Было уже далеко не раннее утро, и солнце сквозь открытое настежь окно заливало всю спальню ярким светом.

Из кухни доносилась оживленная беседа двух мужчин. Девочка прислушалась.

Накануне вечером к папе Алексею в гости приехал давний друг, с которым они не виделись много лет. Мужчины допоздна засиделись на кухне, вспоминая о былом за бутылочкой дорогого коньячка.

С утра друзья уже обсуждали план предстоящего выходного дня. Голоса мамы слышно не было, но о её присутствии на кухне недвусмысленно сообщало весёлое шкворчание растительного масла на сковородке и зовущий аромат жареных пирожков. Девочка быстро вскочила с постели, накинула лёгкий шёлковый халатик и босиком влетела на кухню.

- Доброе утро! – поздоровалась она сразу со всеми.
- Доброе, доброе! – почти хором ответили ей взрослые.
- Мам! А с чем пирожки?
- С шиповником!

Алиса ненавидела собирать и тем более чистить этот колючий шиповник, а вот варенье из него и разные сладкие фирменные мамины кулинарные шедевры с его плодами просто обожала. Она схватила горячий пирожок и, обжигаясь, попыталась его укусить.

– А кто умываться будет? – как всегда, строгий папа любил по-военному порядок во всём. Девушке пришлось подчиниться.

Во время завтрака она выяснила, что мужчины собираются совершить морское путешествие на лодке вдоль бухты Новик и, конечно, напросилась к ним в компанию.

- А мы и так хотели тебя пригласить! – улыбнулся папа.
- А сколько у меня времени на сборы? – Алиса немного заволновалась.
- Пять минут, – полушутливо ответил отец.

Девчонку как ветром сдуло с кухни. Мало ли, а вдруг папа не шутит?

И ровно в назначенное время она уже стояла в прихожей в кроссовках, любимых потёртых джинсах и лёгкой маечке.

Мама критически осмотрела дочку и посоветовала взять с собой на всякий случай ветровку. Алиса, не возражая, протянула руку и, не глядя, стянула с вешалки в прихожей лёгкую курточку на молнии.

Вешалка у них была особая, не как у всех. Из случайно найденной в лесу во время обычной семейной прогулки красивой разлапистой коряги, её сде-

лал Алексей и любовно прикрепил к стене в прихожей. Всем гостям нравилось накидывать на импровизированную вешалку свои шляпы и верхнюю одежду.

На Русском острове часто дуют сильные штормовые ветра, и поэтому деревья обычно растут приземистые, низкорослые, так что такие коряги попадаются нередко. Надо их только разглядеть.

Мужчины уложили в походный рюкзак ласты, маски с трубками, острый нож и сетку-авоську на случай удачного улова морских деликатесов.

К полудню сборы были завершены, и дружная компания, не забыв попрощаться с мамой до вечера, отправилась в поход.

Своего плавсредства у папы не было, но один знакомый, старый рыбак, живший по соседству, разрешил попользоваться его видавшей виды лодчонкой, привязанной прямо на берегу к старому полуразвалившемуся пирсу.

Несколько лет назад это было довольно оживлённое место. Сюда причаливали большие и маленькие катера, красивые дорогие яхты с белыми парусами. Весёлый смех, громкая музыка часто нарушали тишину морского причала. Теперь всё заброшено, и только штыри, торчащие из остатков бетонного пирса, напоминали о прошлом.

Новая пятиэтажка на улице Зелёной, из которой держали путь наши герои, недавно была построена военными строителями – стройбатом – прямо в лесу, а от неё вниз к морю ходу пешком десять минут.

Вообще на острове Русский все населённые пункты располагаются недалеко от морского побережья. И для того, чтобы искупаться и позагорать, не нужно ехать за тридевять земель, если, конечно, не хочешь понежиться на горячем песке. Большие песчаные пляжи есть на острове, хотя Русский не может похвастать их изобилием. Тем не менее каменистые и скалистые берега с подводными пещерами и гротами тоже привлекательны и живописны для отдыха на побережье, и особенно для любителей плавания под водой. Она настолько прозрачна, что дно просматривается на несколько метров в глубину даже без маски.

А внизу есть что посмотреть. Ближе к берегу – длинные лабиринты из плавно качающейся изумрудно-зеленой морской травы, пройдя сквозь которые, попадаешь на открытую площадку изумительного морского дна. Ни один музей не способен воссоздать эту живописную картину. Морские звёзды удивительно правильной формы в изобилии украшают собой молчаливый и загадочный подводный мир Русского острова. Суетливо бегают меж камней, очищая дно от остатков пищи более крупных морских обитателей, небольшие крабики. Медленно по своим делам передвигаются морские чёрные ежи, волнообразно шевеля длинными острыми иголками и посверкивая в проходящих сквозь прозрачную толщу воды солнечных лучах. Реже встречаются серые ежи. С первого взгляда они немного похожи на обычных лесных ёжиков. Главная их беда в том, что они являются лакомой добычей знатоков ежовой икры, известной своими полезными свойствами. Редко можно встретить шустрю маленькую рыбёшку неизвестной породы. Не сразу разглядишь короля морских деликатесов, неказистого с виду морского гребешка. Он искусно научился прятаться в подводном ландшафте от ныряльщиков, а вот от хищниц – звёзд ему трудно спастись. Если звезда хоть одним своим щупальцем коснется его, то гребешок обречен. Хищница своими присосками приклеивается к раковине и тянет её на разрыв. Мускул гребешка долгого сопротивления не выдерживает, ослабевает, раковина открывается, и звезда свободно проникает внутрь за лакомой добычей.

Если повезёт, случайно можно спугнуть талантливо умеющую замаскироваться под любую окружающую среду плоскую камбалу, лениво лежащую на боку и наблюдающую за тобой глазами, вывернутыми на одну сторону.

Но вернёмся к нашим путешественникам.

Компания быстро прибыла в пункт назначения. Открывшаяся их взору картина не радовала глаз. Лодка была полностью затоплена водой. Недалеко от берега на камне сидели две крупные чайки. Они не испугались и не улетели, а наоборот, с любопытством наблюдали за прибывшими людьми. Алиса

сначала немного приуныла. Но ведь папа всегда найдёт выход из любой непредвиденной ситуации. Так произошло и на этот раз. Алексей быстро оценил обстановку.

- Команде оглядеться по сторонам! Банки, склянки, – всё, чем можно черпать воду, нести к лодке.

Дядя Петя нашёл валявшуюся неподалеку консервную банку из-под кабачковой икры, а сам Алексей – большую пластиковую бутылку.

- И как ты будешь этим вычерпывать? – засомневалась Алиса. – Неудобно же!

- А ты сама как думаешь? – задал отец дочери свой любимый вопрос.

- Наверное, горлышко отрежешь?

- Молодец, Лисёнок, соображаешь! – и он быстро соорудил удобный инструмент для предстоящей работы. Мужчины с энтузиазмом принялись за работу.

- Ну а твоя черпалка где? – Алексей заметил заскучавшую дочку.

- Давай я твоей поработаю, тебе ещё силы для весел пригодятся.

- Смотри-ка, какая заботливая дочурка у меня выросла! – обрадовался отец и отдал пластиковую бутылку Алисе.

Вскоре в лодке совсем не осталось воды и можно было отправляться в далёкое плавание.

Небо понемногу стало затягиваться тучками, но никто из компании не придал этому никакого значения. Мореплаватели легко отчалили от берега и, благодаря умелым навыкам Алексея как гребца, вскоре оказались на самой середине бухты Новик. И только после этого поняли, что начинается настоящая буря. Поднялся сильный ветер, резко похолодало и потемнело, солёные брызги дождём посыпались со всех сторон. Алиса уже про себя потихонечку начала сожалеть о том, что напросилась в морское путешествие. Лучше бы сейчас сидела дома с мамой, ела вкусные пирожки с шиповниковым вареньем и наслаждалась домашним уютом. Но вскоре мореплаватели выгребли в какую-то укромную небольшую бухточку, защищённую от ветра скалами. Там даже припекало солнышко.

- Нырять? – Алексей уже натягивал ласты и маску.

- С удовольствием! – дядя Петя последовал примеру друга.

Они кувыркнулись с борта лодки, обдав девочку дополнительной порцией солёных брызг. Но брызги уже не были такие холодно-обжигающие, они сверкали на солнце множеством весёлых разноцветных огоньков. Алиса закрыла глаза, и, пока мужчины обследовали дно, с удовольствием стала принимать солнечные ванны.

Около часа друзья купались и плескались, периодически ныряя и доставая одну или две раковины морского гребешка. В те золотые времена на Русском острове браконьеры не охотились на морской деликатес, и моллюска можно было найти лежащим на небольшой глубине.

В конце концов усталость и озноб дали о себе знать. Судно причалили к маленькому зелёному островку. Весь его берег был усыпан округлыми морскими камушками, тщательно обточенными прибрежной волной.

Алиса первой выпрыгнула из лодки прямо в воду, осторожно шагая по дну босыми ногами. Она знала, что на пути может встретиться морской ёжик. А уж если на него случайно наступишь, мало не покажется! Кончики его длинных острых иголок сразу обломаются впившись глубоко в кожу, оставляя на поверхности подошвы небольшую чёрную точку, иногда неприметную на первый взгляд. И поэтому не всегда удаётся сразу обработать все следы от ежовых игл. Да и вытащить обломок такой иглы не просто. Он крошится внутри ранки и не извлекается, как обычная деревянная заноза, а впоследствии место укола долго болит и может нарывать. Печальный опыт с морскими ежами у девочки уже был, повторять его она не желала. Кроссовки на всякий случай Алиса прихватила с собой. Мужчины тоже спрыгнули в воду и затащили лодку подальше на берег, чтобы её случайно не снесло волной в море.

- Костёр разжигать будем? – полубобылствовал Лисёнок.

– А как же! – весело ответил дочери Алексей. – Только сначала нужно дровишек раздобыть.

Друзья огляделись вокруг. На берегу тут и там валялись белесые, гладко обточенные со всех сторон большие и маленькие деревяшки разных размеров. Видно, и здесь бывают штормовые ветра, и волны выносят на берег обломки деревьев, обтачивая их вместе с камушками в округлые причудливые формы. Усталым мореплавателям не составило большого труда насобирать в достаточном количестве топлива для огня, и уже через несколько минут костёр весело потрескивал жарким пламенем.

– А когда гребешки готовить будем? – Алиса уже основательно проголодалась.

– Всему своё время, – Алексей не любил суеты. – Сначала дождёмся углей.

– А потом? – начала нетерпеливая дочь засыпать отца вопросами.

– Потом поставим ракушки на раскалённые угли.

– И когда они пожарятся?

– Как только раскроются, – папа, как всегда, был немногословен.

Девушка приуныла. Она понимала, что угли будут ещё не скоро.

Отец заметил настроение дочери и решил сделать ей сюрприз. Он взял раковину, просунул тонкое лезвие ножа между створками и умелым движением надрезал мускул гребешка, с помощью которого моллюск захлопывается при опасности, и легко открыл ракушку. Взору предстала удивительная картина. В середине волнистой белой тарелочки гребешка лежал «пяточок» – нежный кусочек белого мяса, обрамлённый кружевной коричнево-перламутровой мантией. Алексей ножом ловко отделил пяточок от ракушки и протянул дочке.

– Подкрепляйся!

Алиса слышала, что гребешки можно есть в сыром виде, но сама никогда не пробовала. Она с опаской взяла прохладную мякоть моллюска и осторожно откусила от неё маленький кусочек. Он просто растаял у неё во рту. Вкус был не сравним ни с чем. Оставшейся частью пяточка Лисёнок лакомился уже со знанием дела.

– Открой мне ещё одну раковину! – девочка решила продлить удовольствие.

– А может, дождёшься готовых гребешков? – отец уже раскладывал оставшиеся ракушки на горячие угли.

– Хорошо, дочь, как всегда, быстро поддалась на уговоры.

Вскоре раскалённые раковины стали щёлкать одна за другой и открываться. А это означало, что можно уже отведать и гребешок с дымком. Правда, горячий деликатес не так-то легко достать из костра, но отцовская находчивость и тут не подвела. Он взял приготовленные заранее две крепкие гладкие палочки с маленькими рогатинками на концах и аккуратно снял с угля горячие ракушки. Алиса от радости запрыгала и захлопала в ладоши. Ожидания оправдались. Вкус гребешка на костре был неповторим. Это поймет только тот, кто сам хоть раз пробовал. Дядя Петя тоже не удержался и съел ароматную белую мякоть.

Но пора и в обратный путь.

– Оглядеться по сторонам! – скомандовал капитан. – Вещи на берегу не оставлять.

Путешественники нехотя погрузились в лодку. Находясь на этом маленьком гостеприимном островке, они забыли про непогоду. А когда вышли в открытую бухту, разыгравшийся штормовой ветер сразу стал раскачивать небольшую лодчонку из стороны в сторону. Он дул с такой силой, что забивал рот и нос так, что невозможно было дышать и даже открыть глаза. Противоположный берег исчез с поля зрения путешественников. Ветер усиливался, лодку всё время сносило в сторону. Приходилось постоянно выправлять курс, а получалось, что они только кружили на месте. Брызги летели в разные стороны. Вся одежда безнадежно промокла. Алиса уже дрожала от холода.

Часто в критических ситуациях в голову приходят невероятные, но полезные идеи. И в тот момент Алексей вспомнил, что где-то поблизости в бухту

Новик впадает речка Полонского, в народе называемая «Полонкой». Он решил найти это место и громко крикнул:

- Хотите посмотреть, как солёная вода встречается с пресной?

- Разве так бывает? – прокричала Алиса в ответ.

- Бывает! – отец попытался перекричать ветер.

- Это далеко? – очередной ветряной порыв унёс слова девушки далеко в море.

А капитан по памяти уже брал курс по направлению к реке. Он попробовал забортную воду на вкус. Она всё ещё была обычная морская. Но через некоторое время дегустатор обнаружил, что солёность уменьшилась. Алиса набрала в ладошку воды и тоже решила снять пробу.

- Да она почти пресная! – удивлённо воскликнула девушка.

Это означало, что их лодка уже вошла в речное русло. Штормовой ветер почти стих.

Вскоре взгляду путешественников открылась удивительная картина. Высокие деревья, обвитые изогнутыми лианами кишмиша, склоняли свои ветви прямо к воде, необычайно тёплой и ласковой. По берегам гордо возвышались фиолетовые, красные и синие ирисы, огнём пылали буйно разросшиеся кусты дикой малины и красной смородины. Яркие разноцветные шляпки грибов выглядывали из-под густой изумрудно-зелёной травы.

- Мы попали в сказку?! – впечатлительная Алиса, замирая от восторга, смотрела по сторонам широко открытыми глазами.

Здесь было тепло и тихо. Лишь редкий всплеск вёсел о спокойную воду нарушал непривычную тишину. Да ещё где-то в кустах одиноко звучал сверчок.

Медленно продвигаясь по руслу «Полонки», путешественники уже успели согреться и даже почти забыть про непогоду. Время словно остановилось. Все трое были заняты созерцанием первозданной природной красоты!

Но вскоре река начала сужаться. Грести становилось всё труднее, и вот вёсла окончательно уткнулись в берег. Алексей протянул руку и оттолкнулся руками от дерева, растущего прямо у воды. Новый способ передвижения?! Дядя Петя последовал примеру друга.

- Сушите вёсла! – скомандовал капитан судна. И вот первопроходцы уже весело плывут, активно отталкиваясь от стволов деревьев, бросив вёсла за ненадобностью на дно лодки.

Алиса тоже попробовала дотянуться до ближайшего дерева, но это ей не удалось. И она решила помогать грести ладошкой. Благо, вода была тёплой и спокойной.

- Интересно, а где у Полонки исток? – заинтересовалась любопытная девушка.

- Наверное, ещё далеко, но на лодке мы вряд ли сможем до него дойти – засомневался отец.

- Давай попробуем пройти сколько сможем.

- Ну, давай, если не боишься!

И любознательность увлекает путешественников всё дальше и дальше вперёд. Но вскоре они добираются до места, где лодку невозможно даже развернуть. Да и своим днищем она уже начала задевать илистое дно реки. Продолжать путешествие по руслу Полонки стало рискованно, и, чтобы не сесть на мель, друзья решают возвратиться обратно.

Крепкие стволы деревьев услужливо подставляли свои шершавые бока, чтобы путешественники могли отталкиваться от них и двигаться по реке в обратном направлении кормой вперед. Дружная компания прощально созерцала эту первозданную красоту, девственный лес, крутые зелёные берега, причудливо изогнутые стволы деревьев. Постепенно русло реки стало расширяться.

- Теперь и весла можно доставать, – обрадованно сообщил Алексей.

Алиса почувствовала, что вода стала заметно прохладнее. Она попробовала её на вкус.

– Вода снова стала солёной! – сообщила девушка.

– Так и должно быть! – подтвердил отец. – Мы уже приближаемся к бухте.

И снова ветер, снова крупная рябь, снова лодку сносит в неизвестном направлении. Оказывается, непогода не прекращалась, а только путешественники ненадолго попали в сказочный райский уголок и забыли про разбушевавшуюся морскую стихию.

Дома ждёт, волнуется и, наверное, даже сердится мама. Время, отпущенное на путешествие, давно вышло. А мореплаватели двигаются по воде «в час по чайной ложке». Все успели поработать вёслами. Алиса даже натёрла ужасные водяные мозоли по четыре штуки на каждой ладошке.

– Так мы ещё долго будем крутиться на одном месте! – попытался Алексей перекричать ветер.

– А что же делать? – чуть не плакала Алиса.

Алексей решил обследовать дно лодки и под банкой, на которой сидел, обнаружил аккуратно сложенный длинный крепкий трос, заботливо приготовленный хозяином на всякий аварийный случай.

– О-о!.. – воскликнул капитан. – Вот это удача!

– Что ты нашёл?

– Я нашёл ключ к спасению! – громко и радостно сообщил Алексей. Он умело прикрепил конец троса к лодке.

– А теперь придётся вспомнить древний способ передвижения по реке. Помните картину «Бурлаки на Волге?» Поработаем бурлаками? Только надо подгрести поближе к берегу.

Они так и сделали. Когда до суши осталось метров тридцать, мужчины оставили одежду в лодке, взяли второй конец троса в руки и бултыхнулись в воду. А доплыв до берега, накинули трос на плечи и потянули лодку с одним пассажиром на борту вдоль побережья. Алиса сначала не поверила, что папа и вправду потянет лодку вручную. Да и страшновато было оставаться в этой легкой посудине одной на волнах. Но такой способ передвижения оказался в данной ситуации самым эффективным.

Мужчины благополучно дотянули своё судно до родного причала и привязали к пирсу. Замерзшие, усталые, измученные и всё-таки весёлые путешественники возвратились домой. Мама встретила их дома вкусным наваристым украинским борщом и своими фирменными котлетками с рисом.

Эта морская прогулка девочке запомнится навсегда. И потом, через много лет, став совсем взрослой, она даже напишет рассказ о своих приключениях на воде с папой и его другом в бухте Новик и на речке Полонского, что на острове Русском.

АВТОРЫ НОМЕРА

БЕРЕЗОВСКИЙ Николай Васильевич. Родился в 1951 году на Сахалине. Работал в геологоразведке, на заводе, в газетах. Окончил Литературный институт им. Горького. Публиковался в журналах «Юность», «Октябрь», «Уральский следопыт», «Сибирские огни» и др. Автор ряда книг прозы, стихов, публицистики и критики. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Омске.

ГАМАНОВ Владимир Фёдорович. Родился в п. Терней Приморского края. Окончил судомеханический факультет, аспирантуру при ДВВИМУ. В 1995-2010 гг. – первый проректор ДВГМА-МГУ им. адм. Г.И. Невельского. Публиковался в журналах «Литературный меридиан», «Сихотэ-Алинь», в сборниках «Паруса-2», «Паруса-3», «Паруса-4». Мастер спорта по яхтингу. Кандидат технических наук, профессор. Начальник Морской академии. Живёт во Владивостоке.

ГРИГОРЬЕВА Ольга Николаевна. Родилась в городе Новосибирске. Автор десяти книг для детей, одиннадцати поэтических книг, трёх книг очерков. Печаталась в журналах «Знамя», «Наш современник», «Студенческий меридиан», «Простор» и др. Лауреат Международной литературной премии им. Марины Цветаевой (2008), республиканской литературной премии им. Павла Васильева (2010). Член Союза российских писателей. С 1978 года живёт в Павлодаре.

ЗИНОВЬЕВ Николай Александрович. Родился 10 апреля 1960 года в станице Кореновской. Учился в ПГУ, станкостроительном техникуме, на филфаке Кубанского государственного университета. Автор двенадцати поэтических сборников. Секретарь правления Союза писателей России. Лауреат международного конкурса «Поэзия третьего тысячелетия». Его стихи были опубликованы практически во всех литературных журналах России. Сделаны переводы на китайский, сербский и армянский языки. Живёт в г. Кореновске.

КАБАНКОВ Юрий Николаевич. Родился во Владивостоке в 1954 году. Поэт, критик, публицист, филолог, богослов. Служил на Тихоокеанском флоте, работал парашютистом-пожарным, электромонтажником, преподавал литературу в сельской школе, редактировал книги. Выпускник Литературного института им. Горького. Член Союза писателей СССР с 1988 года (ныне – СП России), член Всемирной организации писателей International PEN-Club. Автор восьми книг и множества публикаций в центральной, региональной и зарубежной периодике. Лауреат премии издательства «Молодая гвардия» (Москва) «За лучшую первую книгу» («Кто служит ветром...», 1986); лауреат премии критиков Союза писателей РСФСР «Лучшие стихи года» (1990); лауреат премии губернатора Приморского края «За достижения в области литературы и искусства» (Владивосток, 2001). Книга «Камни преткновенные», выпущенная в 1999 году владивостокскими издательствами «Уссури» и «Лавка языков», завоевала в Интернете специальный приз конкурса русской сетевой литературы «Тенета-ринет – 1999». Автор религиозно-философских и богословских книг «Одухотворение текста» и «Последний византиец русской книжности» (ДВГУ: Владивосток, 2006 и 2007 гг.). Доцент кафедры филологических наук. Живёт во Владивостоке.

КОСТЫЛЕВ Владимир Александрович. Родился в 1974 году в городе Арсеньеве Приморского края. Главный редактор культурно-просветительского художественного издания «Литературный меридиан», член редколлегии Дальневосточного литературного журнала «Сихотэ-Алинь», член Общественного

совета журнала «Вольный лист». Автор сборника верлибров «Семнадцать ступеней»; книги прозаических миниатюр «Два кофейных зёрнышка»; ряда публикаций в региональных и центральных российских изданиях. Отдельные публикации выходили в Германии и Израиле. Живёт в городе Арсеньеве.

КОЧЕТКОВА Эльвира Васильевна. Родилась во Владивостоке на острове Русском в 1962 году. Окончила физический факультет Дальневосточного государственного университета, аспирантуру Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; в 1991 году защитила кандидатскую диссертацию по физике магнитных явлений. Преподаёт в Морском государственном университете им. Г.И. Невельского. Публиковалась в сборниках «Паруса», «Широкое море», в журналах «Литературный меридиан», «Сихотэ-Алинь». Автор книг стихов «Фиолетовое имя» (Владивосток, 2010). Директор издательской программы «Народная книга». Живёт в г. Владивостоке.

КУРБАТОВ Валентин Яковлевич. Родился в 1939 году в г. Салават Ульяновской области. Окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК). Автор многих книг о проблемах и судьбах русской литературы, в том числе о жизни и творчестве Виктора Астафьева, Михаила Пришвина, Валентина Распутина, Семёна Гейченко и др. Член правления Союза писателей России, член редколлегий и редсоветов таких изданий, как «Литературная учёба», «Москва», «День и ночь», «Роман-газета», член общественного совета культурно-просветительского художественного издания «Литературный меридиан». Автор и ведущий телевизионных фильмов о путях Православия и отечественной культуры. Живёт в Пскове.

ЛАВРЕНТЬЕВ Максим Игоревич. Родился в 1975 г. в Москве, в семье дирижера и композитора И. А. Лаврентьева (1921 – 1997). Получил среднее музыкальное образование. С 1995 по 2003 гг. работал кладовщиком в автомобильном техцентре. Заочно окончил Литературный институт им. А.М. Горького в 2001 г. Позднее работал там референтом, редактором в «Литературной газете». В 2008-2009 гг. – заместитель главного редактора, в 2010-2011 гг. – главный редактор журнала «Литературная учёба». Стихи опубликованы в российской и зарубежной, в том числе переводной литературной периодике («Волга – XXI век», «День и ночь», «Дети Ра», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Независимая газета», «Дружба народов», «Октябрь», «Юность» и др.), в антологии «Русская поэзия. XXI век» и др. Автор нескольких поэтических книг. Живёт в Москве.

ЛЕВАШОВА Ольга Васильевна. Родилась в 1987 году в с. Архиповка Приморского края. Окончила институт русского языка и литературы (отделение истории литературы) ДВГУ. Публиковалась в сборниках «С днём рождения, утро!», «Паруса», в журналах «Сихотэ-Алинь», «Литературный меридиан». Журналист. Живёт в с. Чугуевка Приморского края.

ЛЯШЕВА Руслана Петровна. Родилась в 1943 году в г. Петропавловске (Казахстан). Окончила факультет журналистики МГУ и аспирантуру Литературного института. Автор книг «Без лапши», «Актуальность старого», «Достоевский и Сартр», «Точка бифуркации», «Кентавр на берегу вселенной» и др. Активно выступает с критическими исследованиями в центральной периодике. Кандидат филологических наук. Живёт в Москве.

НАРБУТ Владимир Владимирович. Родился в 1948 г. в Новосибирске. Окончил факультет журналистики Казахского госуниверситета, работал в новосибирских газетах, последние 30 лет в «Вечернем Новосибирске». Печатался в новосибирской периодике, в коллективных поэтических сборниках и сборниках документальной прозы «Наши земляки», «Право на риск», «Откровенная песня» и др. Автор сборников сатирических четверостиший «Иногда лучше жевать» и «Цитатник пивного клуба «Вечерки»». Победитель конкурса на звание

лучшего поэта Сибири и Дальнего Востока. Награждён знаками Союза журналистов России «За заслуги» и «Честь. Достоинство. Профессионализм». Живёт в Новосибирске.

ПУЗИН Пётр Павлович. Родился в 1952 году. Проходил службу в странах Варшавского договора и войсках специального назначения. Мастер спорта по морскому многоборью. Публиковался в газетах «Красная звезда», «Боевая вахта», в «Литературном меридиане», других изданиях. Работает заместителем начальника судоводительского факультета МГУ имени адмирала Г.И. Невельского по воспитательной работе; доцент кафедры «Теория и методы спортивных дисциплин». Живёт во Владивостоке.

СТАРЦЕВ Егор Константинович. Родился в 1953 году в г. Воронеже. После службы в армии работал реставратором. Закончил филфак МГУ. Искусствовед, литературный критик. Живёт в г. Пермь.

СЫЧЕВА Лидия Андреевна. Родилась в 1966 году в с. Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. После окончания школы училась на историческом факультете Воронежского пединститута. Работала преподавателем, журналистом. В 1995 году поступила на заочное отделение Литературного института. В 1998 году дебютировала с рассказами в «Новом мире». Активно выступает в периодике как литературный критик. Автор нескольких книг прозы и публицистики. Главный редактор Интернет-журнала «Молоко» («Молодое око»). Живёт в Москве.

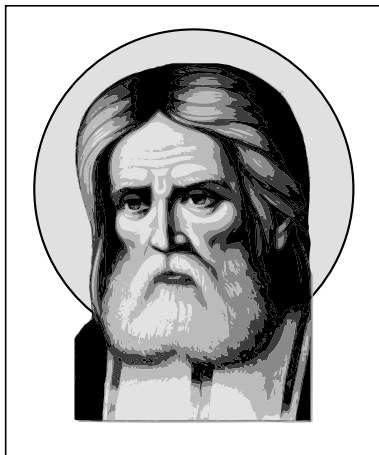
ТЫЩКИХ Владимир Михайлович. Родился в г. Лениногорске (Риддере) в 1949 году. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище, служил на Балтике и Тихом океане на надводных кораблях и подводных лодках. Автор трёх десятков книг, изданных в Москве, Норильске, Владивостоке, Усть-Каменогорске (Казахстан). Печатался в журналах «Байкал», «Бежин луг», «День и ночь», «Звезда», «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Студенческий меридиан» и др. Отмечен лауреатскими званиями в Москве, Хабаровске, Владивостоке, Нью-Йорке». Заслуженный работник культуры России. Живёт во Владивостоке.

СИЛУЯНОВ Ярослав. Родился в с. им. Полины Осипенко. Закончил хабаровский железнодорожный техникум. Живёт в г. Хабаровске.

ЯДЫКИНА Надежда Алексеевна. Родилась 19 августа 1930 года в селе Сrostки Алтайского края. Отличник народного просвещения РСФСР, ветеран педагогического труда, почти 30 лет проработала завучем школы, в том числе в родном селе, в школе имени В.М. Шукшина. Организовала детский народный ансамбль «Шукшинята» и много лет руководила им, за что награждена медалью «Лауреат второго всесоюзного фестиваля народного творчества, посвящённого 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции», и многими другими наградами. Почётный член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Автор многих песен и стихов о родном селе, о В. Шукшине, которого знала лично, общалась с ним, с его матерью Марией Сергеевной, сестрой Натальей Макаровой. Основатель музея В.М. Шукшина в Сrostкинской школе (1974 год). Почётный житель села, уважаемый учитель для нескольких поколений школьников.

ЯЛЫННАЯ Елена. Родилась в Казани в семье военного. Из-за переводов отца старшие классы средней школы закончила на острове Русском. Имеет специальность «технология кинофотоматериалов». Большую часть жизни проработала по месту службы мужа в одной из войсковой частей острова Русский. Первые попытки литературного творчества пришлось на годы обучения в Казанском химико-технологическом техникуме. Этот рассказ – первое появление перед глазами читателей. Живет во Владивостоке.

Ежемесячник «Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года, в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому Единому работати пламенне вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

Коллектив редколлегии культурно-просветительского художественного издания «Литературный меридиан» благодарит за спонсорскую помощь **Нонну ВЕСНИК (г. Москва), Валентина КУРБАТОВА (г. Псков), Руслану ЛЯШЕВУ (г. Москва), Анатолия БАКАЛОВА (г. Владивосток), Жанну РАЙГОРОДСКУЮ (г. Иркутск), Александра РАЧКОВА (г. Николаевск-на-Амуре), Лену АКИМОВУ (г. Партизанск Приморского края), Ирину БЕЗРУКОВУ (п. Кневичи Приморского края), Ивана КИЛАНОВА (г. Уссурийск Приморского края), Тамару ЯРОЦКУЮ (г. Хабаровск), Ирину ТИМОШЕНКО (г. Владивосток), Аллу МАЧТАКОВУ (г. Ангарск), Тамару ЦЕВУН (г. Артём Приморского края), Александра ЕГОРОВА (г. Владивосток), Виктора СЕЛЕЗНЕВА (г. Большой Камень), Тамару ШЕВЧЕНКО (г. Владивосток), Надежду БЕЛОУСОВУ (г. Благовещенск), Бориса ТОЛПЫШЕВА (п. Липовцы Приморского края), Василия ПОНОМАРЕНКО (г. Ярославль), Андрея УГЛИЦКИХ (г. Москва), Светлану ТИМИРГАЛИЕВУ (г. Москва), Андрея ЯРОШЕНКО (г. Новосибирск), Александру ПОЗДНЯКОВУ (г. Владивосток), Виктора ВЛАСОВА (г. Омск), Валерия ГЕРАСИМЕНКО (г. Арсеньев Приморского края), Сергея НАЗАРЕНКО (г. Арсеньев Приморского края), Ивана ШЕПЕТУ (г. Владивосток), Сергея БАРАБАША (г. Владивосток).**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Декабрь 2011 года

№ 12 (50)

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.
2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: имя (полностью), фамилия автора, а также наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате WORD.
6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Кóстылева.

Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Пер. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Формат 70x108/16. Усл. п.л. 7,58. Тираж 600 экз.

Номер подписан в печать по графику и фактически 26 ноября в 17-00.

Отпечатано в ООО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1.

Цена свободная.

ПОДПИСКА НА 2012 ГОД

	полгода	год
«Литературный меридиан»	300 руб.	500 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Кóстылева Владимира Александровича** по адресу издания.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край, 692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) **914-666-1-999** (с 01.00 до 15.00 по Москве)

E-mail: **Lm-red@mail.ru**

Ежемесячник высылается почтой (по указанному подписчиком адресу).

Никаких дополнительных затрат подписавшийся НЕ НЕСЕТ.

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ

**Материал Петра Пузина
«Подводные мили капитана субмарины» читайте на с. 40**

**Адмирал Г.А. Хватов (справа), контр-адмирал А.В. Макаренко,
День Победы, г. Владивосток, 2006 г.**

**Материал Надежды Ядыкиной
«Мальчишки с берегов Катуня» читайте на с. 84**

**На фото (слева направо):
В. Шукшин, С. Бедарёв, О. Бычков, И. Краснов, Н. Быстров.**

